

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Интеграция как фактор глобальной трансформации общественного устройства * Место России среди ведущих стран мира в процессе интеграции и соперничества в перспективе * Евразийская экономическая интеграция в контексте становления нового мирохозяйственного уклада * Совершенствование механизмов улучшения качества жизни в условиях экономической интеграции * Гибридные войны и национальная безопасность России * Научно-технологический базис пространственной интеграции * Экономический рост России в условиях глобальной трансформации * Влияние глобальных тенденций на стратегическое развитие российского машиностроения *

№2 (80)

2024

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ
№ 2(80) 2024**

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 27.08.2012 г. ПИ № ФС77-50990).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте**

в сотрудничестве с Санкт-Петербургской
региональной общественной организацией
ООО «Вольное экономическое общество России»

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опубликова-
ны основные научные результаты диссертаций на соиска-
ние учёных степеней доктора и кандидата наук (Решение
Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки
России от 2 февраля 2012 года № 8/13).

Журнал включён в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, e-mail: evrg@inir.ru

Подписано к печати 16.07.2024 г.
Формат 84 x 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 11,5. Усл. печ. л. 19,32.
Тираж 1000 экз. Заказ 24604

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью
«Типография «НП-Принт» 197110, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7

© ИНИР им. С. Ю. Витте:
составление, редакционная подготовка, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук,
профессор, чл.-корр. РАН;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд.
экон. наук;
С. С. Бодрунова, д-р полит. наук, профессор;
А. И. Колганов, д-р экон. наук, профессор;
В. А. Плотников, д-р экон. наук, профессор

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им.
С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством
Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР – С. Д. Бодрунов

Полное или частичное воспроизведение материалов, содер-
жащихся в настоящем издании, допускается с письменного
разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

Официальный сайт журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Р. Бахтизин, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, иностранный член РАН,
профессор Техасского университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некителов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
В. В. Окретиллов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Б. Н. Порфирьев, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Я. П. Силин, д-р экон. наук, профессор

ECONOMIC REVIVAL OF RUSSIA
№ 2(80) 2024

Academic periodical publication

Originally established in 1915 by the Economic Revival of Russia Society; current founder – *S. D. Bodrunov*

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(*Mass Media Registration Certificate PI No. FS77-50990 of 27.08.2012*).

**Published by S. Y. Witte Institute
for New Industrial Development (INID)**

in cooperation with St. Petersburg Regional Division
of National Public Organization Free Economic
Society of Russia

Included in the List of Top Peer-Reviewed Academic Journals and Publications recommended for publishing main research findings from prospective doctoral dissertations (*Resolution of the Presidium of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia of February 2, 2012 No. 8/13*).

The journal is indexed by the Russian Science Citation Index (RSCI) and posted on the Scientific Electronic Library (SEL) website.

Official Journal website: e-v-r.ru
Copyeditor – *L. A. Mozgunova*

Editor's office and publisher address:
16 Bolshaya Monetnaya St. 197101 St. Petersburg, Russia
Tel.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: evr@inir.ru
Signed to print on 16.07.2024.
Paper size 33.1 x 46.8 in. Offset paper.
Printer's sheets: 11,5. Conventional printer's sheets: 19,32.
Circulation: 1000 copies. Order No 24604.

Free pricing

Limited Liability Company "NP-Print Press"
Chkalovsky Pr., d. 15, lit. A, korp. 7
197110 St. Petersburg, Russia

© S.Y. Witte INID:
compilation, editing, 2024

EDITORIAL BOARD

S. D. Bodrunov, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor;
A. A. Zolotarev, Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in Economics;
S. S. Bodrunova, Doctor of Political Sciences, Professor;
A. I. Kolganov, Doctor of Economics, Professor;
V. A. Plotnikov, Doctor of Economics, Professor

S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) is operating under the research and methodological direction of the Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences.
INID Director – *S. D. Bodrunov*

Materials included in this publication may be reproduced in whole or in part with written permission from the publishers, in which case you are compelled to provide a citation referencing the *Economic Revival or Russia* journal.

**MEMBERS OF
THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD**

A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
A. R. Bakhtizin, Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS);
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the University of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
B. N. Porfrieiev, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
Y. P. Silin, Doctor of Economics, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

IX Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2024): «Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход»

<i>Бодрунов С. Д.</i> Интеграция как фактор глобальной трансформации общественного устройства	5
<i>Аганбегян А. Г.</i> Место России среди ведущих стран мира в процессе интеграции и соперничества в перспективе	12
<i>Глазьев С. Ю.</i> Евразийская экономическая интеграция в контексте становления нового мирохозяйственного уклада	34
<i>Окреплов В. В.</i> Совершенствование механизмов улучшения качества жизни в условиях экономической интеграции.....	46
<i>Бахтизин А. Р.</i> Гибридные войны и национальная безопасность России	54
<i>Иванов В. В., Сазонова Д. П.</i> Научно-технологический базис пространственной интеграции	65
<i>Хабибуллина З. Р.</i> Глобальные интеграционные тренды стратегирования мировой экономической системы: возможности и риски ноотрансформации.....	73

Проблемы развития экономики

<i>Николайчук О. А.</i> Экономический рост России в условиях глобальной трансформации.....	86
<i>Сироткин В. Б.</i> Проблема адаптации к инновациям в суверенной экономике: согласование требований контроля и эффективности.....	106
<i>Бурак П. И., Глотов В. И., Бауэр В. П.</i> Финансовая безопасность пользователей цифровых метавиртуальных сервисов	113
<i>Верников А. В., Курьшева А. А.</i> Правда ли, что национальные экономические традиции тормозят развитие? (институциональный подход)	122

Экономика предпринимательства и инновации

<i>Ситников Е. В., Рязанова О. Е.</i> Инновационное развитие отрасли по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления в России.....	141
<i>Силакова Л. В., Сайкина Т. А., Сысоенко М. В., Арцытов Н. А.</i> Сравнительный анализ результативности центров трансфера технологий вузов	154
<i>Краюшкина В. В.</i> Влияние глобальных тенденций на стратегическое развитие российского машиностроения.....	171

CONTENTS

IX Saint Petersburg International Economic Congress (SPEC-2024): Promising Integration Processes in the Global Economy: A Noo-Approach

<i>Bodrunov S. D.</i> Integration as a Factor of Global Transformation of Social Structure	5
<i>Aganbegyan A. G.</i> Russia's Place Among the Leading Countries of the World in the Process of Integration and Competition in the Future.....	12
<i>Glazyev S. Y.</i> Eurasian Economic Integration in the Context of the Emergence of a New World Economic Structure.....	34
<i>Okrepilov V. V.</i> Enhancing Mechanisms for Quality of Life Improvement in Conditions of Economic Integration	46
<i>Bakhtizin A. R.</i> Hybrid Wars and Russian National Security.....	54
<i>Ivanov V. V., Sazonova D. P.</i> Scientific and Technological Basis of Spatial Integration.....	65
<i>Khabibullina Z. R.</i> Global Integration Trends in Strategizing the World Economic System: Opportunities and Risks of Nootransformation	73

Economy Development Challenges

<i>Nikolaychuk O. A.</i> Economic Growth of Russia in the Context of Global Transformation.....	86
<i>Sirotkin V. B.</i> The Problem of Adapting to Innovations in a Sovereign Economy: Coordination of Control and Efficiency Requirements.....	106
<i>Burak P. I., Glotov V. I., Bauer V. P.</i> Financial Security of Users of Digital Metavirtual Services	113
<i>Vernikov A. V., Kuryshcheva A. A.</i> Is It True That National Economic Traditions Hinder Development? (Institutional Approach).....	122

Business Economics and Innovation

<i>Sitnikov E. V., Ryazanova O. E.</i> Innovative Development of the Industry for Processing, Recycling and Disposal of Production and Consumer Waste in Russia.....	141
<i>Silakova L. V., Saykina T. A., Sysoenko M. V., Artsytov N. A.</i> Comparative Performance Analysis of Technology Transfer Centers in Universities	154
<i>Krayushkina V. V.</i> The Influence of Global Trends on the Strategic Development of Russian Mechanical Engineering Industry	171

**IX Санкт-Петербургский международный
экономический конгресс (СПЭК-2024):
«Перспективные интеграционные процессы
в мировой экономике: нооподход»**

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-5-11

С. Д. Бодрунов¹

**ИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА²**

Современное глобальное развитие находится в бифуркационной фазе эволюции. Страны мира и их интеграционные объединения сталкиваются с новыми вызовами, преодоление которых в рамках традиционных теоретических концепций и реализованных на практике механизмов затруднительно. Требуется смена парадигмы развития. Интеграционные процессы должны приобрести новое качество. Теоретической основой для изменений является теория ноономики, а происходящие изменения можно трактовать как ноопереход. Глобальная трансформация социально-экономических систем в рамках нооперехода неизбежно приведёт к изменениям в отдельных странах и в существующих интеграционных группах. В качестве одного из лидеров новой интеграции, стратегия развития которого хорошо вписывается в концепцию нооперехода, рассматривается объединение БРИКС (БРИКС+). Для закрепления этого лидерства предлагается разработка единой долгосрочной стратегии многосферного развития, ориентированной на выстраивание взаимодействия данной интеграционной группы с другими государствами, объединениями и международными организациями.

Ключевые слова: ноономика, новое индустриальное общество второго поколения, мирохозяйственный уклад, глобальное развитие, мировая экономика, интеграционные процессы, интеграционные объединения стран.

УДК 330.352

---

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (197101, РФ, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, 16), президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, e-mail: inir@inir.ru

² Подготовлено по материалам пленарного доклада на IX Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2024) «Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход» (04–05 апреля 2024 года).

Человечество переживает напряжённый этап общественного развития. Достигшая небывалых размеров турбулентность глобальных процессов есть отражение процессов бурного продвижения научно-технического прогресса, расширения влияния развития сферы технологий на социальное устройство. Человечество столкнулось с глобальным противоречием. С одной стороны, налицо усиливающийся рост уровня технологий, а также расширяющиеся возможности их применения; с другой – архаизирующийся тип современного экономического устройства, стимулирующего возгонку симулятивного потребления, расслоения социальных групп, разобщения стран и народов. Это ведёт к принципиальному конфликту развития социально-экономической системы [1]. Цивилизация вступила в фазу, которую мы называем «точкой бифуркации» общественного развития.

Всё более отчётливо осознаётся неизбежность перехода глобального развития на новый этап, который будет базироваться на индустриальных технологиях нового типа. Они станут материальной основой формирования очередного (в принятой категории – шестого с элементами седьмого) технологического уклада, который стал преобладающим фактором становления нового глобального социально-экономического уклада.

Такое состояние мировой экономики, взаимосвязанных технологических, экономических и социальных процессов наш коллега академик С. Ю. Глазьев обозначил как *новый интегральный мирохозяйственный уклад* [2]. Этот уклад самым непосредственным образом формирует социальный облик следующего этапа развития нашей цивилизации, её общественного устройства. Во второй половине XX в. Дж. К. Гэлбрейт отметил принципиальное влияние новых технологий, развития индустриального сектора и формирования на их основе технотехнологической экономики на общественное устройство, которое он назвал новым индустриальным обществом [3]. Мы очередной новый этап развития обозначили как новое индустриальное общество второго поколения – НИО.2 [4]. Принципиальное отличие его материальной и институциональной основы – очередного технологического и мирохозяйственного укладов – в том, что базовым фактором производства становится не материальная компонента (материалы, природные ресурсы и энергия) при её безусловной важности, а знание. Такое производство мы назвали знаниеинтенсивным, а соответствующие технологии – знаниеёмкими.

Особенность индустрии такого типа и связанных с ней секторов экономики – глобальный характер, всё более высокий уровень связности и взаимозависимости акторов материального производства. Необходимость повышения эффективности экономической деятельности требует усиления интеграции интересов и возможностей её участников.

Повсеместное усиление интеграционных процессов достигло в последние десятилетия такого размаха, что интеграцию можно считать одной из важных характеристик развития мировой экономики на всех уровнях – от производственных структур, социальных сообществ вплоть до уровня межстрановых, международных объединений на различной основе.

Однако, возникает вопрос. Что это за интересы? Какие цели преследуют участники интеграционных процессов? Какими мотивами руководствуются их инициаторы и провайдеры? На нынешнем этапе в рамках формирования интегрального мирохозяйственного уклада мы наблюдаем различные варианты ответов на эти вопросы.

Современное состояние мировой экономики и международных отношений отличается повышенным уровнем конфликтности, турбулентности и неопределённости [5].

Характер внешних и внутренних вызовов, угроз и шоков для национальных систем становится всё более жёстким, что обусловлено как глобальностью происходящих процессов, так и определяющими их фундаментальными закономерностями. Мир оказался на «развилке» цивилизационного пути – с высокой вероятностью реализации катастрофического сценария. И сегодня общество, подчас инстинктивно, находится в ожидании (деятельном или пассивном) знаковых для мира событий, которые обеспечат успешное прохождение «точки бифуркации» – к возникновению нового качества цивилизационного развития.

Одним из объектов современных международных отношений, на котором сосредоточено внимание, является БРИКС [6]. Мировое сообщество внимательно отслеживает каждое событие, происходящее в рамках данного объединения, тем более что в 2024 г. председателем БРИКС выступает Россия. Деятельность БРИКС, основанная на принципах равноправия, взаимоуважения, открытости, солидаризма, мирного сосуществования и «многопрофильного стратегического партнёрства», привлекает к участию в этом объединении всё больше государств.

С другой стороны, оригинальность БРИКС порождает ответную реакцию стран Запада, осознающих появление конкурента за установление нового глобального миропорядка и угрозу утраты мирового лидерства. Отсюда и развязывание мировой гибридной войны, и развитие санкционных режимов, и стремление США и их союзников сдерживать рост БРИКС. Такое «разнонаправленное» внимание к данному объединению указывает на особое значение БРИКС для современной стадии мирового развития и грядущего общественного переустройства, т. е. той роли, которую эта группа в своём расширенном формате призвана сыграть в глобальном ноопереходе.

Ранее мы отмечали, что глобальный ноопереход представляет собой процесс развёртывания позитивного эволюционного сценария развития человечества и особый интервал в рамках индустриального этапа ноодвижения [7]. Его стартовый отрезок приходится на фазу преодоления современного переходного периода (от V технологического уклада к VI и от старого мирохозяйственного уклада к новому – интегральному, с соответствующей сменой стран ядра (по Самиру Амину и Валлерстайну), а конечный – на возникновение ноономики и нообщества.

Ноопереход тесно связан со сменой парадигмы и является переходом от модели роста, в основе которой – экономическая рациональность, ориентированная на поддержание «зоо»состояния «общества потребления» и возгонки его «симулятивных потребностей», получение и максимизацию прибыли любой ценой, к модели развития на базе реализации задач удовлетворения ноопотребностей человека и общества, формируемых на основе нооценностей, не-экономическим способом. Более того, ноопереход сопряжён с процессом постепенного формирования и расширения социального ноопространства.

В настоящее время можно лишь спрогнозировать некую последовательность возникновения и протекания этапов и тех или иных событий глобального нооперехода. Возможным ориентиром траектории ноодвижения может служить генезис ноономики, который наблюдается на современной ступени мирового развития. Олицетворением этого генезиса служит «квадрига» базовых процессов: научно-технического прогресса, диффузии собственности, социализации общества и развития ноокачеств человека, солидаризма.

Эти знаковые тенденции, или «векторы перемен», каждый из которых «заточен» под конкретную цель: создание материальных основ движения к ноономике, за-

ложение нового фундамента для формирования человеческих потребностей, создание общественных и идеологических условий продвижения к ноообществу – тесно связаны с ноопереходом. Более того, именно они являются его ключевыми атрибутами.

Формирующийся мирохозяйственный уклад не случайно назван С. Ю. Глазьевым интегральным, это подчёркивает высокую значимость и глобальность последствий интеграционных процессов, в том числе на современном этапе общественного развития. Именно разноуровневая интеграция, основанная на нооценностях, обеспечивает качество и скорость прохождения этапов глобального нооперехода.

Для определения конструктивных интеграционных процессов, обеспечивающих глобальный ноопереход и его ускорение, вводится понятие *нооинтеграции*, которое имеет свои значимые особенности:

– цели нооинтеграции выстраиваются на нооценностной основе с опорой на неэкономические принципы и интересы – с учётом экономической составляющей интеграции на этапе НИО.2;

– исходя из ноокритериальной базы формируются особые этапы интеграционного развития. В качестве первого этапа выделяется конструирование единого нооценностного пространства и пространства культурного обмена, которое может быть дополнено созданием единых пространств (научного и образовательного, технологического и коиндустриального, социального) и высшей ступенью – образованием ноообщества и нооинституций. При этом для каждого этапа потребуется своя стратегия действий;

– нооинтеграция предполагает сопряжение множества интеграционных процессов. Сюда включается не только «интеграция технологий» и формирование интегрированных систем (транспортных и др.), но и, например, «интеграция поколений» как результат социального развития. Достигнутые экономические преимущества будут превращены в социальные достижения;

– процесс нооинтеграции подразумевает изменение условий вступления потенциальных государств-членов в интеграционное объединение, где все страны в любой точке мира имеют одинаковые шансы на развитие нооинтеграции, а интеграционное объединение, основанное на подобных принципах, выступает в качестве «союза равных»;

– нооинтеграция станет не способом обособления от мира, а объединяющим началом и воплощением справедливости и солидаризма, в том числе снимет проблемы «конкуренции регионализмов» и «интеграционной незрелости».

Таким образом, нооинтеграция предстаёт как «разумное объединение», т. е. осознанное, необходимое, носящее глобальный и объективный характер – «создание целостности» на базе нооценностей и знаний, формирующих основу для взаимопонимания и доверия между народами.

В современном научном дискурсе под интеграцией чаще всего понимают международную экономическую интеграцию [8], а в качестве её наиболее успешного примера чаще других упоминают Европейский союз. Однако, «образцово-показательная» европейская интеграция, изначально нацеленная на обособление и получение преимуществ за счёт стран, не входящих в это объединение, на деле сталкивается с тупиками, кризисами и проблемами, ведущими к противоположному результату – дезинтеграции.

Кроме того, использование стандартных факторов эффективности экономической интеграции обрекает ряд государств (с развивающимися, формирующимися и

трансформирующимися рынками) на заведомо низкий уровень интеграции, в том числе вследствие непреодолимой «интеграционной незрелости». А это уже содержит элемент дискриминации стран – нередко по не зависящему от их воли признаку. Приходится констатировать, что, несмотря на серьёзные наработки в этой сфере, вопрос о научном поиске новых концепций, решений и моделей интеграции остаётся открытым.

Объединение БРИКС сравнительно редко именуют интеграцией в традиционном понимании, что даёт основание для применения других методов анализа, в частности нооподхода, и возникновения принципиально иного типа общности и процесса – нооинтеграции. В пользу того, что БРИКС можно считать новым прогрессивным видом интеграции, одним из ключевых факторов нооперехода, свидетельствуют следующие факты:

- страны ядра БРИКС стали символом и «популярным образом» интегрального мирохозяйственного уклада, поскольку именно этой *особой общности государств* суждено сформировать ядро азиатского цикла накопления капитала, приходящего на смену американскому, и вывести человеческую цивилизацию по пути нооперехода к ноономике;

- уже сегодня страны БРИКС приступили к формированию ряда выделенных ранее стадий нооинтеграции: фактически речь идёт о создании и укреплении нооценностного ядра и сбалансированном регулировании научно-технологического развития, а также создании единых научно-образовательного и научно-технологического пространств (на базе общих ценностей);

- отмечается особая роль знаний и их практического воплощения (новые технологии и НТП) в истории БРИКС: именно благодаря этому аспекту возникла возможность регулярного диалога и взаимодействия стран существенно удалённых друг от друга;

- БРИКС объединяет так называемые большие страны (по численности населения, протяжённости границ и той роли, которую они играют в мире): объединяя континенты и народы, эти государства создают пространство для реализации крупных трансконтинентальных проектов с уникальным по масштабу синергетическим эффектом (в сферах экономики, социальной, научно-технической и других);

- БРИКС+ представляет собой новую особую «общность цивилизаций» и пространство для их диалога;

- нооинтеграционные процессы и объединения взаимодополняемы и сопрягаемы: к примеру, БРИКС может гармонично сосуществовать с такими идейно и качественно сходными китайскими инициативами, как «Один пояс – один путь» и построение «Сообщества единой судьбы человечества», а также с проектом Большого Евразийского партнёрства.

В рамках БРИКС+ прежде всего целесообразно сохранить существующие достижения и перейти к выработке единой долгосрочной стратегии многосферного развития, построению взаимодействия данной интеграционной группы с другими государствами, объединениями и международными организациями, запустив процессы нооинтеграции. Это позволит найти выход из развилки цивилизационного развития и приступить к позитивному переустройству общественного пространства на качественно ином уровне – обеспечить эффективный ноопереход от экономического общества к ноообществу.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
2. Глазьев, С. Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов / С. Ю. Глазьев // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 43–64.
3. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт – М.: АСТ, 2004. – 608 с.
4. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2016. – 352 с.
5. Плотников, В. А. Перспективы экономического развития в условиях постнормальности / В. А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 6 (138). – С. 15–21.
6. Лавров, С. В. БРИКС: курс на справедливое мироустройство (статья для южноафриканского журнала «Убунту», 21 августа 2023 г.). Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1901054/ (дата обращения: 22.03.2024).
7. Бодрунов, С. Д. Промышленная политика России в условиях вызовов глобальной трансформации: задачи теории и практики перехода к новому этапу индустриального развития (НИО.2) / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2 (76). – С. 5–12.
8. Хасбулатов, Р. И. Международная и континентально-региональные экономические интеграции: формы, типы, противоречия / Р. И. Хасбулатов. – М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. – 324 с.

References

1. Bodrunov S. D. (2018) Noonomika [Noonomy]. Moscow: Cultural Revolution. 432 p.
2. Glazyev S. Y. (2022). Noonomika kak sterzhen' formirovaniya novogo tekhnologicheskogo i mirokhozayastvennogo ukladov [Noonomy as the Forming Linchpin for the New Technological and World Economic Order]. Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID, 1(1), pp. 43–64.
3. Galbraith J. K. (2004) Novoye industrial'noye obshchestvo [The New Industrial State]. Moscow: AST Publishing House. 608 p.
4. Bodrunov S. D. (2018) Gryadushcheye. Novoye industrial'noye obshchestvo: perezagruzka [The Coming of New Industrial State: Reloaded]. Moscow: Cultural Revolution. 352 p.
5. Plotnikov V. A. (2022) Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya v usloviyakh postnormal'nosti [Prospects for Economic Development Under Postnormal Conditions]. News of the St. Petersburg State Economic University, 6(138), pp. 15–21.
6. Lavrov S. V. (2023) BRIKS: kurs na spravedlivoye miroustroystvo [BRICS: Towards a Just World Order]. Foreign Minister Sergey Lavrov's Article for South Africa's Ubuntu Magazine, August 21, 2023. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1901054/ (Access date: 22.03.2024).
7. Bodrunov S. D. (2023) Promyshlennaya politika Rossii v usloviyakh vyzovov global'noy transformatsii: zadachi teorii i praktiki perekhoda k novomu etapu industrial'nogo razvitiya (NIO.2)

[Industrial Policy of Russia in the Face of Challenges of Global Transformation: Tasks of the Theory and Practice of Transition to a New Stage of Industrial Development (NIS.2)]. *Economic Revival of Russia*, 2(76), pp. 5–12.

8. Khasbulatov R. I. (2019) *Mezhdunarodnaya i kontinental'no-regional'nyye ekonomicheskiye integratsii: formy, tipy, protivorechiya* [International and Continental-Regional Economic Integration: Forms, Types, Contradictions]. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics Publ. 324 p.

S. D. Bodrunov³. Integration as a Factor of Global Transformation of Social Structure. Currently global development is in the bifurcation phase of evolution. Various countries of the world and their integration associations today are faced with new challenges, which are difficult to overcome within the framework of traditional theoretical concepts and mechanisms implemented in practice. It became clear that a change in the development paradigm is needed. Although, the author does not deny the necessity and expediency of integration processes. However, they must acquire a new quality. The theoretical basis for these changes is the theory of noonomy, and the changes that take place in practice, as the paper shows, can be interpreted as a nootransition. The global transformation of socio-economic systems within the framework of this transition will inevitably lead to changes both in countries individually and in existing integration groups. The article highlights the BRICS group (BRICS+) as one of the leaders of the new integration, development strategy of which fits well with the concept of nootransition. To consolidate this leadership, it is proposed to develop a unified long-term strategy for multi-sphere development, focused on building interaction between this integration group and other states, associations and international organizations.

Keywords: noonomy, new industrial society of the second generation, world economic order, global development, world economy, integration processes, integration associations of countries of the world.

---

³ *Sergey D. Bodrunov*, Director of S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (16 Bolshaya Monetnaya St., St. Petersburg, 197101, Russia), President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, e-mail: inir@inir.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-12-33

*А. Г. Аганбегян*¹

**МЕСТО РОССИИ СРЕДИ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА
В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ И СОПЕРНИЧЕСТВА
В ПЕРСПЕКТИВЕ²**

Предлагается прогноз социально-экономического роста на перспективу для России и ведущих стран мира, составленный с учётом мнения экспертов. Рассмотрены основные линии интеграции и соперничества среди ведущих стран мира. Выполнен анализ возможностей и проблем в социально-экономической интеграции с Китаем, Индией и странами Юга. Выделены основные направления сотрудничества России и Китая: торговля, образование, туризм, сфера научно-технологического и инновационного развития. Анализируются возможности взаимодействия России с развитыми странами в условиях жёстких санкций, а также последствия последних и меры, принимаемые для их нивелирования (импортозамещение). Обосновываются условия, необходимые для рывка России в научно-технологическом, экономическом, демографическом и социальном плане. В этой связи рассматриваются источники мобилизации финансовых ресурсов на вложения в основной и человеческий капитал и их распределение по четырём направлениям. В качестве главной цели научно-технологического подъёма определяется инновационное развитие. Внедрение инноваций позволяет создать передовую материально-технологическую базу и в конечном итоге – повысить благосостояние людей.

Ключевые слова: интеграция, социально-экономический рост, сценарии развития России, инновационное развитие, сотрудничество с Китаем.

УДК 330.352

**1. Главные линии социально-экономической интеграции и соперничества
среди ведущих стран мира**

Для России рассмотрены три сценария: негативный, вероятный и оптимистичный, различающиеся среднегодовым приростом валового продукта в перспективе: 2, 3 и 5 % (табл. 1). По лучшему прогнозу Россия займёт 4-е место в мире, уступив Китаю, США и Индии и существенно опередив Индонезию, Японию и Германию. По среднему показателю Россия перемещается на 5-е место, пропустив вперёд Индоне-

---

¹ *Абел Гезевич Аганбегян*, заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, РФ, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1), д-р экон. наук, профессор, академик РАН, e-mail: information@ranepa.ru

² Подготовлено по материалам доклада на IX Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2024) «Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход» (04–05 апреля 2024 года).

зию. При негативном сценарии Россия опустится на 8–9-е место, пропустив вперёд Японию, Германию и, возможно, Турцию.

Таблица 1

**Прогноз социально-экономического роста (ВВП)
на перспективу до 2040 г. по России и ведущим странам мира**

Страны	Рост ВВП в 2023 г., %	Возможный среднегодовой прирост ВВП в 2024–2040 гг., %	Возможный рост ВВП за период 2024–2040 гг., %	Объём ВВП по паритету покупательной способности в год, трлн долл.	
				2023 г.	2040 г.
США	2,5	2	140	20,3	28,4
ЕС	0,5	1,5	129	18,0	25,2
Германия	-0,3	2	140	4,2	5,9
Япония	1,9	1	118	5,5	6,4
Китай	5,2	4	195	28,8	56,2
Индия	7,5	6,5	291	11,3	32,9
Турция	4,5	4	195	3,3	6,2
Индонезия	5,1	4,5	202	3,8	7,6
Бразилия	3,1	3	165	3,3	5,5
Россия (варианты)	3,6			4,2	
Оптимистический		5	226		9,5
Вероятный		3	165		6,9
Негативный		2	140		5,8

Доля ВВП России в мире: в 2023 г. – 4,0 %, в 2040 г. (по вариантам): оптимистический (7,1 %), вероятный (5,2 %) и негативный (3,8 %). Доля Китая в мире повысится до 42,2 %, а США понизится до 21,4 %. Резко возрастёт доля Индии – 24,7 % и снизится доля ЕС – до 17,4 %. Объём мирового ВВП в 2023 г. – 85,8 трлн долл., а в 2040 г., по экспертным оценкам, – 133 трлн долл.

По размеру номинального ВВП Россия фактически занимает не 6-е место, как при оценке по ППС, а 11-е, уступая также Великобритании, Франции, Италии, Бразилии и Канаде с объёмом ВВП 1,66 трлн долларов. В 2040 г. при оптимистическом варианте и с укреплением национального валютного курса по отношению к доллару Россия по-прежнему будет на 4 месте; по среднему – на 6, а по негативному – на 9.

Можно выделить две главные линии соперничества и интеграции среди стран мира на перспективу:

- США, ЕС и Япония с Китаем – сдерживание Китая;
- США, ЕС и Япония с Индией – более тесная интеграция в противовес Китаю.

Менее значимо соперничество и противопоставление Китая и Индии. В этот период, возможно, возрастёт роль интеграции США, ЕС и Японии с Индонезией в противовес Китаю. Основные линии соперничества и интеграции в мире на перспективу:

- США, ЕС и Япония с Китаем – сдерживание Китая. В 2023 г. экспорт Китая в США снизился на 11,6 %, в ЕС – на 10,2 % и в страны АСЕАН – на 4,9 %. Чистый экспорт Китая перестанет быть весомым драйвером экономического роста, поскольку импорт в Китай из других стран сокращается намного меньше;

• США, ЕС и Япония с Индией – более тесная интеграция в противовес Китаю. Внешняя торговля США с Индией увеличилась за 10 лет в 4,5 раза, и США здесь вышли на первое место. Прямые инвестиции в Индию из других стран, наибольшие из США, за 5 лет составили около 400 млрд долларов. Крупнейшие корпорации США создают в Индии свои филиалы и предприятия, особенно сильно развивая электронную промышленность для поставки товаров в США при сокращении большого экспорта таких товаров из Китая. Наиболее сильно растёт сотрудничество США и Индии в сфере обороны, прежде всего экспорт в Индию военной техники;

• Китай и Индия – противопоставление;

• США, ЕС и Япония с Индонезией – возможная интеграция в противовес Китаю.

Чтобы выйти на количественные показатели этой интеграции и соперничества, важно не сильно ошибиться в соотношении трендов прироста ВВП в перспективе по названным странам. Ключевую роль при этом может играть прогноз по Китаю и Индии.

На наш взгляд, тренд Китая, проявившийся в последние 15 лет после кризиса 2008–2009 гг., – сокращение среднегодовых темпов развития экономики с 8...9 % ежегодно до 7...5 % в последующий период (до 2023 г.). Снижающийся тренд, по-видимому, продолжится и, по прогнозу, составит 4 % в среднем в год. Руководство Китая убеждено в том, что в стране продолжится 5 %-ный рост, как в 2023 г.

Каковы аргументы в пользу снижения социально-экономического роста Китая? Во-первых, стремление США, ЕС и Японии сдерживать рост Китая, подрывающий их экономику и мировое влияние. Они начали серьёзно сокращать китайский экспорт в свои страны. В 2023 г. экспорт Китая в США при хорошем развитии Америки (рост 2,5 %) сократился на 11,6 %, а со странами ЕС – на 10,2 %. Уменьшился он и со странами АСЕАН, прежде всего с Японией, на 4,9 %. Впервые ежегодный экспорт Китая столь сильно сократился с 2006 г. А ведь в значительной мере рекордно высокий прирост ВВП Китая был связан с чистым экспортом из-за его значительного превышения над импортом во внешней торговле Китая.

Значительная часть инвестиций Китая формируется за счёт фондовых рынков Китая и Гонконга. Динамика фондового рынка, как известно, сильно влияет на экономическое развитие страны. В Китае с 2007 г. фондовый рынок сократился на триллионы долларов, в то время как в США он значительно вырос. Это будет стимулировать продолжение роста ВВП США по 2 % в год, что является качественно весомым, поскольку этот рост в основном происходит за счёт высокотехнологичных товаров и услуг, где особенно быстро растёт сфера экономики знаний, достигшая в США 40 % ВВП, в то время как доля промышленности постепенно сокращается до 15 %.

Европа, на наш взгляд, будет расти медленнее – по 1,5 %. Главенствующую роль опять сможет играть Германия, находящаяся в стагнации и небольшой рецессии с ежегодным увеличением ВВП по 2 %, а ЕС в целом – 1,5 %. Хотя Япония в 2023 г. показала относительно высокий рост ВВП (около 2 %), на наш взгляд, здесь не сложились условия для преодоления стагнации с возможным ежегодным ростом около 1 %, как это происходит в последние 40 лет.

Другой тормозящий фактор в Китае – крупный суммарный долг по линии банковских активов, составляющий 54 % ВВП. В США подобный долг – 23 %. А ведь банковская система Китая самая мощная в мире – она играет главенствующую роль в финансировании ускоренного социально-экономического роста. Её воздействие в этом плане будет, по-видимому, ослаблено, ибо долги придётся отдавать. И это огромная нагрузка.

Хуже всего обстоит дело в Китае с вводом в действие недвижимости, которая была основным двигателем в экономике. Доля вложений в недвижимость в Китае рекордно высока – 30 %, в 2–3 раза выше, чем в других странах, в том числе в России. Возник огромный невостребованный недострой. Готовые объекты недвижимости не приносят прибыли. Крупнейшие строительные фирмы Китая балансируют на грани банкротства. Недавно обанкротилась одна из крупнейших строительных компаний с капитализацией в 700 млрд долларов – Evergrande. Более крупная китайская компания Country Garden задолжала порядка 186 млрд долларов, несёт огромные убытки, стоимость её акций падает. У китайского государства нет достаточно крупных средств, чтобы предотвратить банкротства, тем более что оно вынуждено вкладывать огромные финансовые ресурсы в фондовый рынок, чтобы не допустить его нового обвала.

У Китая сегодня нет сильных рычагов для поддержки экономики, так как ключевая ставка Центрального банка находится на минимальном уровне, и её небольшое сокращение мало повлияло на рынок. Снижается спрос на товары и услуги, в том числе из-за небольшой девальвации цен. Центральному банку пока не удаётся восстановить хотя бы минимальную инфляцию.

Население Китая перестало вкладывать крупные средства в приобретение жилья, пытается сберечь всё больше средств, тем более что юань медленно, но систематически обесценивается по отношению к доллару, чтобы как-то стимулировать экспортные поставки.

Рекордно высокий рост Китая во многом был связан с крупным притоком капитала. Сегодня идёт определённый отток. Китай не публикует подробную статистику. Многие банковские операции проводятся по теневой схеме. Из статистики других стран видно, что вложения в Китай резко сокращаются, особенно со стороны США, ЕС и Японии – самых богатых стран.

Неблагоприятна демографическая динамика Китая. На низком уровне суммарный коэффициент рождаемости. Население Китая себя не воспроизводит и ежегодно сокращается. Идёт определённый отток населения из Китая, в том числе богатого, которое подвергается достаточно жёсткому контролю властей и всевозможным ограничениям.

Проведённые в последние месяцы в Китае крупные форумы с приглашением иностранных инвесторов, докладами председателя правительства не продемонстрировали развёрнутой и чёткой программы поддержания 5 %-ного роста.

Серьёзные сложности возникли с трудоустройством, особенно молодёжи, – четверть окончивших университеты не могут найти удовлетворяющую их работу.

Трудности нарастают, так что поддержание приемлемых темпов социально-экономического роста, а тем более его ускорение представляются маловероятными.

Благодаря мощному социально-экономическому развитию Китая в прошлом и процессам ускоренной урбанизации стоимость рабочей силы выросла, и развитым странам всё менее выгодно содержать, а тем более развивать в Китае свои компании. К тому же они сталкиваются с сокращающимся спросом внутри страны и сильной конкуренцией со стороны китайских организаций, освоивших новые технологии.

США, ЕС и Япония сталкиваются с конкуренцией китайских товаров как у себя в стране в связи с высокой долей китайского экспорта, так и в других странах, куда они поставляют товары, не выдерживающие конкуренции с более дешёвыми китайскими. Поэтому ведущие страны мира наращивают разного рода ограничения по поставке в Китай высокотехнологичных товаров и услуг. И, судя по всему, будут

усиливать это противодействие, которое может усилиться, если к власти в США придёт Дональд Трамп. Он ввёл пошлины против Китая и развязал торговую войну, которую Джо Байдену удалось ослабить.

В последние несколько лет США и европейские страны переориентируют вложения капитала и связи своих ведущих компаний в Индию в противовес Китаю. В Индии рабочая сила в разы дешевле, достаточно много высококвалифицированной рабочей силы в связи с высоким уровнем развития IT-технологий и высоким качеством лучших университетов. В последние годы развитые страны, прежде всего США, вкладывают серьёзные средства в развитие электроники и изготовление на этой базе соответствующих товаров для поставки в свои страны. И этот тренд будет развиваться, тем более что Индия является ведущей мировой державой в сфере развития IT-технологий, а её инновационный город Бангалор считается мировой столицей по IT-технологиям. В Индии 4 миллиона программистов, больше, чем в других странах. Они разрабатывают математические программы, выполняют интернет-обслуживание (прежде всего ведущих стран мира), экспортируя свои услуги на 195 млрд долларов в год (первое место в мире).

Во внешней торговле до последних лет первенствовал Китай, его товарооборот с Индией в 2023 г. составил 115 млрд долларов. С 2022 г. Китай потеснили США, выйдя на товарооборот в размере 125 млрд долларов. В то же время Индия осуществляет торговлю услугами, прежде всего в IT и интернет-услугах. Объём экспорта услуг из Индии (245 млрд долларов) в большей части приходится на США, страны Европейского союза и Японию. В последние годы Индия всё чаще привлекает инвестиции из других стран на своё развитие, заключая долгосрочные соглашения. Так, четыре небольшие страны (Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария) заключили соглашение об инвестировании в Индию 100 млрд долларов в предстоящие 15 лет.

В последний период Индия развивается быстрее Китая, в 2023 г. прирост ВВП в Индии был самым высоким в мире – 7,5 %. После 2008 г. Индия опережает Китай по темпам социально-экономического развития. Учитывая ставку на Индию со стороны развитых стран мира, думаю, что ежегодный рост в среднем 6,5 % можно заложить в прогноз. Он соответствует долговременному тренду этой страны и её большим возможностям. Ведь это одна из беднейших стран мира с относительно молодым населением. Она недавно превзошла Китай по численности населения и, в отличие от Китая, имеет рекордно высокий суммарный коэффициент рождаемости 2,2...2,3.

Привлекает внимание Индонезия – четвёртая страна в мире по численности населения (280 млн человек): уступает только США, Китаю и Индии, значительно опережая следующую за ней Бразилию (214 млн человек). В последнее время Индонезия набрала хороший темп развития экономики и социальной сферы, увеличив ВВП в 2023 г. на 5,1 %. Наш долгосрочный прогноз относительно Индонезии – 4,5 % (он уступает только Индии и оптимистическому варианту по России).

2. Россия в социально-экономической интеграции с Китаем, Индией и южными странами

Китай в последнее десятилетие вышел на первое место во внешней торговле с Россией с объёмом в 240 млрд долларов (2023 г.). На наш взгляд, внешняя торговля с Китаем будет расти достаточно высокими темпами. Китай по-прежнему будет нуждаться в топливно-энергетических товарах (нефть, газ, уголь и продукты их переработки). По проложенному нефтепроводу в Китай сегодня поставляется ежегодно 80

млн тонн нефти и ещё перевозится танкерами – суммарная поставка в 2023 г. составила 107 млн тонн, увеличившись на 24 % за год. Объём этой поставки нефти составил 60,6 млрд долларов. Есть возможность увеличить поставку нефти из дальневосточных месторождений по новой трубе и более значительно – за счёт танкерной перевозки, прежде всего по Северному морскому пути, проход судов по которому будет облегчён потеплением.

Сложнее с природным газом. Существующий газопровод с поставкой 25 млрд кубометров в 2023 г. выйдет на проектную мощность 38 млрд кубов в 2025 г. Одновременно может быть проложен более короткий мощный газопровод из крупнейшего Ковыктинского месторождения в Иркутской области, расположенного южнее Братска, с запасами 3 трлн кубометров. Здесь может быть проложена более мощная труба с поставкой, возможно, 50...60 млрд кубометров. Одновременно по Северному морскому пути с Дальнего Востока в Китай будет поступать сжиженный природный газ, перевозимый газотанкерами. Китай будет потреблять всё больше продукции лесопромышленного комплекса. Для нас желательно поставлять не дешёвую древесину, а продукты её глубокой переработки – целлюлозу и картон (сегодня это в рекордно высоких количествах осуществляют лесопромышленные комплексы Братска и Усть-Илима).

Россия и Китай встречаются с логистическими трудностями из-за загруженности железнодорожных линий в Китай при наличии всего четырёх переходов с относительно небольшой пропускной способностью с позицией возможного увеличения грузопотока из России и в Россию. Задача заключается в расширении и модернизации этих переходов в Китай, особенно через прямую границу Китая и России, где в запущенном, не модернизированном состоянии находится Забайкальский переход, пропускную способность которого надо увеличить в разы, включая соответствующие подъездные пути. России экономически намного выгоднее прямое следование товарных поездов в Китай, а не через Казахстан, что сокращает нашу выручку, особенно если это касается контейнерных перевозок из Китая в Россию и транзитом в европейские страны. Из-за наших плохих переходов основной поток контейнеров идёт в Россию через Казахстан, и мы теряем здесь до миллиарда долларов транспортной выручки.

Китай также нуждается в наших удобрениях, поставке цветных металлов, особенно в связи с освоением одного из крупнейших в мире меднорудного месторождения – Удокана, который готовится к освоению. Россия может увеличить и поставку сельхозпродукции в Китай.

При отсталой структуре российской обрабатывающей промышленности (за исключением оборонного блока) поставка машиностроительной продукции, химии высокого передела и фармацевтики в Китай пока невысока. В дальнейшем в связи с намечаемой трансформацией российской экономики перечень товаров и услуг, направляемых в Китай, может быть значительно увеличен.

Несмотря на рекордные для России объёмы внешней торговли с Китаем Россия вышла лишь на 7-е место среди его партнёров (4 % от его внешнеэкономического оборота). Можно поставить задачу удвоения внешней торговли с Китаем к 2030 г., что предусматривает ежегодное (в течение 7 лет) увеличение внешней торговли на 10 %. Заметим, что в предшествующие 10 лет внешнеэкономический оборот с Китаем рос также по 10 %. В трудном для Китая 2023 г. экспорт Китая в Россию увеличился на 46,9 %, а импорт в Китай из России – на 12,7 %. В целом внешняя торговля увеличилась на 26,3 %. Сегодня главным партнёром Китая по внешней торговле ос-

таются США. Объём торговли Китая с Японией, Южной Кореей, ЕС, Тайванем и Гонконгом больше, чем с Россией.

К сожалению, сегодня внешняя торговля с Китаем – практически единственное крупное направление российско-китайской интеграции. Кроме внешней торговли отметим возрастающий туризм между Россией и Китаем, который сильно пострадал в последние четыре года из-за коронавирусной пандемии и спецоперации на Украине. Так, в 2016 г. в Россию приехало 2 млн китайцев, а в 2023 г. – всего 370 тысяч, при этом в Китай выехало 470 тысяч россиян. По линии расширения туризма также возможно сильное развитие.

Крупным новым направлением интеграции России с Китаем могут стать финансовые вложения китайского капитала в Россию. Внешнеэкономический долг России другим странам минимален; общий долг составляет около 20 %, а внешнеэкономический государственный долг – около 3 %. Между тем Китай вынужден размещать в других странах свой огромный золотовалютный резерв, во многом формирующийся из превышения экспорта над импортом. Из 3,5 трлн долларов этого резерва Россия вполне могла бы на взаимовыгодных условиях использовать 100...200 млрд долларов на период до 2030–2035 гг. Это могут быть не чисто финансовые вложения, а строительство китайскими силами целой группы предприятий обрабатывающей промышленности, особенно по производству инновационных товаров, которыми славится Китай. Тем самым эти финансовые вложения органически будут сочетаться со становлением и развитием в России крупных китайских фирм или их филиалов, а также совместных компаний. Речь идёт о предприятиях по электронике, производству машин и оборудования, автомобильной промышленности, по созданию биотехнологических фирм с фармацевтической промышленностью и др.

Всё это может быть связано с развитием научно-технологического и инновационного сотрудничества. Китай здесь твёрдо занимает вторую позицию в мире после США, а по ряду направлений, в том числе по передаче данных, – первую.

В этой связи крайне важно тесное сотрудничество России с Китаем для технологической реконструкции отсталых предприятий, создания новых мощностей по производству средне- и высокотехнологичных производств по товарам и услугам, а также информационно-логистической инфраструктуры и ускорения жилищного строительства. Во всех этих областях Китай демонстрирует высокую эффективность и короткие сроки их развития.

Важное направление сотрудничества, на наш взгляд, – сфера образования. Россия могла бы направить в ведущие университеты Китая при поддержке государства десятки тысяч студентов и слушателей. Среди 211 ведущих университетов мира Китай занимает третье место после США и Великобритании с 17 университетами, возглавляемыми Политехническим университетом Цинхао и Пекинским университетом. Россия занимает здесь 9 место с шестью университетами, хотя по отдельным сферам в области атомной промышленности, по естественнонаучным университетам (особенно в области математики, физики, механики), искусственному интеллекту и информационным технологиям, по химии Россия даёт студентам знания на лучшем мировом уровне. Россия могла бы предоставить льготные условия для приёма китайских студентов и слушателей в лучшие университеты России.

Вернёмся к проблемам сотрудничества России и Китая при рассмотрении инновационных и финансовых проблем, которые надо решать при интеграции и соперничестве с другими странами. Кроме ускоренного развития внешней торговли това-

рами и услугами, а также по линии туризма возможно сильное развитие новых сфер интеграции России и Китая:

- финансовые вложения китайского капитала;
- становление крупных китайских фирм или их филиалов в России, а также совместных предприятий;
- строительство нового мощного газопровода из России в Китай, позволяющее в 2–3 раза увеличить поток российского газа в Китай;
- расширение сотрудничества в области образования (см. выше);
- всемерное развитие научно-технологического и инновационного сотрудничества;
- привлечение китайских организаций для создания современной транспортно-логистической инфраструктуры в России;
- значительное увеличение скоростных перевозок контейнеров и других грузов из Китая через Россию в европейские страны.

Перейдём к взаимодействию России с Индией. Внешнеэкономическая торговля товарами в 2022 г. превысила 50 млрд долларов и увеличилась до 65 млрд в 2023 г. Россия вышла на 4 место в качестве внешнеэкономического партнёра. Мы поставляем в Индию главным образом нефть и сжиженный газ, а получаем машиностроительную продукцию и значительную часть продовольственных товаров.

Крайне важно сотрудничество в сфере инновационного развития с учётом наличия крупных инновационных зон в Индии и её третьего места (после США и Китая) по числу инновационных фирм-единорогов стоимостью более миллиарда долларов. Интеграция России и Индии включает в себя:

- прокладку в Индию железнодорожного сообщения и скоростной автострады, а также мощного нефтепровода и газопровода, наряду с ускоренным развитием внешней торговли товарами и услугами;
- научно-технологическое сотрудничество, особенно по линии информационных технологий, высокоразвитых в Индии. Экспорт ИТ и интернет-услуг из Индии в другие, прежде всего в высокоразвитые, страны составляет 195 млрд долларов в год, в первую очередь из инновационного города Бангалора (8,6 млн человек).

Новым серьёзным направлением может стать интеграция России с южными странами, в первую очередь с Турцией, Саудовской Аравией, Объединёнными Арабскими Эмиратами и Египтом. Наряду с торговлей товарами и услугами следует развивать сотрудничество в финансовой сфере, привлекая инвестиционный капитал из этих стран на взаимовыгодных условиях.

3. Взаимодействие России с развитыми странами

В связи с жёсткими санкциями со стороны развитых стран, которые мы справедливо называем недружественными, сотрудничество России с ними резко сократилось. Эти страны «арестовали, заморозили» 300 млрд валютных резервов России, размещённых в их банках, прежде всего в США, Англии, Швейцарии и Японии. Это противоречит международному праву и заключённым договорам по размещению вкладов, что является юридически несостоятельным.

Санкции против России в связи с присоединением Крыма в 2014 г., а потом их ужесточение в связи с началом СВО в 2022 г. отлучили Россию от мирового финансового рынка, где до этого российские компании свободно занимали финансовые ресурсы. За три года, предшествующие санкциям, российские предприятия и организа-

ции дополнительно заняли около 280 млрд долларов, увеличив свою задолженность до 728 млрд долларов на 1 января 2014 г., что вполне допустимо по международным нормативам, поскольку не превышает 60 % от ВВП. При этом государственные заимствования были минимальными и не превышали 3 % ВВП. После ограничения допуска России к мировому рынку крупные займы российским организациям не предоставлялись. Их ценные бумаги, включая облигации, не распространялись. При этом России приходилось платить проценты и возвращать долги. Всё это осуществлялось вовремя, и к 1 апреля 2024 г. внешнеэкономический долг России снизился до 304 млрд долларов.

Наибольший удар по России нанесли жёсткие ограничения по поставке нефти и природного газа в недружественные страны. США, Канада, Германия и некоторые другие страны полностью отказались покупать российскую нефть и газ. Другие ограничили объём импорта не только нефти и газа, но и российского угля. Это коснулось прежде всего стран Евросоюза.

Неизвестными организациями были взорваны два главных газопровода в западноевропейские страны, и поставка газа здесь прекратилась. С неполной мощностью действуют два оставшихся газопровода: один через Украину, по нему поставляется около 40 млн кубометров в день; другой – в Турцию, через него поставляется относительно небольшое количество природного газа в южноевропейские страны. И если в 2021 г. Россия поставляла в Европу 45 % природного газа от объёма потребления, то в 2023 г. – 13 % (вместо 206 млрд м³ – около 30 м³).

Часть природного газа из России НОВАТЭК поставляет газотанкерами в отдельные западноевропейские страны, прежде всего в Испанию. Значительных перспектив расширения поставок природного газа в Европу нет, так как недопоставка российского газа практически заменена большими поставками сжиженного газа из США, которые по их объёму вышли на первое место. Дополнительные поставки природного газа из Нидерландов, Кувейта, ряда других стран ОПЕК полностью закрыли потребность Европы. Поставка нефти тоже снизилась, но она не была столь большой и её заместили дополнительными поставками нефти из Саудовской Аравии, стран ОПЕК и США.

В целом экспорт российской нефти сократился немного, поскольку его сумели переориентировать на Китай и Индию. В Китай построен нефтепровод, который ежегодно качает 80 млн тонн нефти. А в Индию нефть перевозится танкерами, и в 2022 г., например, было поставлено 70 млн тонн, а в 2023 г. несколько меньше из-за ограничений со стороны США. К тому же экспортная цена на российскую нефть упала в связи с санкционным снижением цен на нефть Urals со стороны США и других недружественных стран. Выручка от нефтегазового экспорта в 2022 г. снизилась по сравнению с предыдущим годом с 11 до 9,5 трлн рублей, а в 2023 г. оказалась ещё ниже. В итоге добыча нефти и газа в России также упала, несмотря на некоторый рост внутреннего потребления. Санкции в этой области нарастают. Последние события – ограничения на поставку сжиженного газа, более строгий контроль за судами, перевозящими российскую нефть и газ, и соблюдением ценовых ограничений.

Санкции привели к существенному сокращению поставок комплектующих изделий и запчастей не только по нефтяной и газовой промышленности, но прежде всего в построении авиалайнеров, легковых и грузовых автомобилей и, естественно, товаров двойного назначения – оборонного и гражданского. Особенно строго соблюдается вето на поставку в Россию полупроводников, компьютерной и другой современ-

ной техники, предоставление услуг в области нефте- и газодобычи, оборудования для добычи на шельфе, при трудноизвлекаемых запасах и т. п.

Очень сложное положение в авиационной промышленности, поскольку 90 % полётов в новой России стали осуществляться аэробусами, боингами, а на локальных линиях и в бизнес-джете – канадскими и бразильскими авиалайнерами. Как правило, эти самолёты были предоставлены в лизинг, который соответствующие страны отменили, и России пришлось выкупать самолёты. Причём поставка запчастей, обслуживание, страховка со стороны производителей были отменены. Это привело к удорожанию авиаперевозок в России, невозможности использовать западную технику для зарубежных полётов в недружественные страны, сокращению объёма авиаперевозок.

На смену западным моделям самолётов в России разворачивается производство 100-местных суперджетов для ближних региональных перевозок и среднемагистрального самолёта М-21 – до 300 мест. Начало их выпуска намечено на 2025 г., поскольку пришлось переходить с иностранных двигателей на собственные – ПД-14 и ПД-7, которые проходят испытания, и производить новые конструкции крыльев из углеродных трубок собственного производства. Пришлось заменять и ряд других систем, механизмов и деталей иностранного производства. Потребуются годы, чтобы восстановить в полной мере авиаперевозку пассажиров на собственной технике, от которой мы по глупости отказались, пожертвовав производством эффективных отечественных авиалайнеров, включая широкофюзеляжные, которые использовались в советское время.

Список санкционных ограничений касается сотен и тысяч позиций. Европа, к примеру, в ближайшее время хочет объявить 14-й пакет санкций, который включает десятки новых позиций. Наше правительство, государственные службы вынуждены разрабатывать мероприятия против каждой санкции и в целом успешно с этим справляются.

Другая наиболее пострадавшая отрасль – автомобилестроение, где Россия вместо преимущественно собственного производства, как было раньше, отдала часть собственности наших крупнейших автопроизводителей ведущим зарубежным фирмам: французской фирме Рено – АвтоВАЗ, а Мерседес-Бенц получил КАМАЗ. Эти фирмы модернизировали выпускаемые модели с большой долей собственной комплектации, улучшив характеристики автомобилей. В связи с санкциями эти иностранные фирмы ушли из России, прекратив поставку собственной комплектации, в то время как ранее производимая российская комплектация была свёрнута. Теперь её надо возобновлять или искать недостающую комплектацию, например в Китае. Всё это требует сил, средств, а главное – времени.

Чтобы удовлетворить потребность населения, был налажен экспорт автомобилей из Китая, в том числе электрокаров, достаточно дорогих и не адаптированных к российским условиям.

И если в 2022 г. объём ВВП снизился на 1,2 %, и это снижение продолжилось в первом квартале 2023 г., то в целом в 2023 г. удалось переломить социально-экономическую ситуацию и добиться прироста ВВП за год на 3,6 %, в том числе реальные располагаемые доходы населения увеличились на 5,2 %, а инвестиций – на 7 %. Начало 2024 г. по итогам двух месяцев также оказалось позитивным, хотя, по прогнозу на 2024 г., прирост ВВП несколько снизится и, по-видимому, составит от 1,5 до 2,5 %.

Разработанный Минэкономразвития прогноз нашей экономики до 2030 г. предусматривает прирост ВВП примерно на 17 % за семь лет (2024–2030 гг.) при среднем годовом темпе немногим более 2 %. Вряд ли в этот период нам удастся в 1,5–2 раза поднять

темпы социально-экономического развития – для этого нужна коренная трансформация в области технологии, экономики, социальной сферы и народонаселения.

Судя по последним событиям, СВО на Украине завершится перемирием во второй половине 2024 г. или в 2025 г., поскольку руководство Украины готово к определённым компромиссам, тем более это относится к США и европейским странам, которые пострадали из-за санкций. Германия, например, впервые находится в небольшой рецессии (сокращение ВВП в 2023 г. на 0,3 %). Стагнирует Великобритания с приростом в прошлом году 0,1 %, да и весь Европейский союз, кроме Ирландии, Норвегии и некоторых других стран, развивается крайне низкими темпами при стагнации жизненного уровня населения и большом притоке мигрантов. Во многом это следствие удорожания энергетики из-за введённых ими самими санкций против России.

Они лишились крупного рынка, потеряли экспорт, ухудшили положение своих корпораций, наживавшихся в России, и, естественно, не хотят усугублять неблагоприятные условия своего развития. США в последнее время перестали предоставлять Украине, как раньше, денежную поддержку и военную технику.

Переговоры, по-видимому, будут трудными, но компромисс, на наш взгляд, будет найден. Однако вряд ли это позволит в ближайшие годы осуществить скачок в научно-технологическом, экономическом и социальном развитии, в котором нуждается Россия. Этот скачок надо подготовить, изыскать дополнительные возможности. А наши средства во многом пойдут на восстановление разрушенных новых территорий России, включая Крым и Белгородскую область, сильно пострадавшую в ходе военных действий.

Выйти на средний, наиболее вероятный, сценарий развития мы сможем, подготовив условия для 4 %-ного среднегодового роста в 2031–2040 гг., обеспечив таким образом 3 %-ный рост в 2024–2040 гг.

4. Что нужно России для рывка в научно-технологическом, экономическом, демографическом и социальном плане?

Первое условие – установление взаимовыгодного мира, прекращение СВО.

Второе условие – мобилизация сил и средств для финансового форсажа по росту инвестиций в основной капитал и в сферу экономики знаний (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение) – главную составную часть человеческого капитала. Финансовый форсаж – это прирост инвестиций в основной и человеческий капитал в среднем по 10...15 % в год, чтобы долю инвестиций в основной капитал повысить с 18 % до 25...30 %, а долю экономики знаний – с 14 до 25 % в составе ВВП. При эффективном использовании этих возрастающих средств можно поднять темпы социально-экономического роста до 3...4 % ежегодно, поднять устойчиво, за счёт технологического перевооружения, повышения эффективности и качества с приоритетом решения задач по повышению уровня жизни и сохранности народа России.

При норме инвестиций в основной капитал в размере 18 %, а в экономику знаний – 14 % социально-экономический рост невозможен. Последние 15 лет (с кризиса 2009 г.) мы закономерно находимся в стагнации, увеличивая ВВП по 1 % в год при нулевом росте реальных располагаемых доходов населения. Посмотрим, как и за счёт чего развиваются другие страны (табл. 2).

Доля инвестиций в основной капитал и экономику знаний в ВВП
и темпы роста экономики

Страны	Доля инвестиций в основной капитал и экономику знаний в ВВП суммарно, %	В том числе доля в ВВП, %		Среднегодовой прирост экономики, %
		инвестиций в основной капитал	в экономику знаний	
Развитые	50...60	20	30...40	2
Развивающиеся	45...55	30...35	15...20	4...5
Китай	67	45	22	6...7
РОССИЯ	31...34	17 ¹ 20 ²	14	0,5
Прогнозы:				
на 2026–2030 гг.	45...55	25...30	20...25	3...4
на 2031–2040 гг.	65...70	35	30...35	5

¹ Инвестиции в основной капитал по статистике.

² Накопление основного капитала в системе национальных счетов.

Развитые страны вступили в период постиндустриального развития, у них главным драйвером социально-экономического развития является экономика знаний, доминирующая в ВВП, а инвестиции в основной капитал играют поддерживающую роль. Суммарная доля этих драйверов у развитых стран составляет 50...65 % в ВВП. Их рост относительно небольшой, но высококачественный.

Развивающиеся страны, как Россия и другие постсоциалистические страны Европы, являются индустриальными – доля промышленности в создании ВВП у них составляет 30 % и более. Их относительно высокие темпы экономического роста (3...5 % в год) обусловлены преимущественно высокой долей инвестиций в основной капитал ВВП – 30...35 %. Основной прирост осуществляется за счёт традиционных отраслей, а доля в росте экономики высокотехнологичных производств товаров и услуг и экономики знаний менее значительна.

Каковы возможные источники мобилизации финансовых ресурсов на столь крупные вложения в основной и человеческий капитал в России? Главный источник – активы российских банков, которые в 2023 г. практически сравнялись с ВВП и составляют 167 трлн рублей. Из них, по данным 2022 г. (последние опубликованные данные), только 2,2 трлн рублей составляют инвестиции в основной капитал, т. е. 1,5 % к ВВП и около 10 % к сумме соответствующих инвестиций. В странах мира доля инвестиционного кредита в основной капитал составляет в среднем 30...40 % всех инвестиций. Так что эту сумму можно поднять, как минимум, до 6...7 трлн рублей в год.

Долговременные заёмные средства также важный источник роста экономики знаний, т. е. человеческого капитала. За счёт долговременных низкопроцентных займов на 15...20 лет люди приобретают профессиональное образование на платной основе. Во многом благодаря заёмным средствам развиваются информационно-коммуникационные технологии, инновации осуществляются за счёт венчурного и ангельского капитала.

Другим важнейшим источником является дефицитный бюджет, размер которого по строгим меркам ЕС не должен превышать 3 % ВВП – около 5 трлн рублей по сегодняшним российским меркам. В счёт этого дефицита в ряде ведущих стран казначейство выпускает долговременные облигации на срок от 5 до 30 лет, а в США и Японии – от 40 до 50 лет. Эти облигации покупает прежде всего Центральный банк, 70...80 % активов которого, судя по США и Японии, они составляют. В покупке облигаций участвуют также другие крупные финансовые организации, банки и инвестиционные фонды. Так формируются «длинные» деньги.

Более крупным источником средств во всех без исключения странах являются возрастающие долги. Из всех крупных стран Россия имеет самую низкую долговую нагрузку. 20 % ВВП – весь суммарный долг России и около 3 % – внешнеэкономический долг государства. Не будем говорить о Китае, суммарный долг которого под 300 % ВВП. В Европе только государственный долг 85 % ВВП, в США – 130 %, в Японии – 250 %. Мы можем занять и у Китая, и у Саудовской Аравии, и у стран ОПЕК из нефтедолларов, а после перемирия – у МВФ, международных банков, крупных инвестиционных компаний, у ведущих банков, разместив эти деньги в виде долгосрочных кредитов с более высокими ставками по сравнению со ставками самого долга.

Подчеркнём: важно не только сконцентрировать крупную сумму средств, необходимую на инвестиции в основной и человеческий капитал, главное – её эффективно использовать (табл. 3).

Таблица 3

Распределение добавочных средств на вложения в основной и человеческий капитал в 2025–2030 гг. (в среднем в год), трлн р.

Показатели	Дополнительные средства	Примечание
На технологическую реконструкцию и расширение действующих предприятий	2...4	Предоставляются в виде низкопроцентного инвестиционного займа (до 5 % годовых) с учётом окупаемости 5...7 лет
Создание новых предприятий в средне- и высокотехнологичных производствах	2...4	Средства в основном предоставляются в виде низкопроцентного (до 3 % годовых) инвестиционного займа с учётом окупаемости 10...12 лет
Транспортно-логистическая инфраструктура	2,5...4,5	По большей части предоставляются в виде низкопроцентного инвестиционного кредита (до 2 % годовых) с учётом окупаемости 20...25 лет
Жилищное строительство	1,5...2,5	Предоставляются в виде низкопроцентного ипотечного кредита со ставкой не ниже 5 % в зависимости от обеспеченности соответствующих групп населения
Всего. Инвестиции в основной и человеческий капитал (экономика знаний)	8...15	

Первое направление – переход к массовой технологической реконструкции и расширение действующих предприятий. На эти цели с самого начала выделяется не менее 2 трлн рублей дополнительно, которые удваиваются до 2030 г. Речь идёт о низкопроцентных инвестиционных займах – до 5 % годовых с учётом средней окупаемости проектов 5...7 лет. В первую очередь такая коренная техническая реконструкция с переводом на более высокие технологии, принятые в передовых странах, необходима в машиностроительной отрасли, производящей оборудование для технологического перевооружения различных производств. Чтобы, например, в России заменить низкоэффективное производство электроэнергии газовыми и угольными станциями с КПД 30...35 % на высокоэффективные парогазовые установки с КПД 55...65 %, надо наладить массовое производство крупных газовых турбин для производства электроэнергии мощностью от 100 до 600 мегаватт, которые пока у нас отсутствуют. Технологические заделы для этого в России имеются, поскольку мы производим мощные авиационные турбины и турбины для перекачки газа. В течение нескольких лет соответствующим заводам во главе с Санкт-Петербургским объединением «Электросила» следует провести серьёзное технологическое перевооружение.

Это огромная трудоёмкая работа: сначала – подготовка детального проекта технологической реконструкции и, возможно, расширения предприятия, если его продукция пользуется повышенным спросом. В России, к сожалению, резко сократилось число отраслевых, прикладных научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, которые в советское время разрабатывали такие проекты. Придётся возрождать подобные организации, создавать команды экспертов из существующих специалистов, разбросанных в университетах, институтах, в Академии наук, на передовых предприятиях; приглашать иностранных специалистов, в первую очередь из дружественного Китая. Затем – стадия заказа оборудования как внутри страны, так и в большом количестве в других, в том числе недружественных, странах. Всё это нужно делать энергично, быстро, умело, для чего необходимы финансовые ресурсы и сильные стимулы.

Предлагаю освободить от налога ту часть прибыли, из которой черпаются инвестиции, чтобы заинтересовать предприятия и увеличить их возможности. С этой целью надо существенно (в 1,5...2 раза) сократить сроки амортизации, как это сделал Рейган, стимулируя массовую технологическую реконструкцию предприятий США. Это увеличит амортизационный фонд и даст дополнительные средства для технологического перевооружения. В таких отраслях, как авиастроение, электроника, фармацевтика, в технологической реконструкции могло бы принять участие государство в форме государственно-частного партнёрства. Стимулами могут быть налоговые каникулы в период технологической реконструкции и освобождение от пошлин импортируемых товаров и услуг, необходимых для такой реконструкции.

В течение нескольких лет следует разработать программу (на период до 2035 г.) перехода к массовому технологическому перевооружению отсталых по технологии предприятий, начиная с более важных по значимости. Задача программы – добиться, чтобы технологический уровень нашей промышленности, во всяком случае по ключевым и жизненно важным отраслям, не уступал уровню развитых стран.

Второе направление – крупная программа создания новых мощностей предприятий и организаций по высоко- и среднетехнологичным производствам товаров и услуг, где мы отстаём от передовых стран по объёмам производства в 3–4 раза. Зада-

ча – подтянуть к 2035 г. производство средне- и высокотехнологичных продуктов и услуг до уровня передовых стран.

Сегодня доля России в производстве высокотехнологичных товаров и услуг в мире составляет 1,3 %, в то время как средний вклад России по всем товарам и услугам – 4 % (втрое выше), а по топливно-энергетическим товарам – 10 % (в 8 раз выше). Здесь окупаемость 10...12 лет, и также нужны серьёзные льготы и стимулы для массового формирования новых высокоэффективных мощностей. И если при технологической реконструкции действующих предприятий инвестиционный кредит целесообразно предоставлять со ставкой до 5 % годовых, то при создании новых мощностей следует снизить эту ставку до 3 %. Здесь тоже необходимы крупные дополнительные инвестиции – по нашим расчётам, от двух и более триллионов рублей в год.

Третье направление – формирование современной транспортно-логистической инфраструктуры при значительном (в разы) увеличении объёмов; строительство двусторонних автострад, скоростных железных дорог, региональных аэропортов, современных морских причалов, крупных логистических центров в комплексных транспортных узлах. Это потребует больших средств, на наш взгляд, не менее трёх трлн рублей дополнительно в год вначале – с увеличением этой суммы в последующие годы. Окупаемость проектов, по опыту Китая и развитых стран (где строительство в значительной мере финансируется за счёт долгосрочных инвестиционных кредитов), составляет 20...25 лет. И эффективная ставка кредита вряд ли может быть выше 2 % ежегодно.

Четвёртое направление (как часть инвестиций в основной капитал) – жилищное строительство. Оно крайне важно не только потому, что существенно повышает благосостояние населения страны, но и потому, что обладает мультипликативным эффектом, поскольку его расширение тянет за собой многие производства и сферы: выпуск стройматериалов, строительство коммуникаций, развитие инфраструктуры, приобретение товаров длительного пользования, чтобы обставить квартиру, крупные денежные потоки по продаже жилья и др. Мы по жилищному строительству отстаём от передовых стран. Китай, например, при средней жилищной обеспеченности в 40 м² ежегодно вводит 1,5...1,6 млрд м², более одного м² на жителя. А Россия, имея 28 м² на душу, в том числе комфортного жилья – около 20 м², строит 0,7 м² на душу. США с обеспеченностью 64 м² на душу (втрое выше, чем в России по комфортному жилью) также ежегодно вводит более одного м² на душу населения. В передовых странах инвестиции в жилищное строительство обычно составляют 25...35 % всех инвестиций в основной капитал, а в России – 13...14 %. И эта низкая доля идёт от средней нормы инвестиций в ВВП в 18 %. Китай при норме инвестиций в 43 % на жильё выделяет 17...19 % всех капиталовложений.

Мы могли бы ежегодно обеспечивать прирост ввода жилья по 10 %, как в период восстановительного подъёма в 1990–2008 гг. Это, как показывают расчёты, ускорит прирост валового продукта России: вначале по 1,5 %, а затем – по 2 % ежегодно.

Чтобы обеспечить низкие проценты ставок по инвестиционным кредитам в первое время, когда ключевая ставка будет более высокой, целесообразно выделять бюджетные средства для компенсации банкам процентной ставки. Эти бюджетные средства можно изыскать, переведя финансирование бюджетных проектов по статье национальная экономика (где преобладают окупаемые проекты) с безвозвратного бюджетного финансирования на низкопроцентное кредитование. По нашим оценкам,

это высвободит в бюджете 4...5 трлн рублей, чего с лихвой хватит для финансирования низкопроцентных ставок для долговременного кредитования.

Самое главное в научно-технологическом подъёме нашей страны – обеспечить инновационное развитие. Если техническое перевооружение страны будет подчинено задачам догоняющего развития, повторения с опозданием достижений передовых стран, мы останемся отсталой страной, потому что передовые страны развиваются инновационным путём. Наша страна, имея все предпосылки для инновационного подъёма, отстаёт катастрофически (табл. 4).

Таблица 4

Переход России к инновационному развитию

Показатели	Россия	Примечание
НИОКР	8-е место 2030 г. – 5 2035 г. – 3	Выше России – США, Китай, Япония, Германия, Великобритания, Южная Корея
Уровень образования из 191 страны (ПРООН, 2022 г.)	29-е место 2030 г. – 20 2035 г. – 10	В России средняя продолжительность обучения – около 13 лет, а ожидаемая – 15,8 лет. Выше из крупных стран – Германия (14 и 17), Великобритания, США и Япония; ниже – Франция (44-е место) и Италия (52-е место), а также Бразилия и Китай
Глобальный уровень инноваций (по международному рейтингу стран мира)	51-е место 2030 г. – 30 2035 г. – 20	Индекс составлен Всемирной ассоциацией интеллектуальной собственности и рассчитывается на основе 81 показателя – институты, человеческий капитал, исследования, инфраструктура, развитость рынка или бизнеса и др.
Доля страны в производстве высокотехнологичных товаров и услуг в мире, %	1,3 2030 г. – 4 2035 г. – 7	США – 20,5 %, Китай – 16,4 %, Япония – 10,7 %, Германия – 8,7 %, Бразилия – 1,5 %, Тайвань и Турция – 1,3 %. К высокотехнологическим отраслям относятся отрасли, где доля НИОКР в расходах на производство составляет свыше 7,5 % (в среднем – около 9 %)
Доля экспорта страны по высокотехнологичным товарам и услугам в мире в 2021 г., %	0,3 2030 г. – 2 2035 г. – 4	США – 39 %, Япония – 20 %, Германия – 15 %, Китай – 6 %
Число инновационных фирм-единорогов (оценка фирмы в один млрд долл. или выше) по странам в мае 2022 г.	2014–2019 гг. – одна фирма (Авито) 2020–2023 гг. – 0 2030 г. – 20 2035 г. – 50	Всего в мире 1302 фирмы-единорога – прирост – 340 за год: США – 616, Китай – 275, Великобритания – 121, ЕС – 105, Индия – 74, Израиль – 23. Россияне, получившие высшее образование в России и переехавшие в зарубежные страны, выступили соруководителями в создании 28 фирм-единорогов

Показатели	Россия	Примечание
Число крупных инновационных предприятий (R&D расходы не менее 34,7 млн евро по предприятиям в 2019 г.) при общем их числе в мире 2500, зарегистрированных в 43 странах. Они охватывают 90 % всех частных затрат на R&D	3 2030 г. – 30 2035 г. – 60	США – 775 фирм, Китай – 536, ЕС – 421, Япония – 309, Великобритания – 121, Швейцария – 58, Тайвань – 88. Общая выручка этих фирм – 23,5 трлн долл. (29 % мирового ВВП в 2019 г.). Суммарные расходы на R&D – более 1 трлн долл., из них: США – 389 млрд долл., ЕС – 211, Китай – 133, Япония – 128. Средняя наукоёмкость – 4,3 %, в том числе США – 7,1, ЕС – 3,9, Китай – 3,3 %
Крупнейшие инновационные зоны мира	Небольшие зоны (по мировым меркам) находятся: комплексная в Сколково, специализированные в научных городах Подмосковья и прилегающих областях. Создание к 2030 г. трёх крупных «кремниевых» инновационных долин в России – в Подмосковье, Санкт-Петербурге и в Новосибирской области. 2035 г. – Екатеринбург, Томск, Иркутск, Владивосток	Крупнейшая зона в мире – Кремниевая долина (США), инновационная зона в Израиле, охватывающая часть Тель-Авива и прилегающих населённых пунктов. Инновационная зона – город Бангалор (Индия). В Китае – три крупнейшие зоны: Пекинская, Шанхайская и Шэньчжэнь (17 млн жителей)
Суперкомпьютеры (TOP-500) (данные за май 2020 г.)	7 2030 г. – 20 2035 г. – 50	США – 173, Китай – 127, Япония – 34, Германия – 31, Франция – 22, Канада – 14, Великобритания – 12. Россия на 8 месте – выше Италии, Нидерландов, Саудовской Аравии, Бразилии и Южной Кореи (по 6)
Роботы: число на 10 тысяч промышленных работников	6 2030 г. – 50 2035 г. – 200	Южная Корея – 631, Сингапур – 488, Германия – 309, Япония – 303, Дания – 211, США – 189, Италия – 185, Испания – 160, Канада – 145, Франция – 132
Венчурный капитал для финансирования инноваций (2022 г.)	В 2020–2021 гг. – 2,4 млрд долларов В 2023 г. объём резко сократился до 118 млн долларов 2030 г. – 50 2035 г. – 150	Объём венчурного капитала в мире приближается к 1 трлн долл.: США – 360 млрд долл., Китай – 130. Венчурный фонд Б. Мильнера (физика из России) в Кремниевой долине – 19 млрд долл., в том числе собственных средств – 7,8 млрд долл.

Прежде всего обратим внимание на то, что по уровню научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) Россия занимает 8-е место в мире, уступая только США, Китаю, Японии, Германии, Великобритании и Южной Корее и превосходя Францию, Италию и многие другие развитые, развивающиеся и постсоциалистические страны. По уровню образования из 191 страны по рейтингу программы ООН Россия занимает 29-е место – выше Франции (44-е место) и Италии (52-е место), не говоря уже о Бразилии, Китае и многих других странах.

По численности взрослого населения, имеющего среднее специальное и высшее образование, Россия занимает 6-е место в мире, уступая только трём крупным странам (Японии, Канаде и Южной Корее) и превосходя США, Великобританию, Германию и многие другие страны. Так что по уровню и качеству знаний Россия – одна из ведущих крупных стран мира. Достаточно сказать, что на мировом конкурсе студентов-магистров по IT-технологиям выпускники Ленинградского университета информационных технологий, механики и оптики чаще всех (восемь раз) занимали первые места за последние 15 лет (выше Стэнфорда, Гарварда, Кембриджа, Оксфорда и др.). В числе победителей были Санкт-Петербургский государственный университет и Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. И это свидетельствует о знаниях. Но одно дело – знания, а другое – их использование, что предполагает умение, навыки, опыт, условия для внедрения научных результатов в практику. Здесь наше отставание катастрофическое – от отсутствия финансовой поддержки инноваций до неблагоприятных условий ведения инновационного бизнеса. Ни один из победителей самого престижного мирового конкурса студентов по IT-технологиям не создал сколь-нибудь значимую инновационную фирму. Поэтому по использованию инноваций наша страна сильно отстала (см. табл. 4):

- по глобальному уровню инноваций на основе 81 показателя Россия занимает только 51-е место в мире;

- доля страны в производстве высококачественных товаров и услуг – 1,3 %, а в экспорте – 0,3 %. Это в десятки раз, а по экспорту – в сотни раз меньше, чем в передовых странах;

- среди ведущих инновационных фирм-единорогов с капитализацией свыше одного млрд долларов из 1500 в мире с 2020 г. нет ни одной, а в 2014–2019 гг. была одна – Avito. При этом россияне, получившие высшее образование в России и уехавшие в другие страны, где финансируются инновации, создали 28 таких фирм;

- из 2500 самых крупных фирм, производящих инновационные товары и услуги в 43 странах мира, в России только 3, а в США – 775, в Китае – 536, в Японии – 309 и т. д.;

- число роботов на 10 тысяч промышленного персонала – 6, в Южной Корее – 631, в Германии – 309, в Японии – 303, в США – 189;

- топ-суперкомпьютеров в России – 7, в США – 173, в Китае – 127;

- объём венчурного капитала, за счёт которого финансируются в основном инновации, в 2021 г. в России составлял 2,4 млрд долларов, а в 2022 г. их финансирование снизилось в 15 раз и составляет около 118 млн долларов. В США – 360 млрд, в Китае – 130 млрд долларов. Выпускник физфака МГУ Ю. Мильнер, живущий в Кремниевой долине, вкладывает в инновационные фирмы 19 млрд долларов, в том числе собственных средств 7,8.

Одним словом, нужна вдохновляющая, разносторонняя программа на среднесрочную и долгосрочную перспективу с переходом России на инновационный путь развития.

Научно-технологическое развитие, инновации позволят создать передовую материально-техническую базу России. Её результат – высокая экономическая эффективность: уровень производительности труда, низкая материало- и капиталоемкость, снижение энергопотребления, высокое качество продуктов и услуг. Всё это должно быть направлено на повышение благосостояния людей. Крайне важно увеличить доходы мало- и среднеобеспеченных граждан. Следует:

– в ближайшие годы повысить минимальную зарплату до 35 тыс. рублей в основном за счёт средств соответствующих предприятий и организаций с доплатой своим сотрудникам;

– провести новую пенсионную реформу, подняв средний размер пенсий до нормативов Международной организации труда (40...60 %) заработка. Для этого целесообразно финансировать половину пенсионного фонда за счёт взносов из заработной платы и доходов граждан (до 10 % от номинала). Чтобы реальные доходы не снизились, придётся индексировать зарплату и доходы;

– за счёт массового формирования фермерских хозяйств на базе лучших подсобных хозяйств в сельской местности поднять среднедушевой доход на селе с 25..30 тыс. рублей до 40 тыс. рублей (средний – 50 тыс. рублей в России, а в больших городах – 55...60 тысяч). Фермерские хозяйства следует объединить в промышленные кооперативы и создать при них сеть небольших предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, а также организаций, обслуживающих фермерские хозяйства. При всероссийской промысловой кооперации можно создать (по примеру Венгрии, Швейцарии и других стран) продовольственную торговую сеть КООП. Всё это требует крупных льгот и помощи государства;

– это позволит снизить социальное неравенство, при котором средний доход 10 % богатых составлял 133 тыс. рублей на душу, а средний доход 10 % бедных – 8,9 тыс. рублей – с разрывом в 15 раз. В странах Европейского союза эта разница – 10 раз, в Германии – 6,9, в социал-демократических странах Северной Европы – около 6, в Японии – 4,5, в СССР была 3 раза. Хорошо бы нам её снизить до 10 раз в течение нескольких лет, а к 2030–2035 гг. – до 6 раз. Сокращению социального неравенства поможет и переход на прогрессивный подоходный налог в соответствии с предложением Президента РФ В. В. Путина. Следовало бы также ввести повышенный налог на производство.

Всё сказанное предполагает сильный рывок вверх в техно и торговлю товарами и услугами, недоступными для среднеобеспеченных граждан (при строительстве дорогого жилья, на 5-звёздные отели, продажу элитных машин, привилегированные торговые сети и др.). И, напротив, нужно снизить налоги на производимые и продаваемые товары и услуги, доступные не только средне-, но и малообеспеченным гражданам. Можно отказаться от взимания налогов с малообеспеченного населения.

Около 20 стран мира в послевоенный период совершали такие рывки, самые значимые – в Китае, Японии, Южной Корее – с помощью стратегических пятилетних планов, модернизированных для современной рыночной экономики, с директивными заданиями госорганам и индикативными показателями для преобладающего частного бизнеса. Китай, как известно, осуществляет 14-ю пятилетку; Турция, развивающаяся последние 10 лет, успешно выполняет 11-ю; Индия с наибольшими темпами социально-экономического развития в последние 15 лет в 2017 г. завершила 12-ю пятилетку; 30-летний бурный подъём Японии и превращение Южной Кореи из отсталой в передовую державу базировались на выполнении шести пятилетних планов. Упомянем также шесть пятилетних планов, позволивших разрушенной войной Франции подняться с колен и

выйти в передовые европейские страны. В целом около 40 стран мира в разные периоды своего развития совершали рывки с помощью пятилеток.

И только Россия, правопреемница СССР, после распада Советского Союза «с водой выплеснула и ребёнка» – возможность развиваться устойчиво, руководствуясь стратегическими пятилетними планами. В этом одна из причин нашего длительного «топтанья» на месте. Предлагаем ввести стратегическое пятилетнее планирование на 2026–2030 гг. Без этого вряд ли удастся выполнить программу возобновления социально-экономического роста.

Стратегический пятилетний план потребует перестройки нашей финансовой системы, которая сдерживает развитие страны (табл. 5).

Таблица 5

Финансовая система России – поворот к инновационному социально-экономическому росту

Показатели	Россия		Примечание
	2020–2021	2030–2035 (проект)	
Объёмные показатели финансовой системы, % к ВВП:			
Монетизация (объём денежной массы M2)	51	100...150	В развитых странах и в Китае коэффициент монетизации составляет от 100 до 300 % ВВП: Япония – 291 %, Китай – 224 %, Великобритания – 142 %, Германия – 110 %, Бразилия – 111 %, ЮАР – 79 %
Активы банковской системы	98	130...150	В развитых странах и в Китае эти активы превышают объём ВВП: Китай – 218 %, Япония – 171 %, Великобритания – 146 %, Бразилия – 132 %, Германия – 98 %, Турция – 93 %
Внебанковские фонды «длинных» денег	20	100	В большинстве развитых и развивающихся стран они близки к объёму ВВП, в том числе США – 200 %, Евросоюз – 120 %
Капитализация фондового рынка	60	100	В развитых странах и в Китае этот показатель близок, а в США и ряде других стран превышает объём ВВП
Финансирование двух главных драйверов социально-экономического роста, % к ВВП	Около 1/3	55...65	Регулярный экономический рост, как правило, начинается с 45 %: в Китае этот показатель в последнее десятилетие составляет 67 % (ежегодный прирост ВВП – более 7 %). В США – 64 %, страны ЕС – 52 %
В том числе инвестиции в основной капитал	18	30	Китай – 45 %, развивающиеся страны – 30...35, развитые страны – около 20 %
Вложения в человеческий капитал (в сферу экономики знаний)	15	30	Китай – 22 %, США – 40 %, страны ЕС – 30 %, развивающиеся страны – около 20 %
Среднегодовая инфляция потребительских цен, %	В 2010–2021 гг. в среднем 6,5 (от 2,9 до 15,5)	2–3	В ведущих развитых странах мира – от 0,3 % в Японии до 2,2 % в Великобритании (от 0,1 до 4,7 %), Китай – 3,2 (от 0,9 до 5,4 %), Саудовская Аравия и ОАЭ – до 2 % (от минус 2 до 4,1 %), Чили – 2,8 % (от 1,4 до 4,5 %), Польша – 1,5 % (от 0,5 до 5,1 %)

Показатели	Россия		Примечание
	2020–2021	2030–2035 (проект)	
Ключевая ставка центральных банков (2024 г.), %	16	4	Развитые страны – от 0 в Японии до 4 % в США и Германии, а Китай – 3,65 %
Рыночный курс национальной валюты (% к паритету покупательной способности), долл.	0,4	0,6...0,8	Развитые страны – 0,8...1 %, Китай – 0,6 %. Передовые развивающиеся страны – от 0,5 до 0,7 %
Волатильность национальной валюты по отношению к доллару	В последние 15 лет более 3 раз – от 25 до 90 рублей за доллар	Незначительная	В развитых странах – до 20 %, в Китае – до 40 %
Отток капитала	Значительный: за 2008–2022 гг. – около 1,3 трлн долл. Максимум 2022 г. – 243 млрд долл., 2023 г. – 124, 2014 г. – 151,5, 2008 – 133 млрд долл.	Приток капитала в первую очередь из Китая, Саудовской Аравии и ОАЭ	Развитые страны – относительно небольшой либо приток, либо отток. Развивающиеся страны – менее значителен по сравнению с Россией. В Китае длительное время был крупный приток, в отдельные годы по 100 и более млрд долларов
Удельный вес финансовых средств, которыми в значительной мере распоряжается государство, контролируя соответствующие предприятия и организации	Свыше 70 %, поскольку доля огосударствления производства ВВП 71 % (оценка Всемирного банка), в том числе около 75 % банковских активов	Не более 50 %	Развитые страны – от 30 до 50 % ВВП, в основном через госбюджеты, и в 2...4 раза меньше, поскольку сумма всех финансовых средств в разы больше ВВП. Китай и другие продвинутые развивающиеся страны имеют близкие показатели к развитым странам
Финансовая и налоговая нагрузка со стороны государства (% к ВВП): доходы общего правительства	45...50 % – высшая группа с Францией и Италией	35...40	Германия и Великобритания – 40...45 %; Китай, Япония, Польша – 35...40 %; США – 30...35 %; Чили, Аргентина, Египет – 25...30 %

Не буду комментировать. Об этом все говорят. Речь идёт о повороте наших финансов к инновационному социально-экономическому росту, о замене фискальной политики Минфина на стимулирующую социально-экономический рост со стороны главного органа, которым должен стать новый государственный орган, отвечающий за развитие страны и составляющий государственный бюджет, нацеленный на ускоренный социально-экономический рост на базе инновационного развития.

Если удастся претворить в жизнь подобный оптимистический вариант социально-экономического развития страны, то международный рейтинг России среди 150 ведущих государств мира резко улучшится.

A. G. Aganbegyan³. Russia's Place Among the Leading Countries of the World in the Process of Integration and Competition in the Future. The author proposes a forecast of socio-economic growth for Russia and the leading countries of the world, prepared based on the expert opinion in various fields. The key directions of integration and competition among the leading countries of the world are considered. An analysis of opportunities and problems in socio-economic integration with China, India and southern countries has been carried out. The main areas of cooperation between Russia and China are highlighted, i.e. trade, education, tourism, the sphere of scientific, technological and innovative development. The possibility of Russia's interaction with developed countries in the context of strict sanctions is analyzed, as well as the consequences of the latter and measures to offset them (import substitution). The conditions necessary for Russia's breakthrough in scientific, technological, demographic, and social terms are substantiated. In this regard, the sources of mobilization of financial resources for investments in basic and human capital and their distribution in four directions are considered. Innovative development is defined as the main goal of scientific and technological advancement. The introduction of innovations makes it possible to create an advanced material and technological foundation and ultimately improve people's well-being.

Keywords: integration, socio-economic growth, development scenarios for Russia, innovative development, cooperation with China.

---

³ *Abel G. Aganbegyan*, Head of Department Economic Theory and Policy at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82/1 Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia), Dr. of Economics, Professor, Academician of the RAS, e-mail: information@ranepa.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-34-45

С. Ю. Глазьев¹

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА²

Завершился американский цикл накопления капитала, а это – признак распада мировой финансовой системы. Сформировался новый, интегральный, мирохозяйственный уклад (МХУ) с признаками ноономики. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) сформирован в соответствии с принципами интегрального МХУ: суверенитеты всех стран, взаимовыгодность, добровольность, консенсус при принятии решений, нацеленность на рост благосостояния народа за счёт сочетания стратегического планирования и рыночной конкуренции. Выполнен анализ перспективных темпов роста экономики стран ЕАЭС, даются рекомендации по их ускорению (стабилизация курса рубля, переориентация товарного импорта на Восток). Перечислены причины, тормозящие развитие России: отток капитала, низкая инновационная активность и загрузка производственных мощностей, проблема повышения производительности труда. Подчёркивается реальность выхода России на 8 %-ный ежегодный рост ВВП при наличии, как минимум, 16 %-ного прироста инвестиций.

Ключевые слова: экономическое развитие членов ЕАЭС, нанотехнологии, ноономика, новый интегральный мирохозяйственный уклад, стратегия опережающего развития, сочетание стратегического планирования и рыночной конкуренции.

УДК 330.352

Точку бифуркации, связанную со сменой технологических и мирохозяйственных укладов, передовые страны уже прошли. Комплекс производств, формирующих ядро нового технологического уклада (нано, биоинженерные, информационно-коммуникационные, цифровые и аддитивные технологии), вышел на устойчивый рост. Так, траектории распространения ведущих нанотехнологий (рис. 1) показывают, что многие из них вошли в фазу быстрого роста. Это говорит о том, что технологическая революция свершилась.

Показателем нарастающего хаоса и завершения американского векового системного цикла накопления капитала является график роста государственного долга США (рис. 2), посредством рефинансирования которого формируется долларовая финансовая пирамида. На графике видно, что расширение долларовой финансовой системы вошло в режим с обострением. Это признак распада сложившейся мировой финансовой системы, агония которой проявляется в антироссийских санкциях.

---

¹ Сергей Юрьевич Глазьев, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (119121, РФ, Москва, Смоленский бульвар, д. 3/5, стр. 1), д-р экон. наук, профессор, академик РАН, e-mail: sy_glazuev@guu.ru

² Подготовлено по материалам доклада на IX Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2024) «Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход» (04–05 апреля 2024 года).

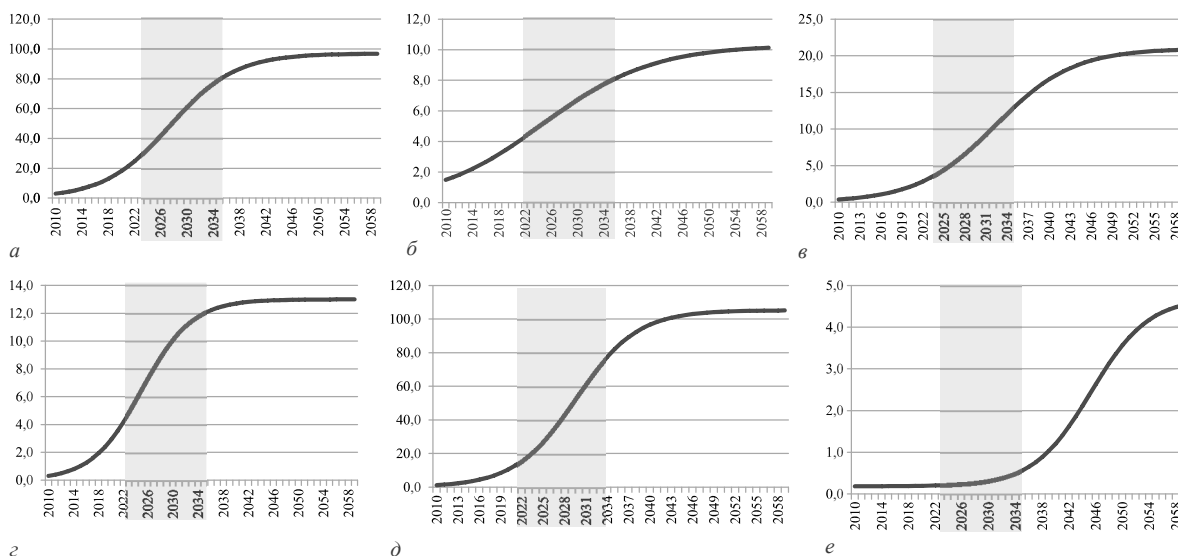

Рис. 1. Динамика распространения ряда нанотехнологий в 2010–2059 гг. (прогнозные оценки (выделен период до 2035 г.) в контексте проектируемого документа – Основных направлений экономического развития). Объем мирового рынка, млрд долл.: а – углеродных нанотрубок; б – наночастиц оксида алюминия; в – наночастиц серебра; г – наночастиц золота; д – наносенсоров; е – полимерных наночастиц

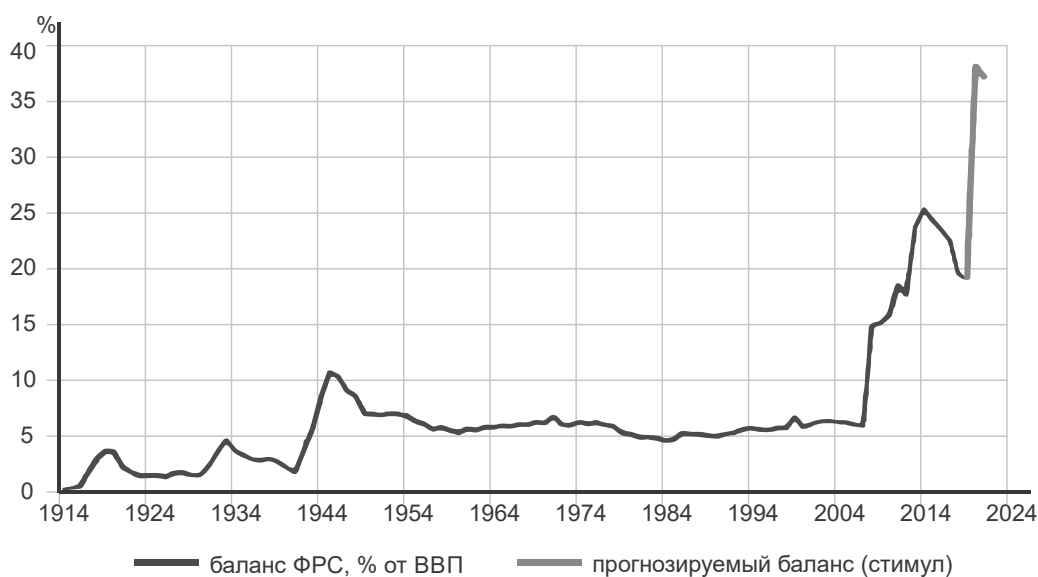

Рис. 2. Баланс Федеральной резервной системы с 1914 г. (источник: BofA Global Investment Strategy, Haver, Federal Reserve Board)

Новый мирохозяйственный уклад уже сформировался. Он несёт в себе признаки ноономики, проявляющиеся в переходе к экономике знаний, составной частью ре-

гулирования которой становятся нравственные императивы. В системах управления развитием китайской и индийской экономик, формирующих два полюса нового мирохозяйственного уклада, прослеживается примат общественных интересов над личными. Главной целью экономического регулирования является рост благосостояния граждан за счёт сочетания стратегического планирования и рыночной конкуренции. Государство определяет основные направления социально-экономического развития и регулирует рынок таким образом, чтобы преимущественное развитие получили те виды предпринимательской деятельности, которые обеспечивают рост благосостояния населения и повышение конкурентоспособности производства. Результатом становится опережающий экономический рост на основе нового технологического уклада. Эта новая система управления предсказана классиками теории конвергенции [1–8].

Действительно, в странах Юго-Восточной Азии сформировался предсказанный П. Сорокиным интегральный строй [9], объединяющий лучшие качества советской системы стратегического планирования и характерной для развитых капиталистических стран рыночной конкуренции как механизма обеспечения эффективности экономического развития. Новый тип государственного управления улавливает все достижения государственного строительства, сохраняя качества социального, суверенного, демократического, правового, сложного партнёрского государства (табл.1). К ним добавляется качество «государства развития», которое решает задачу создания максимально благоприятных условий для творческой самореализации людей.

Таблица 1

Основные характеристики государства при интегральном мирохозяйственном укладе

Нравственные императивы	Государство как системный интегратор и гармонизатор социально-экономических интересов	Принципы международного сотрудничества
Примат общественных интересов над личными, право граждан на достойную жизнь и гармоничное свободное развитие, экологические ограничения, социальная справедливость, прозрачные отношения собственности, соотношение прав, обязанностей и ответственности	Социальное, суверенное, демократическое, правовое, планово-рыночное, справедливое, развивающее, гуманное, партнёрское, интеллектуальное, сложносоставное, ответственное	Примат международных обязательств над национальным правом, добровольность международных обязательств, покрытие международным правом валютно-финансовых и торгово-инвестиционных отношений, включая эмиссию и обращение мировых валют, соблюдение национального суверенитета с чётким определением международных обязательств, взаимовыгодность международного сотрудничества, право каждого государства на установление ограничений по трансграничным операциям

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) сформирован в соответствии с указанными принципами международного сотрудничества интегрального мирохозяйственного уклада, которые позволяют ему органично взаимодействовать с новыми центрами мировой экономики в Юго-Восточной Азии. ЕАЭС является примером нового типа интеграции, где соблюдаются суверенитет всех стран, уважение друг к другу, учёт взаимных интересов. В отличие от бюрократической империи Европейского союза (ЕС) органы ЕАЭС все решения принимают консенсусом.

В этом году мы отмечаем 15-летие ЕАЭС. Начиналось всё в 2009 г. с создания Комиссии Таможенного союза. За 15 лет были приняты тысячи нормативных решений, по которым достигался консенсус сторон. Можно по пальцам пересчитать примеры, когда страны применяли право вето.

ЕАЭС строится на строгих правовых началах, уважении суверенитета, добровольности, взаимовыгодности. Это интеграция ограниченного типа, предполагающая сохранение национальных суверенитетов, что исключает возможность принудительного делегирования суверенных функций наднациональному органу. В настоящее время функционал Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) ограничен регулированием торговли и сфер деятельности, без которых она не может вестись: таможенного, тарифного, технического, санитарного, ветеринарного и фитосанитарного регулирования.

Переходя к перспективам развития ЕАЭС в современной ситуации, отмечу, что принципы регулирования экономики в странах ядра нового мирохозяйственного уклада кардинально отличаются от принципов «вашингтонского консенсуса», который является выражением имперской политики единственного (оставшегося после краха Советского Союза) ядра имперского мирохозяйственного уклада в составе США и ЕС. Существенные различия характерны для всех целей экономической политики (табл. 2).

Так, целью денежно-кредитной политики становится создание условий для наращивания инвестиций. При этом макроэкономическая стабильность обеспечивается за счёт роста выпуска и предложения товаров и повышения эффективности их производства благодаря внедрению достижений научно-технического прогресса.

Внешняя экономическая политика ориентируется на сочетание конкурентных преимуществ. Главным трендом международного сотрудничества становятся совместные инвестиции, именно это предлагается в китайском международном проекте «Один пояс – один путь». Совместные инвестиции призваны создавать условия для роста благосостояния интегрирующихся стран и становятся главным стержнем современного внешнеэкономического сотрудничества.

Налогово-бюджетная политика приобретает стимулирующий характер, что обеспечивает перераспределение рентных доходов в пользу инвестиций. Государство контролирует пропорции ценообразования, проводит активную промышленную политику. Огромную роль играют институты развития, которые канализируют целевую кредитную эмиссию в перспективных направлениях инвестиций.

В трудовых отношениях мы видим упоминавшийся С. Д. Бодруновым солидаризм, включающий участие трудящихся в управлении предприятиями, что необходимо для раскрытия творческого потенциала личности. Огромную роль играет природопользование – его правильная организация становится важнейшим условием устойчивого развития. Всё государственное управление нацелено на рост благосостояния людей.

Прежде чем перейти к изложению рекомендаций, ответим на ключевой вопрос: на какие темпы роста мы должны ориентироваться? Политическое решение – наши темпы роста должны быть выше среднемировых³. Но что такое среднемировые? Эта «средняя температура по больнице» не может служить ориентиром ни для какой страны в условиях кардинальных структурных изменений мировой экономики.

Смена мирохозяйственных укладов проявляется в мощном экономическом рывке Китая и Индии, формирующих ядро нового мирохозяйственного уклада, на

---

³ Путин поручил правительству обеспечить темпы роста экономики РФ выше мировых <http://www.interfax.ru/business/601972> (дата обращения: 01.04.2024).

фоне стагнации экономики стран ядра предыдущего. Бурное распространение нано- и биоинженерных технологий происходит на фоне технологического застоя в традиционных отраслях обрабатывающей промышленности. В этих условиях темпы развития той или иной страны определяются близостью её экономики к новому технологическому, а системы управления – новому мирохозяйственному укладу.

Таблица 2

Различия в целеполагании по основным составляющим макроэкономической политики в странах ядра нового МХУ и рекомендациях МВФ

Цель экономической политики	Страны ядра нового МХУ	МВФ
<p>Денежно-кредитная политика: политические цели</p> <p>инструментальные цели</p>	<p>Наращивание инвестиционной и инновационной активности, рост производства при соблюдении антиинфляционных ограничений</p> <p>Расширение рефинансирования коммерческих банков и институтов развития под обязательства производственных предприятий, валютное регулирование капитальных операций</p>	<p>Таргетирование инфляции при свободе трансграничных операций с капиталом</p> <p>Ограничение прироста денежной массы; единственный инструмент регулирования – манипулирование ключевой ставкой; поддержание ликвидности; денежная эмиссия под прирост валютных резервов; либерализация валютного регулирования</p>
<p>Внешнеэкономическая политика: регулирование внешней торговли</p> <p>валютное регулирование</p>	<p>Эскалация импортного тарифа пропорционально добавленной стоимости в цене товара; экспортный тариф на сырьевые товары, пропорциональный величине природной ренты</p> <p>Ограничение вывоза капитала целями повышения конкурентоспособности экономики; полная продажа валютной выручки; стабилизация обменного курса национальной валюты</p>	<p>Либерализация, снижение таможенных тарифов</p> <p>Либерализация, включая свободное трансграничное перемещение капитала, свободное плавание обменного курса национальной валюты</p>
<p>Налогово-бюджетная политика: политические цели</p> <p>инструментальные цели</p>	<p>Создание условий для социально-экономического развития</p> <p>Освобождение от налогообложения инвестиционной и инновационной активности, бюджет развития</p>	<p>Балансирование бюджета</p> <p>Бюджетное правило по стерилизации нефтегазовых и других конъюнктурных доходов бюджета рентного характера</p>
Ценообразование	Поддержание благоприятных для экономического развития ценовых пропорций	Свободное ценообразование

Обратим внимание на китайское экономическое чудо: за 20 лет – рост производства в 5 раз (рис. 3) благодаря опережающему росту инвестиций (в 8 раз), которые были профинансированы за счёт ещё более масштабного предоставления целевых кредитов. Сравним с соответствующими показателями экономической динамики в Российской Федерации. После распада СССР наша экономика воспроизводилась как периферия США и ЕС, что предопределило такие же темпы её роста.

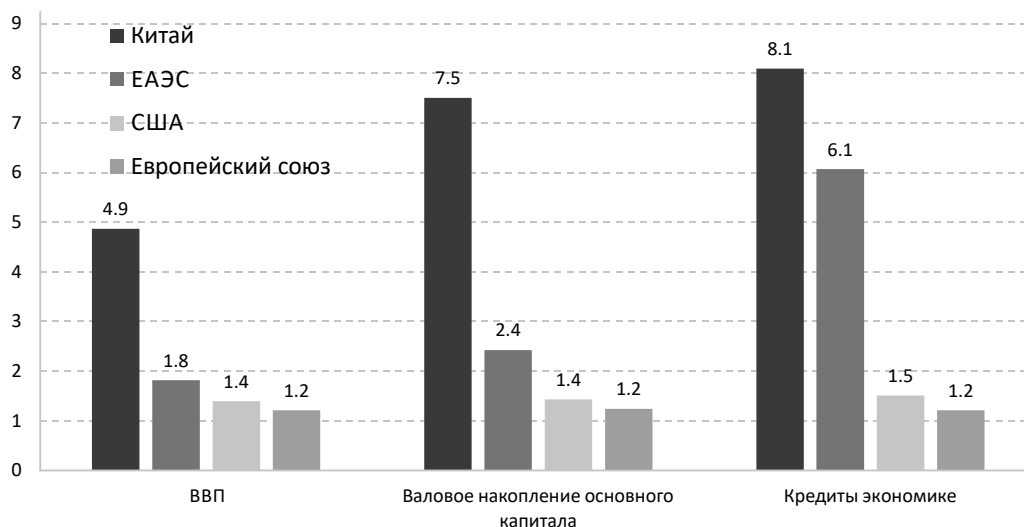

Рис. 3. Рост ВВП, накопления капитала и объёма кредитования экономики в постоянных ценах (в 2020 г. к уровню 2001 г., раз) в КНР в сравнении с ЕАЭС, США и ЕС (источник: данные Всемирного банка, Евростата, расчёты ЕЭК)

Примечание. По Китаю приведены данные по валовому накоплению капитала, изменение кредитования – по показателю «кредит денежно-кредитного сектора частному сектору». В рамках ЕАЭС данные по России в части кредитования экономики до 2002 г. оценены с использованием данных Банка России.

Наблюдается устойчивая тенденция снижения доли ЕАЭС (за исключением прошлого года) в мировой экономике (рис. 4, а) и ещё более стремительное снижение в азиатской экономике (Шанхайской организации сотрудничества – ШОС) (рис. 4, б).

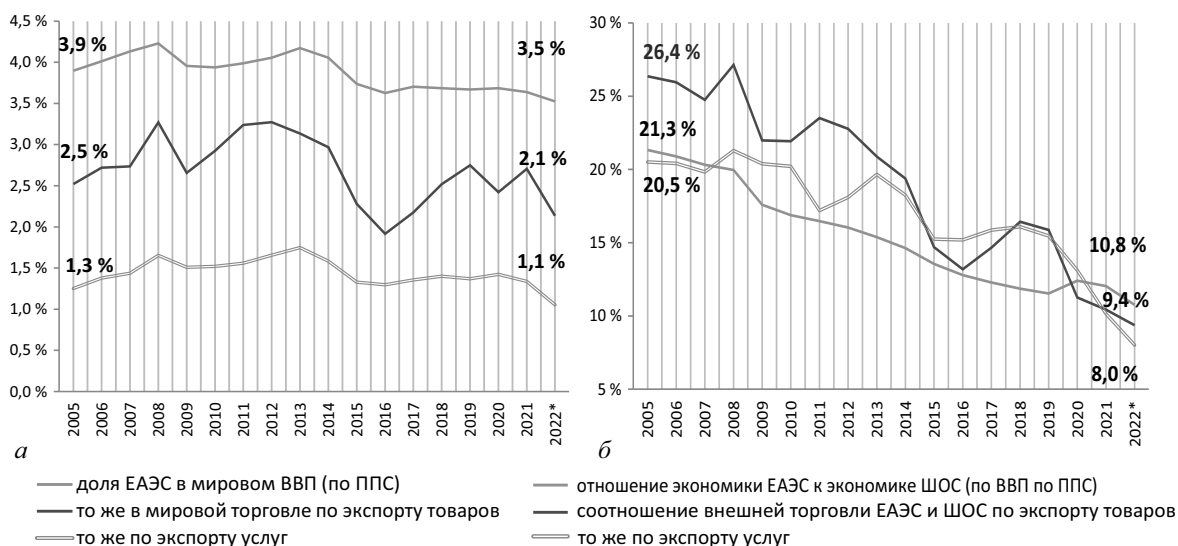

Рис. 4. Доля ЕАЭС в мировой экономике (а) и ШОС (б) (источник: Всемирный банк, расчёты ЕЭК)

Очевидно, что низкие темпы роста связаны с низкой нормой накопления. Из государств ЕАЭС только Кыргызстан может похвастаться темпами роста инвестиций на уровне ведущих стран ядра нового мирохозяйственного уклада. В России объём инвестиций в основной капитал ниже уровня, достигнутого 30 лет назад в условиях советской экономики. Эксперты, формирующие официальные прогнозы, не очень оптимистичны. В 2023 г. Россия достигла 3,5 % прироста ВВП, выйдя на первое место в Европе по темпам экономического развития, но прогнозы на будущий год пессимистичны (табл. 3).

Таблица 3

Прогнозы экономического роста, %, по данным министерств экономики государств – членов ЕАЭС (для Армении – министерства финансов), ЕЭК

Страна	2022	2023	2024**	2025**	Источник
Армения	12,6	7,4	7,0	7,0	МФ
Беларусь	-4,7	3,9*	3,8	6,0	МЭ
Казахстан	3,2	4,9	5,3	5,6	МНЭ
Кыргызстан	9,0	6,2*	5,0	4,7	МЭК
Россия	-1,2	3,5***	2,3	2,3	МЭР
ЕАЭС	-0,8	3,7	3...5	3...5	ЕЭК

* – предварительные фактические данные; ** – данные официально опубликованных прогнозов; *** – текущая оценка.

Примечание. На 2023 г. : переход экономик ЕАЭС в фазу подъёма; дифференциация экономической активности; увеличение совокупного ВВП государств – членов ЕАЭС на 3,7 %, что выше среднемировых темпов роста (3,1 %). На 2024–2025 гг. в соответствии с основными ориентирами макроэкономической политики государств – членов ЕАЭС ежегодный прирост ВВП Союза должен превышать темпы роста мировой экономики, которые прогнозируются на уровне 3,1% в 2024 г. и 3,2% в 2025 г.

С этим нельзя соглашаться. Мы видим возможности удержания темпов роста развития ЕАЭС не ниже 3...5 % (см. табл. 3) в соответствии с основными ориентирами, одобренными главами государств, которые мы сумели выдержать в прошлом году (вопреки негативным прогнозам наших «денежных» властей). При этом рост обрабатывающей промышленности составил порядка 7 %. Перелом был достигнут за счёт резкого роста инвестиций. Из рис. 5 видно, что во всех странах ЕАЭС достигнуты двузначные темпы прироста инвестиций в основной капитал.

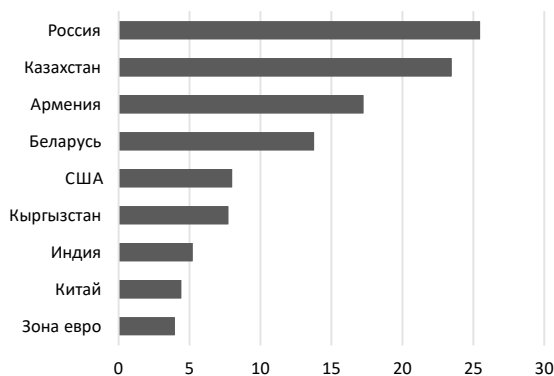
Отметим снижение инфляции во всех странах. Однако сохраняется высокая волатильность курса рубля (рис. 6), которая влечёт за собой нестабильность во всей валютно-финансовой системе ЕАЭС. Высокая волатильность курса рубля связана исключительно с политикой Центрального банка, который бросил рубль в свободное плавание, сделав его игрушкой валютно-финансовых спекулянтов. Курс рубля надо стабилизировать [10]. При положительном торговом балансе нет никаких причин, чтобы допускать столь высокую волатильность курса рубля. Мы могли бы жить при фиксированном курсе последние 10 лет и обеспечивать тем самым благоприятные условия для роста инвестиций.

- ↑ Промышленное производство:
  - опережающий рост обрабатывающей промышленности (+1,9 п.п. в структуре производства)
  - прирост производства в отраслях, ориентированных на внутренний рынок (16,7 %)
- ↓ Сельское хозяйство
- ↓ Грузооборот
- ↑ Розничная торговля
- ↑ Строительство

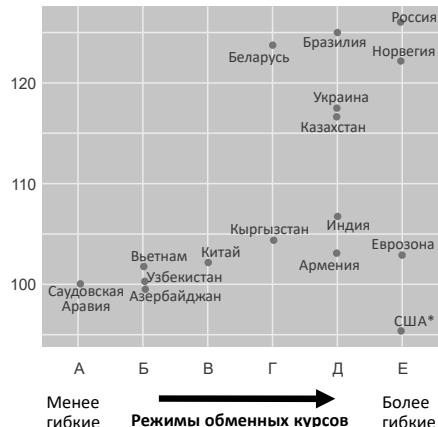
Рис. 5. Тенденции развития государств – членов ЕАЭС в 2023 г.

Номинальные эффективные обменные курсы валют*, коэффициент вариации за 2013–2022 гг.**, %

* данные для Индии, Китая, США, зоны евро, России – Банк международных расчетов, для Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана – национальные банки
** для Армении, Беларуси, Кыргызстана – январь 2013 – ноябрь 2022 гг. (источник: расчёты ЕЭК)

Изменение обменных курсов валют в зависимости от их режимов

Механизмы привязки:
 А – режим привязки курса к другой валюте (корзине валют) на установленном значении;
 Б – фиксированный курс в рамках горизонтального коридора;
 В – фиксированный курс с возможностью корректировки;
 Г – прочие режимы управляемого курса

Режимы плавающего курса :
 Д – плавающий курс;
 Е – свободно плавающий курс

Рис. 6. Курсовая политика Банка России и её влияние на макроэкономическую устойчивость

В условиях гибридной войны Запада против нашей страны ЕАЭС показал очень высокую способность адаптации к резко меняющимся не в лучшую сторону внешнеэкономическим условиям. За два года кардинально изменилась географическая структура внешнеэкономических связей. Первое место в списке наших внешне-торговых партнёров сегодня занимает Китай, благодаря расширению торговли с которым было компенсировано эмбарго, введённое ЕС. Если раньше больше половины импорта шло из ЕС, то сегодня из Китая и других дружественных стран (рис. 7).

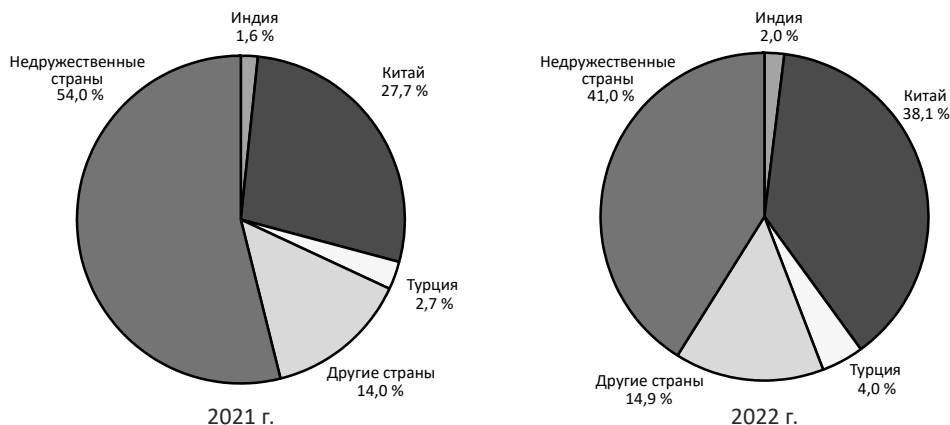

Рис. 7. Переориентация товарного импорта в ЕАЭС

Переориентация нашей торговли с Запада на Восток – долгосрочная тенденция, обусловленная сменой мирохозяйственных укладов и перемещением центра мировой экономики в Юго-Восточную Азию. За последние два года она ускорилась, но естественным образом следует за общемировыми тенденциями становления нового центра развития мировой экономики в составе стран ядра нового мирохозяйственного уклада. Чтобы войти в ядро, необходимо обеспечивать техническое развитие экономики, стимулировать модернизацию, реализовывать стратегию опережающего развития на базе нового технологического уклада. Пока же во взаимоотношениях с новым центром мировой экономики (Юго-Восточной Азией) мы воспроизводим структуру торговли, которая сформировалась после краха Советского Союза в отношениях с Западом: поставляем сырьё и покупаем готовые изделия.

Какие мы имеем резервы роста?

Первое – колоссальный отток капитала. За 12 лет (начиная с 2010 г.) из России вывезено 800 млрд долларов. Особенно мощно шёл вывоз капитала в 2022 г., когда страна остро нуждалась в инвестициях в замещение импорта, прекратившегося из недружественных стран. Если бы эти капиталы оставались в нашем экономическом пространстве, объём инвестиций можно было увеличить в полтора раза.

Второе – низкая инновационная активность. Расчёты Института народнохозяйственного прогнозирования показывают, что мы могли бы добиться увеличения темпов роста ВВП до 3 % за счёт активизации научно-технического потенциала.

Третье – низкая загрузка производственных мощностей, их дозагрузка позволяет в полтора раза увеличить выпуск промышленной продукции (рис. 8).

Потенциал увеличения загрузки производственных мощностей

	Беларусь	Казахстан	Россия
Объём промышленного производства			
Фактические данные	2,3	2,8	2,0
Оценка с учётом более полного использования мощностей	5,7	4,4	3,7
ВВП			
Фактические данные	0,8	2,3	0,9
Оценка с учётом более полного использования мощностей	2,1	3,5	1,8

Примечание: для расчёта использовались данные за 2016–2020 гг.

- Загрузка производственных мощностей остаётся низкой
- В меньшей степени используются мощности в сферах машиностроения, лёгкой и пищевой промышленности
- Догрузка производственных мощностей за счёт улучшения доступности кредитов на пополнение оборотных средств может существенно ускорить экономический рост при наличии спроса на дополнительно произведённую продукцию

Рис. 8. Уровень загрузки производственных мощностей и потенциал наращивания выпуска в ЕАЭС до 2035 г. (источник: национальные статистические органы, расчёты ЕЭК)

Четвёртое – повышение производительности труда. Денежные власти на порядок занижают потенциал выпуска продукции, ссылаясь на проблемы с трудовыми ресурсами. Да, они есть, но есть и резерв трудовых ресурсов ЕАЭС – порядка четырёх миллионов человек, огромные возможности для роста производительности труда. И никаких оснований говорить о перегреве экономики, поскольку имеется низкая безработица, нет. Опыт функционирования нашей экономики в 2023 г. показал, что на тех же мощностях и с теми же трудовыми ресурсами можно увеличить выпуск промышленной продукции на 30 %, как это было в областях Уральского федерального округа.

Пятое – безграничные возможности наращивания переработки сырья. Наша сырьевая база в нефтегазовом, лесохимическом, химико-металлургическом, агропромышленном комплексах позволяет в десятки раз нарастить выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью. Но для этого нужны большие инвестиции.

Сейчас мы работаем над сценарием опережающего развития, опираясь на соответствующую программу, которая недавно обсуждалась и была одобрена на Всемирном Русском Народном Соборе⁴. Она хорошо просчитана, основана на современных представлениях о глобальных тенденциях экономического развития, учёте нашего научно-технического потенциала и предполагает выход на 8 %-ный ежегодный прирост ВВП, для чего требуется, как минимум, 16 %-ный прирост инвестиций. Мы пытаемся заложить этот подход в стратегию опережающего развития Евразийского экономического союза [11].

К сожалению, руководство Центрального банка по-прежнему следует архаичной политике «вашингтонского консенсуса», руководствуясь примитивными догмами МВФ, слепо выполняя его рекомендации и не давая экономике развиваться из-за

⁴ <https://newprospect.ru/news/aktualno-segodnya/na-xxv-vms-predstavili-programmu-operezha-yushchego-razvitiya-rossii/>

катастрофической нехватки кредитования инвестиций. Для их достижения центральные банки должны не потворствовать валютно-финансовым спекулянтам, обслуживая их интересы, а отвечать за наращивание инвестиций, для чего есть огромные возможности, резервы, связанные с низкой монетизацией, прекращением утечки капитала, перераспределением природной ренты в целях развития.

Указанные темпы роста вполне реальны. Необходимые для этого меры экономической политики давно обоснованы [12]. Либо мы перейдём к стратегии опережающего развития экономики на основе новых технологического и мирохозяйственного укладов, либо останемся на их периферии.

Список литературы

1. Богомолов, О. Т. Теория и методология международного социалистического разделения труда / О. Т. Богомолов. – М.: Мысль, 1967. – 263 с.
2. Богомолов, О. Т. Страны социализма в международном разделении труда / О. Т. Богомолов. – М.: Наука, 1980. – 362 с.
3. Сахаров, А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе / А. Д. Сахаров. – 1968. – 38 с.
4. Galbraith, J. K. The New Industrial State. Boston, 1967. – 576 с.
5. Burnham, J. The Managerial Revolution: What is Happening in the World. New York, 1941. 304 p.
6. Богомолов, О. Т. Реформы в зеркале международных сравнений / О. Т. Богомолов. – М.: Экономика, 1998. – 159 с.
7. Богомолов, О. Т. Десять лет системной трансформации в странах ЦВЕ и в России: итоги и уроки: науч. докл. / О. Т. Богомолов. – М.: ИМЭПИ РАН, 1999.
8. Реформы глазами российских и американских учёных / под общ. ред. О. Т. Богомолова. – М.: Российский экономический журнал, Фонд «За экономическую грамотность», 1996. – 270 с.
9. Сорокин, П. А. Главные тенденции нашего времени / П. А. Сорокин. – М.: Наука, 1997. – 350 с.
10. Глазьев, С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2018. – 701 с.
11. Глазьев, С. Ю. О возможностях экономического развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе: науч. докл. / С. Глазьев, Д. Митяев, С. Ткачук. – М., 2023. – 108 с.
12. Глазьев, С. Ю. Управление развитием экономики: курс лекций / С. Ю. Глазьев. – М., 2019. – 759 с.

References

1. Bogomolov O. T. (1967) Teoriya i metodologiya mezhdunarodnogo sotsialisticheskogo razdeleniya Truda [Theory and Methodology of the International Socialist Division of Labour]. Moscow: Mysl' Publ. 263 p.
2. Bogomolov O. T. (1980) Strany sotsializma v mezhdunarodnom razdelenii Truda [Socialist Countries in the Context of International Division of Labour]. Moscow: Nauka Publ. 362 p.
3. Sakharov A. D. (1968) Razmyshleniya o progresse, mirnom sosushchestvovanii i intellektual'noy svobode [Reflections on Progress, Peaceful Coexistence, and Intellectual Freedom]. 38 p.
4. Galbraith J. K. (1967) The New Industrial State. Boston. 576 p.

5. Burnham J. (1941) *The Managerial Revolution: What is Happening in the World*. New York. 304 p.
6. Bogomolov O. T. (1998) *Reformy v zerkale mezhdunarodnykh sravneniy* [Reforms Through the Lens of International Comparisons]. Moscow: Ekonomika Publ. 159 p.
7. Bogomolov O. T. (1998) *Desyat' let sistemnoy transformatsii v stranakh TSVE i v Rossii: itogi i uroki: nauchny doklad* [Ten Years of Systemic Transformation in the CEE Countries and Russia: Results and Lessons: Scientific Report] Moscow: IIEPS RAS Publ.
8. Bogomolov O. T. (Ed.) (1996) *Reformy glazami rossiyskikh i amerikanskikh uchenykh* [Reforms Through the Lens of Russian and American Scientists]. Moscow: Russian Economic Journal, Foundation for Economic Literacy.
9. Sorokin P. (1997) *Glavnyye tendentsii nashego vremeni* [Main Trends of Our Time]. Moscow: Nauka Publ. 350 p.
10. Glazyev S. Y. (2018) *Ryvok v budushcheye. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozaystvennom ukladakh* [A Leap into the Future. Russia in the New Technological and World Economic Orders]. Moscow: Knizhnyy mir Publ. 701 p.
11. Glazyev S. Y., Mityaev D. A., Tkachuk S. P. (2023) *O vozmozhnostyakh ekonomicheskogo razvitiya YEAEES v dolgosrochnoy perspektive: nauchny doklad* [On EAEU Long-Term Economic Development Prospects. Scientific Report]. 108 p.
12. Glazyev S. Y. (2019) *Upravleniye razvitiyem ekonomiki: kurs lektsiy* [Economic Development Management: Series of Lectures]. 759 p.

S. Y. Glazyev⁵. Eurasian Economic Integration in the Context of the Emergence of a New World Economic Structure. The American cycle of capital accumulation has come to an end, and this is a sign of the collapse of the global financial system. A new integral world economic order (WEO) with characteristics of noonomy has emerged. The Eurasian Economic Union (EAEU) was formed in accordance with the principles of the integral WEO: sovereignty of all countries, mutual benefit, voluntary involvement, consensus in decision-making, focus on increasing the well-being of the people through a combination of strategic planning and market competition. An analysis of the promising growth rates of the economies of the EAEU countries has been carried out, recommendations are given for their acceleration (stabilization of the rouble exchange rate, redirection of import of goods to the East). The reasons holding back the development of Russia are listed: capital outflow, low innovative activity and production capacity utilization, as well as the issue of increasing labor productivity. The possibility of Russia achieving 8% annual GDP growth with at least a 16% increase in investment is emphasized.

Keywords: economic development of the EAEU members, nanotechnologies, noonomy, new integral world economic order, strategy of advanced development, combination of strategic planning and market competition.

---

⁵ *Sergey Y. Glazyev*, Member of the Board and Minister of Integration and Macroeconomics, Eurasian Economic Commission (3/5 Smolensky Boulevard, bld. 1, Moscow, 119121, Russia), Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, e-mail: sy_glazyev@guu.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-46-53

В. В. Окрепилов¹

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ²

Рассматриваются роль и значение экономики качества и её основных элементов (метрологии, стандартизации и управления качеством) в совершенствовании механизмов улучшения качества в процессе экономической интеграции. На примере развития петербургской агломерации подтверждается экономический и социальный эффект интеграции. Представлена уникальная методология, позволяющая осуществлять управление качеством жизни на всех уровнях экономического взаимодействия; применять фундаментальные научные исследования для формирования принципиально нового подхода к оценке качества жизни населения.

Ключевые слова: экономика качества, метрология, стандартизация, управление качеством, качество жизни.

УДК 330.352

В условиях экономической интеграции научное направление «экономика качества» даёт возможность по-новому взглянуть на ход социально-экономического развития, основным предназначением которого является повышение качества жизни.

Базовые элементы экономики качества – метрология, стандартизация и управление качеством – составляют триаду качества (рис. 1). Применение триады качества позволяет оценивать в единстве совокупность многих факторов, влияющих на качество жизни (рис. 2).

Деятельность в сфере метрологии является основой для обеспечения единства и точности измерений, их достоверности и воспроизводимости. Только при соблюдении этих условий можно достигнуть высокого уровня качества и надёжности любой продукции и услуги.

Базой для оценки качества всех измерительных приборов служат государственные первичные эталоны. Сейчас в России их 160, в соответствии с программой развития эталонной базы ежегодно проводится разработка и совершенствование свыше 10 государственных первичных эталонов: 2021 г. – 12; 2022 г. – 15; 2023 г. – 11; 2024 г. – 11; 2025 г. – 18.

Так, в 2023 г. для укрепления национального суверенитета России в сфере измерительных возможностей создан государственный первичный специальный эталон

---

¹ Владимир Валентинович Окрепилов, научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН (190013, РФ, Санкт-Петербург, Серпуховская ул., 38), д-р экон. наук, профессор, академик РАН, e-mail: okrepilov@test-spb.ru

² Подготовлено по материалам доклада на IX Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2024) «Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход» (04–05 апреля 2024 года).

координат местоположения, который позволяет повысить точность, достоверность средств измерений координат спутниковой, геодезической, навигационной аппаратуры³. Это чрезвычайно важно для решения задач и в мирной, и в военной области.

Рис. 1. Базовые элементы экономики качества

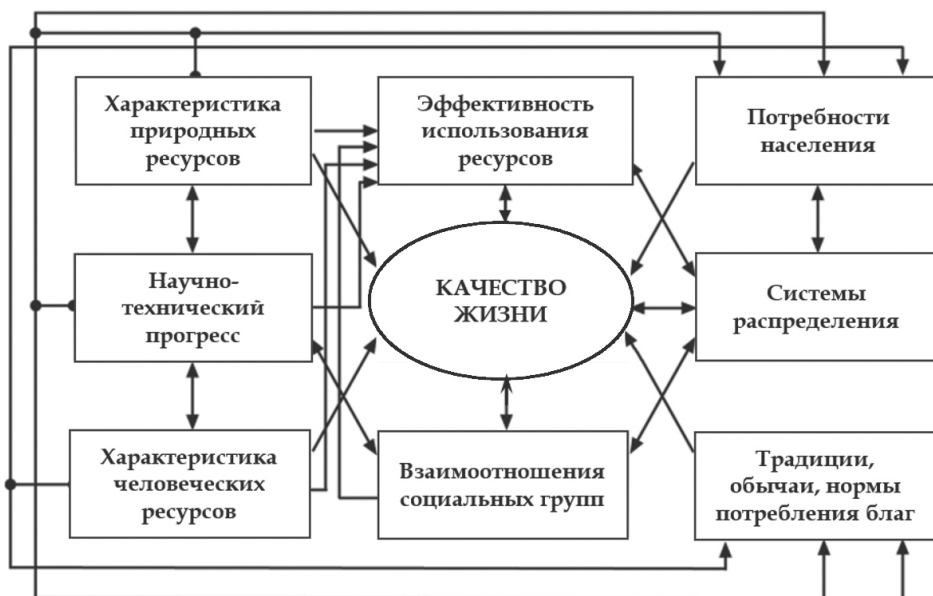

Рис. 2. Взаимосвязи в системе характеристик, определяющих качество жизни

³ Встреча Михаила Мишустина с руководителем Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Антоном Шалаевым. URL: <http://government.ru/news/50589/>

В настоящее время идёт научная и технологическая подготовка к созданию полностью нового государственного первичного эталона килограмма (kg) на основе новых научных принципов, с использованием только отечественных разработок. Планируется завершить работы в 2025 г.

На выставке «Россия» на ВДНХ впервые в мире на стенде Росстандарта в одном месте представлены эталоны всех семи единиц Международной системы измерений (СИ): метра, килограмма, секунды, ампера, кельвина, моля и канделы. Материалы стенда знакомят со значением и достижениями метрологии (выставку посетили уже 8 миллионов человек).

В 2024 г. в рамках госпрограммы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» выполняется ряд опытно-конструкторских работ. ОКР «Суверенитет» включает в себя разработку и выпуск нового комплекса стандартных образцов для обеспечения единства измерений по приоритетным направлениям в целях технологического суверенитета Российской Федерации. В частности, выполняются 13 ОКР по развитию радиоэлектроники.

В целях совершенствования метрологической деятельности 14 февраля 2024 г. принят Федеральный закон №18-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об обеспечении единства измерений».

Изменения, которые должны вступить в силу с 1 марта 2025 г., предусматривают:

- расширение понятия *эталонная база Российской Федерации*;
- введение требований по применению стандартных справочных данных при измерениях;
- корректировку сферы государственного регулирования обеспечения единства измерений;
- корректировку целого ряда других положений закона.

Неотложной задачей является реализация изменения, связанного с созданием Метрологической службы Российской Федерации как государственной метрологической службы (внесено в Конституцию РФ по инициативе Метрологической академии). В течение года должно быть разработано положение об этой службе.

При участии Метрологической академии завершена разработка проекта новой Стратегии обеспечения единства измерений в РФ до 2035 г., главными направлениями которой являются обеспечение полного суверенитета всей измерительной базы России, разработка государственных первичных эталонов на основе новейших отечественных научно-технических достижений, развитие государственной метрологической службы и служб на предприятиях, совершенствование подготовки кадров для национальной системы измерений и обеспечения качества.

Важнейшим фактором экономической интеграции является стандартизация – она устанавливает нормы, правила и характеристики в целях обеспечения технической и информационной совместимости, безопасности и взаимозаменяемости продукции, экономии всех видов ресурсов и создаёт условия для успешного экономического сотрудничества. С каждым годом растёт роль стандартизации в решении задач социального развития и повышения качества жизни.

Среди приоритетных направлений развития стандартизации – её применение для выстраивания экономических отношений в интеграционных образованиях (СНГ, ЕАЭС, БРИКС, ШОС и др.). В странах СНГ развитие межгосударственной стандартизации (МГС) координируют соответствующие учреждения (рис. 3).

Сегодня в мире происходят серьёзные изменения в процессе распространения стандартов и освоения единых стандартов. Страны Евросоюза и другие недружественные государства отказались от прежней практики сотрудничества на этом направлении и строго следят за соблюдением авторских прав на новые стандарты, которые становятся для нас недоступными.

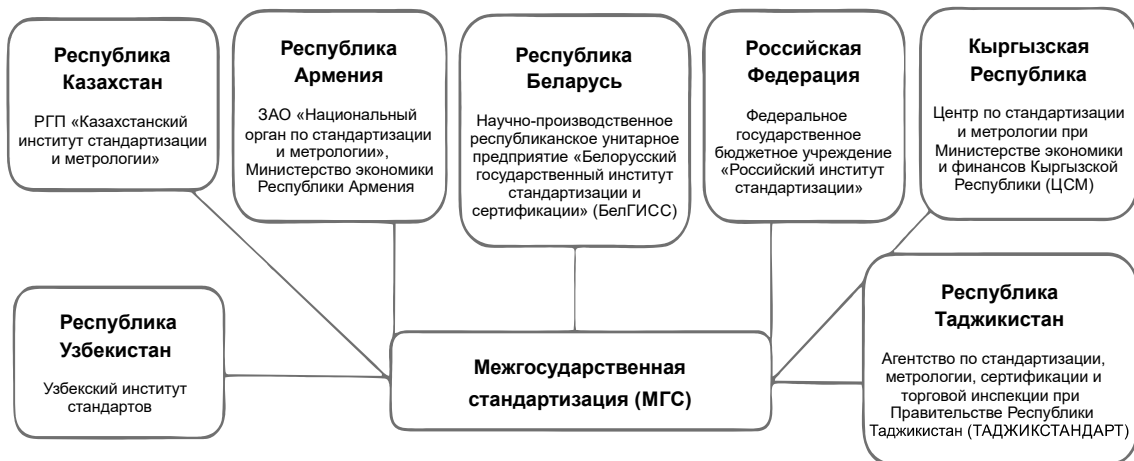

Рис. 3. Учреждения, координирующие развитие МГС в рамках СНГ

В ЕАЭС выстраивание общего экономического пространства идёт постепенно с учётом значительной разницы в структуре экономики входящих стран и имеющихся ресурсов. При этом все участники действуют на основе выполнения принятых решений, цель которых – обеспечить эффективную интеграцию экономики всех стран ЕАЭС и их успешное социальное развитие.

В этой ситуации особо ценными являются сотрудничество в разработке единых для ЕАЭС новых стандартов и защита интеллектуальной собственности. При этом важно, чтобы правовая основа опиралась на реализацию крупных интеграционных проектов.

Управление качеством, руководствуясь принципом «качество не имеет границ», является важнейшим элементом интеграционных процессов.

В условиях применения новейших цифровых технологий эти процессы получили ускорение не только в сфере производства. Методы управления качеством с помощью цифровизации всё активнее внедряются в развитие образования и здравоохранения, безопасность труда и быта, информационную и экологическую безопасность, социальную защиту и другие направления, обеспечивающие повышение качества жизни людей.

Согласно регулярно проводимым опросам во многих странах, люди, как правило, выделяют несколько главных моментов в оценке качества жизни. Это – состояние здоровья, связанное прежде всего с уровнем здравоохранения; экономическое благополучие, позволяющее удовлетворять свои потребности; возможность наиболее полной реализации своей личности, что во многом зависит от полученного образования и условий всестороннего развития.

На этих оценках базируются три основных показателя оценки качества жизни, которые используются в методике ООН, определяющей по странам индекс челове-

ского развития⁴: средняя продолжительность жизни, валовой национальный доход на душу населения и средняя продолжительность обучения.

По сравнению с 2022 г. Россия поднялась в этом рейтинге в 2023 г. на одну позицию и заняла 56 место. При этом по продолжительности обучения, характеризующей общее состояние системы образования, Россия занимала 29 место с показателем 15,7 года, по доходу на душу населения с учётом паритета покупательной способности – на 60 месте, а вот по ожидаемой продолжительности жизни (72,44 года) находилась на далёком 156 месте – между Молдовой и Суринамом⁵. Поэтому одной из центральных задач, прозвучавших в Послании Президента России Владимира Путина Федеральному собранию 29 февраля 2024 г., стало достижение в стране к 2030 г. средней ожидаемой продолжительности жизни на уровне 78 лет.

Интеграционные процессы активно развиваются и на региональном уровне. В последнее время укрепляется социально-экономическое взаимодействие Санкт-Петербурга с Ленинградской областью, особенно в условиях создания агломерации, основные вопросы развития которой обсуждались с участием Президента РФ в ходе празднования 80-летия окончательного снятия блокады Ленинграда.

В 2023 г. эти регионы обеспечили самые высокие за последние 12 лет темпы привлечения инвестиций (в Петербурге – более 10 %, в Ленобласти – 13 %), что наряду с реализацией крупных экономических проектов на стыке города и области позволило нарастить темпы жилищного строительства, развивать совместную транспортную и социальную инфраструктуру, зоны отдыха и туризма.

Экономическая активность способствовала росту привлечённого к реализации проектов населения с высоким уровнем оплаты труда и качества жизни. Численность населения Петербурга выросла за последние 10 лет на 11,4 % – с 5 млн 028 тыс. человек (2013 г.) до 5 млн 600 тыс. чел. (2023 г.). Население Ленинградской области за этот же период увеличилось на 16,2 % – с 1 млн 751 тыс. жителей (2013 г.) до 2 млн 034 тысяч (2023 г.). За этот же период население России в целом (с учётом Крыма и Севастополя, но без территорий Донбасса и Новороссии) выросло на 2,2 %.

Итоги 2023 г. показывают рекордный рост индекса промышленного производства в Санкт-Петербурге за последние 12 лет – он составил 109,9 %, что почти в три раза выше, чем в среднем по стране. Драйверы развития – автомобиле- и судостроение, электротехника, энергомашиностроение, электроника, приборостроение, нефтепереработка, химия, фармацевтика, туризм, т. е. те сферы, опережающее развитие которых было намечено в Стратегии социально-экономического развития города на период до 2035 г.

Практически все наиболее значимые для городской экономики отрасли росли опережающими темпами. Индекс обрабатывающих производств в целом составил 111,4 %, при этом индекс производства компьютеров, электронных и оптических изделий достиг 139,6 %, лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях, – 123 %. Рост налогооблагаемой базы позволил довести доходы бюджета Санкт-Петербурга до 1 трлн рублей, что благоприятно сказывается на социальном развитии города.

В соответствии со стратегией достигаются важнейшие социальные показатели. За последние 10 лет реальные доходы населения города увеличились на четверть.

⁴ Отчет о человеческом развитии за 2023–2024 гг. Программа развития Организации Объединенных Наций. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24>.

⁵ Там же.

По итогам 2023 г. продолжительность жизни в Петербурге составила 76,83 года – это один из лучших показателей в стране.

Эти результаты, достигнутые в условиях жёсткой политики санкций, особенно важны для Санкт-Петербурга, экономика которого прежде во многом зависела от внешних экономических связей со странами, выбравшими курс на свёртывание сотрудничества. Итоги 2023 г. и первых месяцев 2024 г. показывают, что переориентация предприятий города на новые экономические связи прошла успешно, а это определяет устойчивость его дальнейшего развития и повышения качества жизни петербуржцев.

Методология разработанного нашей научной школой направления «Экономика качества» позволяет осуществлять управление качеством жизни на всех уровнях экономического взаимодействия, применять фундаментальные научные исследования для формирования принципиально нового подхода к оценке качества жизни населения.

Метрология, стандартизация и управление качеством как элементы экономики качества необходимы на этапе обработки и анализа результатов моделирования, а также при выработке оптимальных управленческих решений. Стандартизация, опираясь на метрологию, способствует получению выверенных и сопоставимых оценок качества жизни для любого уровня экономики. Опираясь на данные оценками посредством методов управления качеством, можно сформировать условия для повышения качества жизни населения на любом уровне управления.

Созданная в Институте проблем региональной экономики РАН модель содержит сочетание требований к необходимому качеству жизни и возможностей выбора оптимальных способов удовлетворения этих требований. Благодаря этой модели органы власти любого уровня получают инструмент, с помощью которого могут выстраивать систему работы по повышению качества жизни населения, опираясь на объективные, поддающиеся точному измерению и оценке показатели.

Нами сформирована и зарегистрирована Роспатентом База данных «Качество жизни (База данных для построения модели качества жизни)» с закреплённым правом интеллектуальной собственности и получением патента. С применением суперкомпьютерных технологий проведено пилотное моделирование оценки качества жизни для регионов Российской Федерации. Его результаты опубликованы в 2023 г. в монографии «Научные решения сложных экономических и социальных задач с помощью суперкомпьютеров» [1], подготовленной совместно с научным руководителем Центрального экономико-математического института РАН академиком РАН В. Л. Макаровым и директором ЦЭМИ РАН членом-корреспондентом РАН А. Р. Бахтизиным. Монография стала лауреатом конкурса «Экономическая книга года-2023», проводимого ежегодно Вольным экономическим обществом.

Методика оценки и повышения качества жизни постоянно совершенствуется в условиях выполнения конкретных научных исследований. Так, в 2021 г. на основе гранта Санкт-Петербурга было осуществлено исследование «Моделирование оценки качества жизни населения Санкт-Петербурга с учётом стратегических приоритетов инновационного развития города» [2].

В настоящее время с применением гранта Российского научного фонда на 2023–2024 гг. реализуются фундаментальные исследования, связанные с моделированием и оценкой качества жизни населения Северо-Западного региона. Впервые для Северо-Запада выполнен комплексный анализ проблем качества жизни, пространственного развития агломераций, урбанизации и моделей взаимовлияния социально-экономических факторов, необходимый для оценки качества жизни населения Севе-

ро-Западного федерального округа и её дальнейшего применения в системе научно обоснованных управленческих решений в условиях больших вызовов [3].

При проведении исследований нами получены свидетельства о государственной регистрации баз данных, содержащих Таблицы пространственного распространения экономических ресурсов (на примере высокотехнологичных предприятий Ленинградской и Свердловской областей) [4–6].

Анализ таких баз данных может служить информационно-аналитической основой для определения степени влияния агломерационных процессов на города и регионы, для моделирования и оценки качества жизни населения. База данных может применяться при выборе стратегических ориентиров управления, а также при формировании критериев для оценки качества жизни в ходе стандартизации системы государственного управления регионами.

Таким образом, на уровне страны, федерального округа и субъектов Федерации разработаны и совершенствуются научно обоснованные критерии оценки качества жизни и предложены конкретные меры по его улучшению на основе применения созданной методики.

Методика, на наш взгляд, может стать эффективным рабочим инструментом при выборе стратегических ориентиров, подходов к планированию и управлению развитием городов, регионов и всей страны в условиях экономической интеграции.

Список литературы

1. Макаров, В. Л. Научные решения сложных экономических и социальных задач с помощью суперкомпьютеров / В. Л. Макаров, В. В. Окрепилов, А. Р. Бахтизин. – М.: ЛЕНАНД, 2023. – 416 с.

2. Окрепилов, В. В. О стратегическом обеспечении качества жизни в инновационной экономике Санкт-Петербурга / В. В. Окрепилов, Н. Л. Гагулина // РНЖ «Экономика и управление». – 2021. – № 27 (11). – С. 890–899. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-890-899>.

3. Окрепилов, В. В. Моделирование и оценка качества жизни в макрорегионах России на основе методологии экономики качества / В. В. Окрепилов, Н. Л. Гагулина // Пространственная экономика. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 170–186. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.4.170-186>.

4. БД Качество жизни (База данных для построения модели качества жизни). Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021622426. Российская Федерация / В. В. Окрепилов, А. Д. Шматко, Н. Л. Гагулина; заявитель и правообладатель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт проблем региональной экономики Российской академии наук». – № 20221622426; заявка № 2021622344 от 28.10.2021; опубл. 09.11.2021.

5. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620609. Российская Федерация. Таблицы пространственного распространения экономических ресурсов (на примере высокотехнологичных предприятий Свердловской области) : № 2024620293 : заявл. 31.01.2024 : опубл. 07.02.2024 / В. В. Окрепилов, Н. Л. Гагулина, Н. А. Рослякова ; заявитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт проблем региональной экономики Российской академии наук». EDN AOSTQO.

6. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620908. Российская Федерация. Таблицы пространственного распространения экономических ресурсов (на примере высокотехнологичных предприятий Ленинградской области) : № 2024620275: заявл. 31.01.2024: опубл. 28.02.2024 / В. В. Окрепилов, А. Д. Шматко, Н. Л. Гагулина, Н. А. Рослякова;

заявитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт проблем региональной экономики Российской академии наук». EDN SKRPVQ.

References

1. Makarov V. L., Okrepilov V. V., Bakhtizin A. R. Scientific solutions to complex economic and social problems using supercomputers. – M.: LENAND, 2023. – 416 p.

2. Okrepilov V. V., Gagulina N. L. O strategicheskom obespechenii kachestva zhizni v innovacionnoj e'konomike Sankt-Peterburga. RNZh E'konomika i upravlenie. 2021; 27(11): 890–899. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-890-899>.

3. Okrepilov V. V., Gagulina N. L. Modelirovanie i ocenka kachestva zhizni v makroregionax Rossii na osnove metodologii e'konomiki kachestva // Prostranstvennaya e'konomika. 2023. Tom 19. № 4. S. 170–186. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.4.170-186>.

4. BD Kachestvo zhizni (Baza danny'x dlya postroeniya modeli kachestva zhizni). Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii bazy' danny'x № 2021622426. Rossijskaya Federaciya / V. V. Okrepilov, A. D. Shmatko, N. L. Gagulina; zayavitel' i pravoobladatel' Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki «Institut problem regional'noj e'konomiki Rossijskoj akademii nauk». № 20221622426; zayavka № 2021622344 ot 28.10.2021; opubl. 09.11.2021.

5. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii bazy' danny'x № 2024620609 Rossijskaya Federaciya. Tablicy prostranstvennogo rasprostraneniya e'konomicheskix resursov (na primere vy'sokotekhnologichny'x predpriyatij Sverdlovskoj oblasti) : № 2024620293 : zayavl. 31.01.2024 : opubl. 07.02.2024 / V. V. Okrepilov, N. L. Gagulina, N. A. Roslyakova ; zayavitel' Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Institut problem regional'noj e'konomiki Rossijskoj akademii nauk. EDN AOSTQO.

6. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii bazy' danny'x № 2024620908 Rossijskaya Federaciya. Tablicy prostranstvennogo rasprostraneniya e'konomicheskix resursov (na primere vy'sokotekhnologichny'x predpriyatij Leningradskoj oblasti) : № 2024620275: zayavl. 31.01.2024 : opubl. 28.02.2024 / V. V. Okrepilov, A. D. Shmatko, N. L. Gagulina, N. A. Roslyakova ; zayavitel' Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Institut problem regional'noj e'konomiki Rossijskoj akademii nauk. EDN SKRPVQ.

V. V. Okrepilov⁶. Enhancing Mechanisms for Quality of Life Improvement in Conditions of Economic Integration. The role and significance of economics of quality and its main elements – metrology, standardization and quality management – in enhancing mechanisms for quality improvement in the process of economic integration is considered. The paper shows the economic and social effect of integration based on the example of the Saint Petersburg metropolitan area development. A unique methodology is presented that makes it possible to manage the quality of life at all levels of economic interaction, to apply fundamental scientific research to form a fundamentally new approach to assessing the quality of life of the population.

Keywords: economy of quality, metrology, standardization, quality management, quality of life.

---

⁶ *Vladimir V. Okrepilov*, Scientific Advisor of the Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences (38 Serpukhovskaya ul., Saint-Petersburg, 190013, Russia), Doctor of Economics, Professor, Academician of the RAS, e-mail: okrepilov@test-spb.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-54-64

А. Р. Бахтизин¹

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ^{2,3}

Рассмотрены вопросы переконфигурации мировой торговой системы, гибридного противостояния и национальной безопасности нашей страны. В процессе исследования в рамках проекта «Разработка программно-аналитического комплекса социально-экономических мультиагентных моделей на основе суперкомпьютерных технологий...» выполнен анализ работ зарубежных фирм в этой области, использующих различные модели. Сделан вывод о росте значимости макрорегиональных торговых блоков (США, ЕС, АСЕАН, возможно, БРИКС) при одновременной фрагментации мировой торговли. Согласно западным сценариям прекращения торговли между Россией и ЕС (1 – полное прекращение поставок энергоносителей из России; 2 – перенаправление газовых поставок в Китай), последствия для России будут более весомыми. Обозначены основные инструменты давления США на периферийные страны: экономические, информационные, биологические и военные. Сравнение интегральных показателей национальной силы для 193 стран, а также блоков (США и ЕС) и БРИКС (БРИКС+) показывает отсутствие однозначного доминирования, при этом главное место в интегральном индексе занимают экономические показатели, именно экономическая система подвержена серьёзным ударам. В таких условиях особое внимание следует обратить на денежно-кредитную политику (насколько политика ЦБ России направлена на сбалансированный экономический рост страны). Выявлена неоднозначность связей между увеличением инфляции и ростом экономики, поэтому ЦБ РФ не должен придерживаться строгого таргета и инфляции в 4 %, а ориентироваться на экономическое развитие и осуществить корректировку денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: национальная безопасность России, переконфигурация торговой системы, гибридные войны, фрагментация мировой торговли, рост значимости макрорегиональных торговых блоков, денежно-кредитная политика.

УДК 330.352

---

¹ Альберт Рауфович Бахтизин, директор Центрального экономико-математического института РАН (117418, РФ, Москва, Нахимовский пр., 47), д-р экон. наук, профессор, член-корр. РАН, e-mail: director@cemi.rssi.ru

² Исследование выполнено в рамках проекта «Разработка программно-аналитического комплекса социально-экономических мультиагентных моделей на основе суперкомпьютерных технологий для внедрения в ситуационных центрах страны с целью противодействия внешним угрозам и обеспечения национального суверенитета России».

³ Подготовлено по материалам доклада на IX Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2024) «Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: ноопход» (04–05 апреля 2024 года).

По результатам одного из последних исследований Всемирного банка зафиксированы реконфигурация глобальных цепочек и корректировка мирового товарооборота примерно на 450 млрд долларов. И хотя торговая война, инициированная США в 2018 г., достигла своей цели – сокращение торговли между США и Китаем, роль КНР в мировой торговле увеличилась.

Исследование «Рабочие места, национальная безопасность и будущее торговли»⁴, опубликованное Boston Consulting Group, содержащее результаты расчётов на модели глобальной торговли⁵, показало последствия реконфигурации торговых потоков к 2032 г. Прогнозируется, что ежегодный рост мировой торговли до 2032 г. в среднем составит 2,8 %. В 2032 г. (по сравнению с 2022 г.) произойдёт следующее:

- объём торговли в Северной Америке вырастет на 466 млрд долларов за счёт усиления связей между США, Мексикой и Канадой;
- объём торговли между странами в Юго-Восточной Азии вырастет на 1,2 трлн долларов (в Индии увеличится более чем на 390 млрд долларов);
- объём торговли между США и Китаем снизится на 197 млрд долларов, товарооборот России со странами ЕС упадёт на 222 млрд долларов, а торговля нашей страны с Китаем и Индией вырастет на 134 и 26 млрд долларов соответственно.

Предполагается, что в ближайшее десятилетие вырастет значимость макрорегиональных торговых блоков (Северная Америка, ЕС, АСЕАН и, возможно, БРИКС). Санкционный режим против России и Белоруссии сохранится до 2032 г., но не коснётся поставок критически важной продукции.

После начала СВО рядом стран был введён запрет на экспорт нефти из России, в результате поменялись торговые потоки. Евросоюз переключился на Норвегию, ОАЭ и США, что увеличило протяжённость маршрутов танкеров на 20 %. В то же время значительно возросли поставки российской нефти в Китай, Турцию и Индию.

Кильский институт мировой экономики⁶, один из влиятельных аналитических центров мира, раз в месяц оценивает торговые потоки между 75 ключевыми странами и регионами мира, охватывающими практически всю мировую торговлю. Разработанный алгоритм, использующий технологии искусственного интеллекта, оценивает движения судов приблизительно по 500 портам в режиме реального времени и позволяет рассчитывать индикатор «Индикатор торговли Килия»⁷, который характеризует динамику торговых потоков и имеет низкую статистическую погрешность. Последние значения этого индикатора, представленные в марте 2024 г., отражают последствия нападений хуситов на торговые суда в Красном море в декабре 2023 г. и показывают, что объём перевезённых контейнеров снизился более чем в два раза (с 500 тысяч контейнеров в день в ноябре до 200 тысяч в декабре). Как следствие стоимость фрахта значительно выросла: затраты на перевозку 40-футового контейнера между Китаем и Северной Европой подскочили с 1500 до более 4000 долларов, а время доставки грузов между Восточной Азией и Европой увеличилось до 20 дней.

Объём мировой торговли в декабре 2023 г. снизился на 1,3 % и сильнее всего – в странах ЕС (экспорт сократился на 2 %, а импорт – на 3,1 %). В свою очередь, объём

---

⁴ <https://www.bcg.com/publications/2024/jobs-national-security-and-future-of-trade>.

⁵ Модель разработана с участием Boston Consulting Group, UN Comtrade, Oxford Economics, IHS, WTO.

⁶ <https://www.ifw-kiel.de>.

⁷ <https://www.ifw-kiel.de/topics/international-trade/kiel-trade-indicator>.

ём торговли Китая, наоборот, увеличился: экспорт – на 1,3 %, импорт – на 3,1 %. Атаки на торговые пути негативно сказываются в первую очередь на США и европейских странах, в то время как у КНР и России показатели экспорта и импорта выросли.

Таким образом, фрагментация мировой торговли продолжается, хотя многие организации, поддерживающие идею глобализации, указывают на негативное влияние этого процесса на темпы экономического роста. Так, МВФ продолжает активно ратовать за возвращение к режиму свободной торговли, в начале текущего года он опубликовал два аналитических материала, посвящённых влиянию ограничительных мер в мировой торговле на ключевые макропоказатели ряда государств.

В первом материале «Выгоды международной торговли для досуга»⁸ обосновывается причинно-следственная связь между расширением торговых отношений среди стран и количеством свободного времени у работающих граждан по 45 государствам. С использованием математической модели, построенной на большом массиве данных с 1950 г., демонстрируется, что снижение торговых ограничений увеличивает свободное время среднестатистического работника от 19 до 91 часа в год, причём малые страны (Швейцария, Нидерланды и др.) оказываются в большем выигрыше, чем крупные экономики (США, Япония и т. д.). Исследование также показывает, что в закрытых системах работники задействованы в течение большего времени.

Помимо этого, специалисты МВФ рассчитали для 43 стран последствия перехода к режиму закрытой экономики (рис. 1), предполагающему минимальное взаимодействие с внешним миром и технологический суверенитет (иными словами – автаркию).

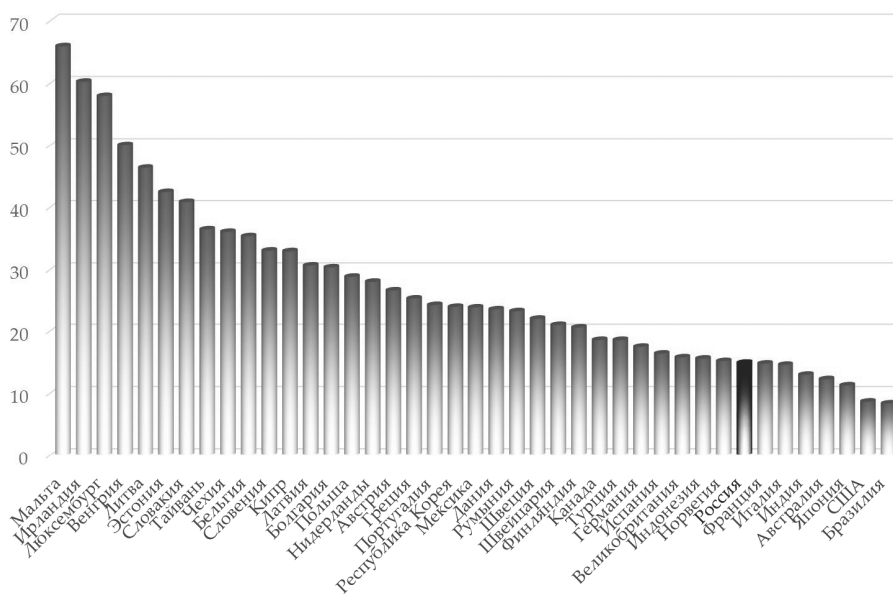

Рис. 1. Количество дополнительных часов в год для одного работника, необходимых для компенсации потерь дохода при переходе к автаркии

⁸ <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/01/19/The-Leisure-Gains-from-International-Trade-543871>.

Переход к автаркии (по сравнению с режимом свободной торговли, существовавшим в 2014 г.) привёл к ухудшению благосостояния населения (рис. 2). При этом Россия, Китай и США теряют гораздо меньше, чем страны ЕС с более открытыми экономическими системами. Неслучайно санкции коллективного Запада оказали существенно более негативное влияние на европейские государства, сильно встроенные в глобальные цепочки поставок.

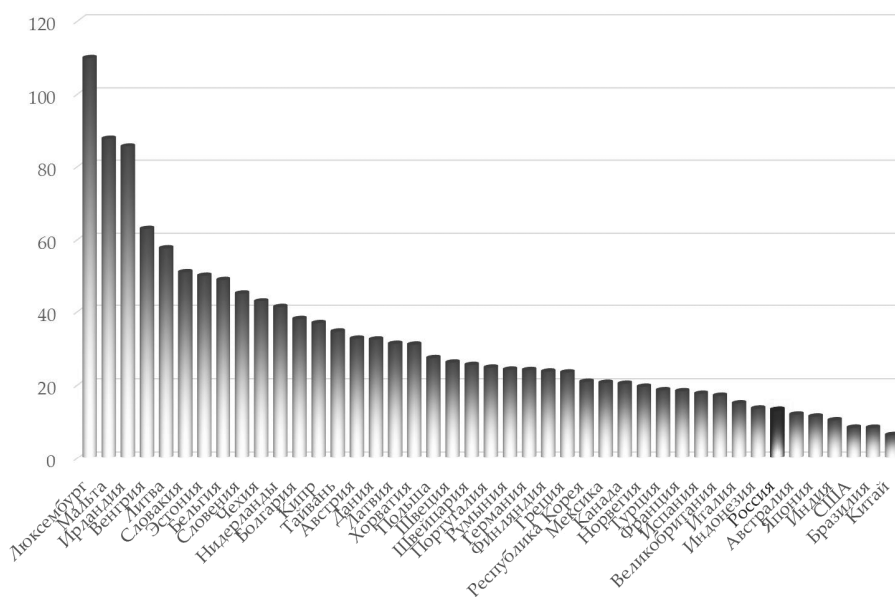

Рис. 2. Ухудшение благосостояния населения в результате перехода к автаркии, %

Во втором материале «Макроэкономические последствия импортных пошлин и неопределённость торговой политики»⁹ на примере США показывается, что отмена торговых ограничений приводит к дополнительному увеличению производства на 4 % в течение трёх лет.

В начале марта 2024 г. МВФ опубликовал материалы исследования «Среднесрочные макроэкономические последствия специальной военной операции России на Украине и их влияние на энергобезопасность и мировые целевые показатели в области выбросов»¹⁰, где оцениваются последствия нескольких сценариев прекращения торговли между Россией и странами ЕС. Военный конфликт воспринимается как поворотный момент, повлёкший нарушение торговых потоков и создающий риски для экономических систем стран ЕС, но одновременно открывающий возможности для ускоренного энергоперехода и снижения зависимости от поставок российских энергоносителей.

⁹ <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/01/19/The-Macroeconomic-Consequences-of-Import-Tariffs-and-Trade-Policy-Uncertainty-543877>.

¹⁰ <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/03/01/Medium-term-Macroeconomic-Effects-of-Russias-War-in-Ukraine-and-How-it-Affects-Energy-544043>.

Первый (базовый) сценарий предполагает полное прекращение поставок энергоносителей из России в страны ЕС к 2027 г. и увеличение импорта газа из США, Норвегии и Алжира.

Второй сценарий предусматривает перенаправление газовых поставок в Китай, что компенсирует для РФ потерю европейских рынков, в том числе за счёт ввода в эксплуатацию трубопровода «Сила Сибири-2», что, по оценке МВФ, увеличит экспорт газа в КНР на 300 %.

Результаты не удивляют – традиционно МВФ считает прекращение поставок энергоресурсов из России несущественным для ЕС и Великобритании фактором экономического роста, а вот для России последствия гораздо весомее, даже в случае перенаправления экспортных поставок на восток.

Говоря о глобальных сдвигах, обозначим основные инструменты давления США (одного из главных акторов мировой геополитики) на периферийные страны:

1. Экономические (сбор технологической ренты, установление невыгодного обменного курса, регулирование денежной массы посредством навязанной ДКП, содействие снижению оплаты труда, неэквивалентный товарный обмен, завышение процентных ставок, перенос производств с низкой добавленной стоимостью и др.).

2. Информационные (воздействие на зависимые страны через СМИ, составление ангажированных социально-экономических прогнозов).

3. Биологические (провоцирование различных заболеваний и раздувание этого процесса через СМИ с целью блокирования работы организаций здравоохранения и повышения уровня смертности).

4. Военные (провоцирование конфликтов с последующей продажей враждующим странам вооружений (зачастую устаревших), а также продовольствия, материалов и оборудования для послевоенного восстановления).

В этой связи имеет смысл определить потенциал России и выявить слабые места нашей страны, создающие угрозу национальной безопасности. В мире есть примеры комплексного оценивания стран мира по их совокупному потенциалу, позволяющему сравнить уровень национальной силы государств. К примеру, U.S. News Report ежегодно публикует рейтинг стран по уровню их мощи. И России здесь отводится довольно высокое место. Так, по уровню глобальной мощи наша страна занимает третье место после США и Китая, а по уровню военной мощи – первое место. Но альтернативные оценки значительно разнятся, например, Global Power Index ставит нас на 11-ю позицию.

В свою очередь мы, совместно с Институтом демографической политики им. Д. И. Менделеева и ФСО РФ, оцениваем индекс национальной силы по 193 странам мира с учётом широкого спектра показателей, свёрнутых в единый показатель с помощью методов многомерного статистического анализа¹¹.

Интегральные показатели демонстрируют, что наша страна занимает достаточно высокую позицию: четвёртое место среди стран – членов ООН. Индекс национальной силы 20 стран – мировых лидеров¹²: 1. Китай – 14,64; 2. США – 10,63; 3. Индия – 6,10; 4. **Россия – 5,68**; 5. Бразилия – 2,61; 6. Иран – 2,23; 7. Канада – 2,19; 8. Германия – 2,18; 9. Япония – 2,02; 10. Саудовская Аравия – 1,89; 11. Франция – 1,67; 12. Ав-

¹¹ <https://nationpowerindex.com>

¹² Расчёты Института демографической политики им. Д. И. Менделеева ЦЭМИ РАН и ФСО РФ.

стралия – 1,67; 13. Республика Корея – 1,61; 14. Индонезия – 1,57; 15. Великобритания – 1,37; 16. Италия – 1,21; 17. Венесуэла – 1,20; 18. Мексика – 1,15; 19. Пакистан – 1,12; 20. Турция – 1,00. Суммарное значение индекса по 193 странам = 100.

Как видим, противостояние США и ЕС и блока БРИКС (и БРИКС+) показывает паритет, поэтому говорить об однозначном доминировании западного блока не приходится. Посмотрим на интегральные показатели национальной силы по блокам стран (2024 г.): США+ЕС – 23,91; Китай+Россия – 20,32; БРИКС – 29,52; БРИКС+ – 35,64¹³.

Что важно? Рассчитывая показатели национальной силы, мы взвешивали факторы с использованием факторного анализа и модифицированного метода главных компонент, что позволило оценить вклад той или иной группы показателей в интегральный индекс (рис. 3). Главная группа здесь – экономические показатели, и во время гибридных войн именно по экономической системе будут наносить серьёзные удары наши геополитические оппоненты.

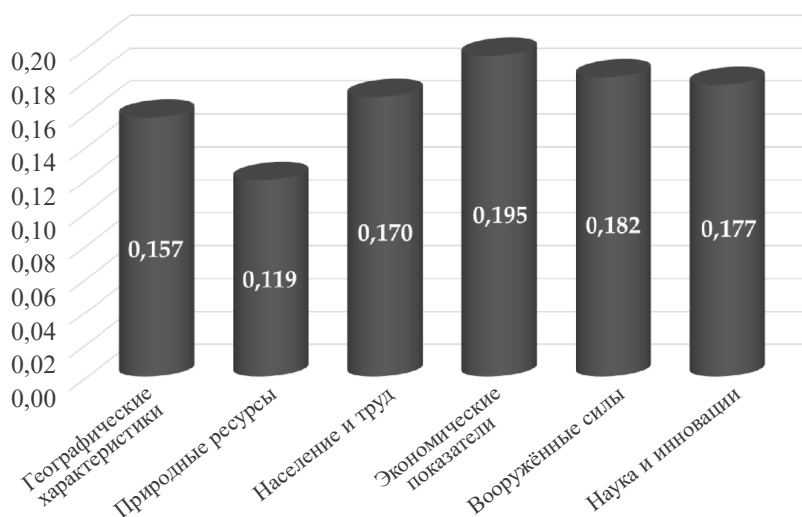

Рис. 3. Весовые коэффициенты для шести групп показателей (расчёты Института демографической политики им. Д. И. Менделеева, ЦЭМИ РАН и ФСО РФ)

Отмечу, что денежно-кредитная политика (ДКП), осуществляемая ЦБ РФ, вызывает наибольшую обеспокоенность в условиях межстранового противодействия. Сошлюсь на несколько исследований.

Федеральный резервный банк Сан-Франциско в своём исследовании «*Есть ли у денежно-кредитной политики долгосрочные последствия?*»¹⁴ выявил долгосрочный эффект ДКП. Как правило, денежные власти рассматривают её как средство краткосрочного воздействия на экономику с целью смягчения спадов и достижения сбалан-

¹³ Расчёты Института демографической политики им. Д. И. Менделеева ЦЭМИ РАН и ФСО РФ.

¹⁴ <https://www.frbsf.org/economic-research/publications/economic-letter/2023/september/does-monetary-policy-have-long-run-effects>.

сированного роста. Работники банка, используя длинные ряды данных (с 1900 г.) по многим странам, показали, что ДКП может влиять на долгосрочную траекторию экономического развития. К примеру, согласно проведённому анализу, жёсткая денежная политика негативно влияет на объём производства даже через десятилетия.

Высокие процентные ставки ужесточают условия кредитования, замедляют экономическую активность, способствуют сокращению инвестиций в сектор НИОКР, негативно влияют на рынок труда, в долгосрочной перспективе обесценивают человеческий потенциал и снижают общий уровень квалификации в экономике. Расчёты показали, что в среднем повышение процентных ставок на 1 % через труд, инвестиции и совокупную факторную производительность влияет на реальный ВВП, снижая его объём в среднем на 5 % за 12 лет.

Впору задуматься – насколько политика ЦБ РФ направлена на сбалансированный экономический рост нашей страны?

Одна из ключевых доктринальных установок МВФ, транслируемая по 190 странам, присоединившимся к фонду, заключается в необходимости таргетирования инфляции для обеспечения ценовой стабильности и сохранения сбалансированного роста экономики. Как известно, для России определена инфляция на уровне 4 %. Основным инструментом для её достижения является изменение ключевой ставки процента, при увеличении которой подавляется экономический рост.

Более принципиальный вопрос, который до сих пор не имеет однозначного ответа: а есть ли связь между инфляцией и экономическим ростом? В далёком прошлом (1959 г.) тот же МВФ в своих установках был менее настойчив и опубликовал исследование «Взаимосвязь инфляции и экономического развития: статистическое индуктивное исследование»¹⁵. В нём отмечалось, что по имеющимся данным для разных стран однозначно выявить положительную или отрицательную связь между инфляцией и экономическим ростом невозможно.

Исследований, посвящённых оценке влияния инфляции на экономический рост, очень много, но результаты неоднозначны в силу различия первоначальных гипотез. При этом в большинстве из них признаётся проблема идентификации такой зависимости. В отдельных случаях отмечается, что инфляция может иметь не только отрицательное, но и положительное влияние на экономику¹⁶.

Всемирный банк в текущем году опубликовал результаты оценки связи между увеличением инфляции и экономическим ростом¹⁷. Признавая проблему выявления такой зависимости, он предлагает следующую гипотезу: рост цен приводит к потерям банковского сектора, что ведёт к сокращению кредитования и, в конечном счёте, снижению экономической активности и роста. С другой стороны, чем длиннее причинно-следственная цепочка, тем больше других факторов, которые могут оказывать влияние на конечный показатель.

Мы продемонстрируем неоднозначность этой связи. Для анализа нами отобраны данные по индексу потребительских цен и темпам экономического роста для 193 стран – членов ООН за 2000–2022 гг. Рассмотрим значения коэффициентов кор-

¹⁵ <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/024/1959/002/article-A007-en.xml>.

¹⁶ <https://www.economicsonline.co.uk/all/the-relationship-between-inflation-and-economic-growth.html/>.

¹⁷ <https://blogs.worldbank.org/allaboutfinance/exploring-link-between-rising-inflation-and-economic-growth-role-banking-sector>.

реляции между этими показателями для всех государств (рис. 4). Облако из 193 точек показывает, что однозначной закономерности нет, следовательно, общие рекомендации МВФ для всего мира не подходят. Более того, если не обращать внимание на низкое значение коэффициента для России, то связь получилась положительной – значит, чем выше инфляция, тем выше экономический рост.

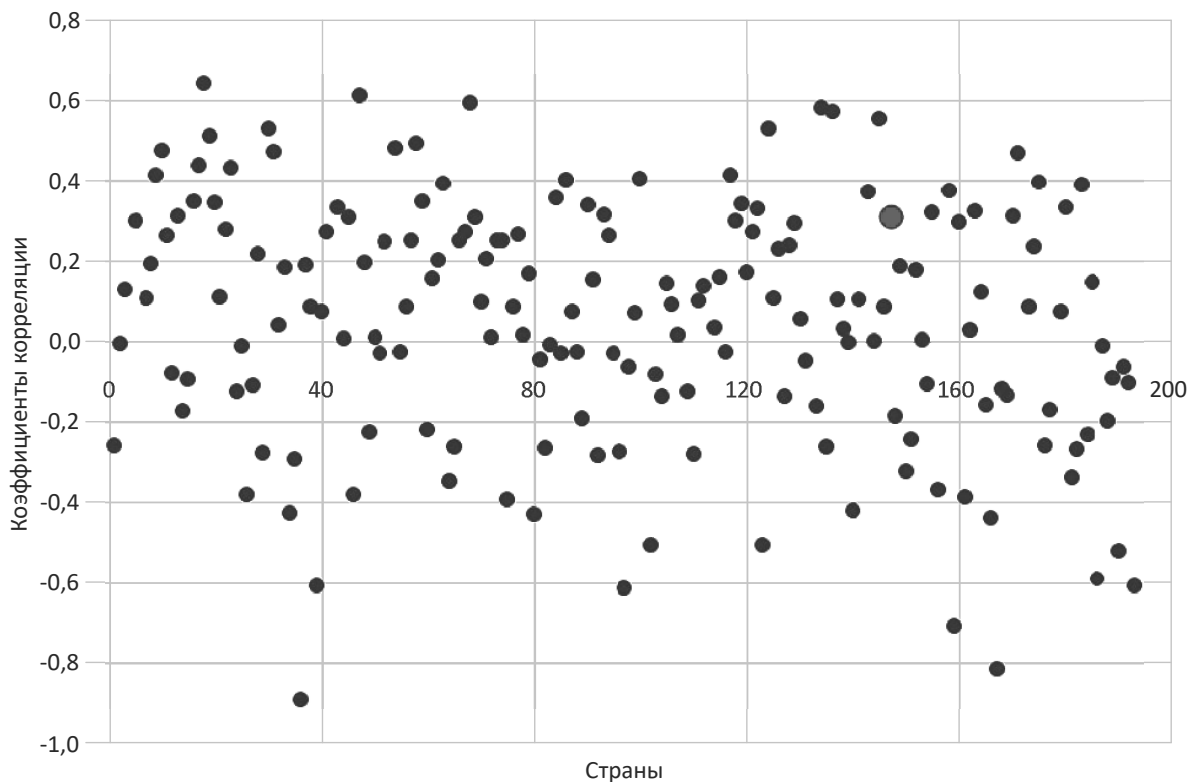

Рис. 4. Коэффициенты корреляции между индексами потребительских цен и темпами экономического роста для 193 стран за период 2000–2022 гг.

Далее рассмотрим только страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которых, согласно уставу, реализованы принципы свободной рыночной экономики, т. е. предполагается, что доктринальная установка МВФ, ориентированная на свободные рыночные отношения, должна себя проявить. Таким образом проведём анализ для 38 государств и на более подробных квартальных данных – за период с I кв. 2000 по III кв. 2023 г. (рис. 5). Обратим внимание: заметной связи также не выявлено, тем не менее, чем длиннее временной лаг, тем заметнее облако точек сдвигается в сторону отрицательных значений. Отсюда можно сделать вывод о некотором подтверждении сформулированной выше гипотезы Всемирного банка, но сами значения коэффициентов корреляции настолько малы, что говорить о наличии связи не приходится.

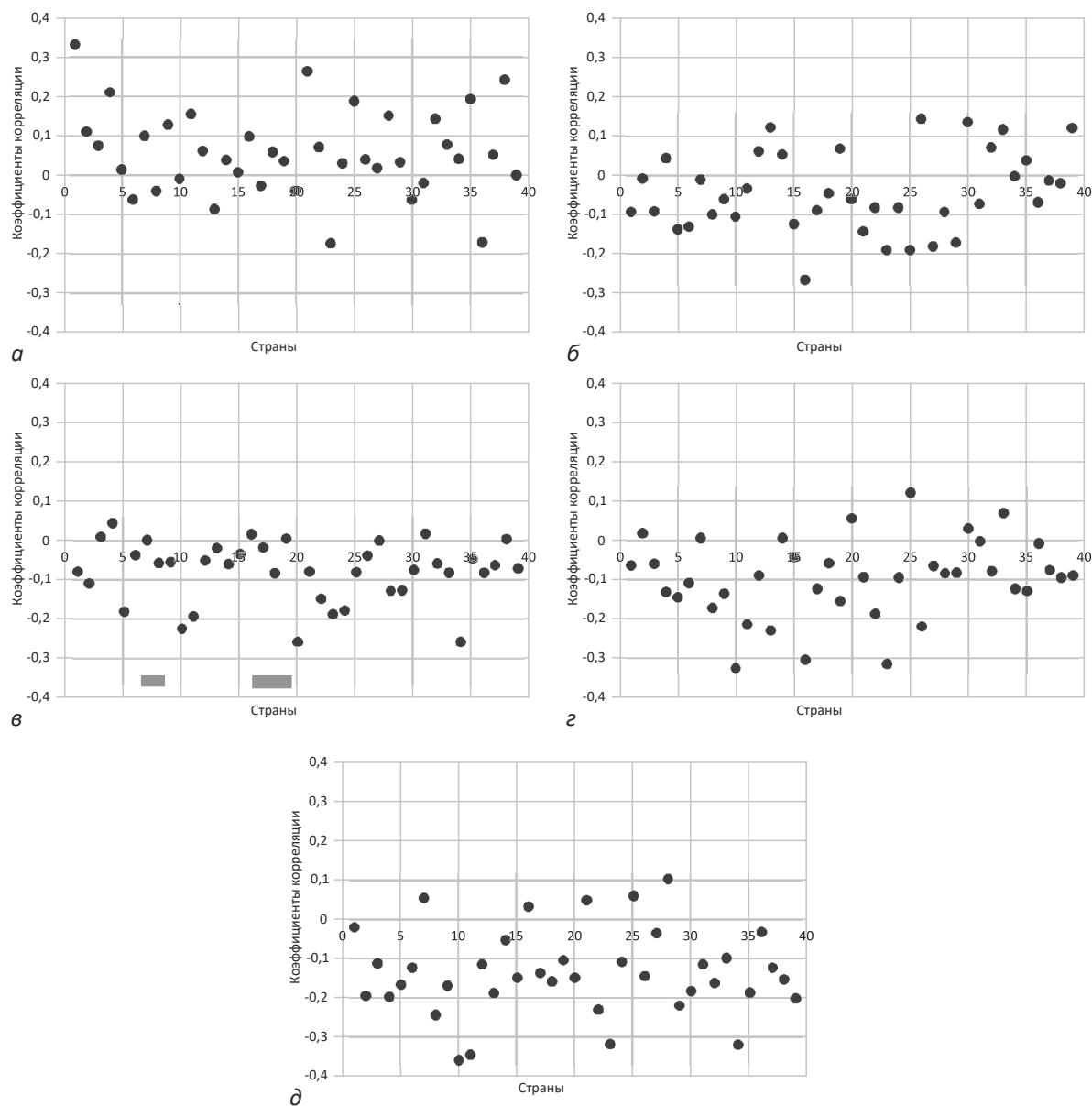

Рис. 5. Коэффициенты корреляции между индексами потребительских цен и темпами экономического роста для стран ОЭСР, рассчитанные по квартальным данным: а – без учёта временного лага; б – с временным лагом в один квартал; в – с временным лагом в два квартала; г – с временным лагом в три квартала; д – с временным лагом в четыре квартала

Вполне вероятно, что ЦБ РФ продолжит держать высокую ключевую ставку в рамках концепции таргетирования инфляции, что снизит темпы роста экономики. В этой связи сошлёмся на исследование МВФ о негативном влиянии повышения ключевой ставки на рост ВВП. Так, в материале «Денежно-кредитная политика и гендерный раз-

рыв на рынке труда»¹⁸ сокращение ВВП признается *хрестоматийным* и указывается, что увеличение ставки процента на 100 базисных пунктов влечёт за собой усреднённое (по 22 анализируемым странам) снижение ВВП на 0,4 процентных пункта.

С учётом сказанного представляется, что российский ЦБ не должен придерживаться такого строгого таргета и необоснованной инфляции в 4 %, а ориентироваться в большей степени на экономическое развитие.

16 апреля текущего года МВФ обновил свой флагманский продукт – Перспективы мировой экономики¹⁹, в котором актуализировал прогнозы экономического роста по странам мира (табл. 3). По мнению экспертов фонда, геэкономическая фрагментация усиливается, что негативно влияет на перемещение капитала, обмен технологиями; способствует сокращению прямых иностранных инвестиций, снижению объёмов межстрановой торговли и усилению ценовой волатильности сырьевых товаров.

Обращает на себя внимание пересмотр темпов роста ВВП (по сравнению с предыдущим прогнозом от октября 2023 г.) в сторону увеличения: для России – с 1,05 до 3,16 %, Китая – с 4,16 до 4,64 %, Индии – с 6,29 до 6,81 % и США – с 1,48 до 2,73 %. Вместе с этим для крупнейших экономик ЕС темпы роста ВВП были пересмотрены в противоположную сторону, причём для Германии рост в 2024 г. обещают на уровне «статистического шума» (0,15 %). Таким образом, новые полюса силы в азиатском регионе, США и Россия в преобразующемся многополярном мире будут расти, в том числе за счёт ослабления Европы.

Таблица 3

Прогноз роста ВВП по некоторым странам мира на 2024 г.²⁰

Страна	От 10.10.2023	От 16.04.2024
Китай	4,16	4,64
США	1,48	2,73
Россия	1,05	3,16
Индия	6,29	6,81
Чехия	2,29	0,66
Швейцария	1,80	1,34
Франция	1,35	0,74
Германия	0,92	0,15
Финляндия	1,05	0,42
Нидерланды	1,15	0,63

¹⁸ <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/09/29/Monetary-Policy-and-Labor-Market-Gender-Gaps-539650>.

¹⁹ <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/04/16/world-economic-outlook-april-2024>.

²⁰ <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023>; <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/04/16/world-economic-outlook-april-2024>

В этой связи непонятны мотивы ЦБ, которые обозначаются в пресс-релизах. Денежный регулятор планирует снижать темп прироста денежной массы при высокой ключевой ставке, а его прогнозы свидетельствуют о неверии в возможность экономического роста в нашей стране, причём даже в сравнении с прогнозами наших геополитических оппонентов. Так, в феврале 2024 г. Центральный банк опубликовал диапазон роста ВВП России на 2024–2025 гг. в пределах 1...2 %, а МВФ оказался гораздо более оптимистичным и предполагает рост на 3,2 %.

Мы в ЦЭМИ РАН неоднократно приводили расчёты, показывающие, что потенциал нашей страны позволяет расти на 5...7 % ежегодно в течение длительного периода. Хотелось бы рассчитывать на корректировку денежно-кредитной политики, способствующую достижению таких значений, которые не являются запредельными (достаточно посмотреть рост КНР, Индии, Вьетнама и др.).

A. R. Bakhtizin²¹. **Hybrid Wars and Russian National Security.** In this paper the author analyzes the issues of reconfiguring the world trading system, hybrid confrontation and national security of Russia. During the research process as part of the project “Development of a software-analytical complex of socio-economic multi-agent models based on supercomputer technologies...”, an analysis of the work of several foreign companies in this field using various models was carried out. A conclusion is drawn about the growing importance of macro-regional trading blocs (USA, EU, ASEAN, possibly BRICS) with the simultaneous fragmentation of world trade. According to Western scenarios enabling discontinuation of trade between Russia and the EU (1 – complete cessation of energy supplies from Russia; 2 – redirection of gas supplies to China), the repercussions for Russia will be far more dramatic. The main tools of US pressure on peripheral countries are identified: economic, informational, biological and military tools. A comparison of integral indicators of national strength for 193 countries, as well as blocs (USA and EU) and BRICS (BRICS+) shows the absence of overwhelming dominance, while the main place in the integral index is occupied by economic indicators; it is the economic system that is subject to serious blows. Under such conditions, particular attention should be drawn to monetary policy (i.e. the extent to which the policy of the Central Bank of Russia is focused on balanced economic growth of the country). The ambiguity of the relationship between increased inflation and economic growth has been revealed, therefore the Central Bank of the Russian Federation should not adhere to a strict inflation target of 4%, but focus on economic development and adjust monetary policy.

Keywords: national security of Russia, reconfiguration of the trading system, hybrid warfare, fragmentation of world trade, growing importance of macro-regional trading blocs, monetary policy.

---

²¹ *Albert R. Bakhtizin*, Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of RAS (Nakhimovsky pr. 47, Moscow, 117418, Russia), Dr. of Sc. (Econ.), Professor, Corresponding Member of RAS, e-mail: director@cemi.rssi.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-65-72

В. В. Иванов¹, Д. П. Сазонова²

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ³

В мире происходит процесс формирования нового мирохозяйственного уклада (МХУ) как глобальной системы функционирования природных, социальных экономических и технологических систем. В формирующемся МХУ лидирующие позиции займут страны с наиболее развитым научно-технологическим комплексом, ориентированным на повышение качества жизни. Создание единого научно-технологического пространства ЕАЭС (НТП ЕАЭС) будет содействовать расширению сотрудничества в сфере науки, технологий, инноваций. Первым шагом к созданию НТП ЕАЭС может стать разработка совместной программы фундаментальных исследований.

Ключевые слова: индустриальные революции, глобализация, технологические мегарегионы, полный инновационный цикл, единое научно-технологическое пространство.

УДК 330.352

Научно-технологический прогресс является ключевым фактором, обеспечивающим формирование общественно-экономических отношений, повышение качества жизни, культурные трансформации, формирование новой среды обитания и нового мирохозяйственного уклада [1–5].

Научно-технологический прогресс возможен благодаря результатам фундаментальных научных исследований, позволяющих выявить ранее неизвестные закономерности развития Природы, Человека и Общества. На этой основе создаются качественно новые технологии и виды продукции, обеспечивающие жизнедеятельность человека, повышающие качество жизни. Как правило, новые технологии являются исключительно результатом человеческой деятельности и в природе не встречаются.

Номенклатура новой продукции постоянно расширяется. При этом не всегда обеспечивается необходимый уровень контроля её качества, что создаёт высокие риски её негативного влияния на развитие человека и общества в целом. Это наглядно иллюстрируется крупными техногенными катастрофами [6, 7].

---

¹ *Владимир Викторович Иванов*, руководитель Информационно-аналитического центра «Наука» РАН (119991, РФ, Москва, Ленинский пр., 14), заместитель президента РАН, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, e-mail: vivanov07@yandex.ru

² *Диана Петровна Сазонова*, главный специалист Информационно-аналитического центра «Наука» РАН (119991, РФ, Москва, Ленинский пр., 14), канд. полит. наук, e-mail: sazdana@yandex.ru

³ Подготовлено по материалам доклада на IX Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2024) «Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: но-оподход» (04–05 апреля 2024 года).

Одним из важнейших последствий НТП является трансформация среды обитания человека. Рассматривая проблему формирования новой среды обитания, обратим особое внимание на культуру. Появление новых технологий требует соответствующих культурных трансформаций, поскольку культурно-технологический разрыв однозначно ведёт к крупным техногенным катастрофам. В основе каждой такой катастрофы лежит человеческий фактор.

Иначе говоря, культура является неотъемлемым элементом среды обитания человека, что отмечал академик Д. С. Лихачёв: «...экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы» [8].

Собственно научно-технологическое развитие подчиняется действию следующих законов [9]:

1. Коммерческая ценность результатов фундаментальных научных исследований постоянно повышается.

2. Стоимость технологий и наукоёмкой продукции постоянно снижается.

3. Технологии не могут противоречить законам природы.

4. Распространение знаний и технологий не имеет границ.

В настоящее время нет единой теории глобальных трансформаций. Однако можно сформулировать, по крайней мере, три подхода:

1. *Теория постиндустриального общества Д. Белла*, согласно которой в результате научно-технологического развития происходит замена индустриального труда на интеллектуальный. При этом отмечается, что «в постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки. Поэтому характер и формы государственной поддержки науки, её политизация, социологические проблемы организации научных исследований заняли центральное место среди политических проблем постиндустриального общества» [1].

2. *Неокапитализм* как результат четвёртой промышленной революции [4], согласно которой на базе цифровых технологий будет создана новая технологическая база управления и производства при доминирующей роли бизнеса. При этом особо отмечается, что «мир больше не будет прежним, капитализм примет иную форму, крупнейшие транснациональные компании возьмут на себя больше социальной ответственности, они будут активнее участвовать в общественной жизни и нести ответственность ради общего блага. Если демократия и глобализация будут расширяться, то национальному государству места не останется» [10].

3. *Гуманитарно-технологическая революция* [11–13]. Её суть заключается в том, что в результате научно-технологического развития формируется новая среда обитания человека, которая должна рассматриваться как система «природа – технология – информация – культура». При этом будет развиваться синергетическое взаимодействие государства и бизнеса.

В основе всех трёх теорий лежит понятие технологического развития, и есть основания утверждать, что мир вступает в новую эпоху глобализации – технологическую: Глобализация 4.0t, основу которой составляют фундаментальные законы развития природы, человека и общества. Новый мирохозяйственный уклад (МХУ) будет выглядеть примерно так: технологическая глобализация, политическая многополярность, дружелюбная среда обитания.

В перспективном МХУ лидирующие позиции займут государства с наиболее развитым высокотехнологичным комплексом, ориентированным на повышение качества жизни. Именно эти государства сформируют контур нового мирового уклада и систему международных отношений.

Современные тенденции мирового развития характеризуются повышением конкурентной борьбы не только между отдельными странами, но и между мегаэкономическими регионами, конкурентоспособность которых определяется уровнем развития собственного научно-технологического потенциала, а также способностью привлекать для развития внешние ресурсы. Такие глобальные научно-технологические регионы формируются на территориях Америки, Европы, Юго-Восточной Азии и на пространстве СНГ.

Сегодня глобальным технологическим лидером являются США, обладающие крупнейшим научно-техническим потенциалом, позволяющим проводить широкий спектр фундаментальных исследований, разрабатывать новые технологии и выпускать наукоёмкую продукцию. При этом США привлекают внешние ресурсы и высококвалифицированных специалистов из других стран. Страны – члены ЕС также проводят курс на построение интегрированной конкурентоспособной, инновационно ориентированной экономики. И в США, и в ЕС особое внимание уделяют фундаментальной науке как основному элементу реализации долгосрочных целей национального развития.

Научно-технологический прогресс создал предпосылки для интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии. Особенность данного региона в том, что расположенные здесь государства находятся на разных уровнях экономического и технологического развития.

Одним из ключевых вопросов развития прикладной науки является финансирование научных исследований. Страны Запада производят более 50 % мирового ВВП и выполняют примерно 60 % мировых НИОКР. Активно работает Китай, который планирует до 2025 г. направить порядка 1,4 трлн долларов на развитие технологий [14].

Однако даже самые крупные и развитые страны не в состоянии дать полноценный ответ на все возникающие угрозы. Требуется объединение усилий государств, экономических субъектов для выработки согласованной модели будущего, которая станет императивом мирового развития в стратегической перспективе.

Совместные международные исследования — один из фундаментов эффективного прогресса заинтересованных сторон. Современную науку невозможно развивать в границах одной страны. Российская академия наук продолжает укреплять межгосударственные научные связи со странами, готовыми к диалогу. Необходимо отметить Пекинскую декларацию, касающуюся вопросов научно-технического взаимодействия, которая была подписана в ноябре 2016 г. представителями более 20 стран.

Евразия – один из центров мирового развития, в котором сосредоточен мощнейший экономический, технологический, энергетический, транспортный потенциал. В рамках развивающегося региона с растущими экономиками возникает необходимость кооперироваться для решения как национальных, так и общих задач. Речь идёт прежде всего о сопряжении национальных стратегий развития.

Абсолютный объём взаимной торговли государств – членом Союза увеличился на 60 % и в 2022 г. достиг исторического максимума в 73,1 млрд долларов. Объём внешней торговли вырос на 46 % – до 846,3 млрд долларов. При этом с каждым годом во внутреннем торговом обороте Союза повышается доля несырьевых товаров с высокой до-

бавленной стоимостью. Прирост совокупного ВВП в расчёте на душу населения составил 28,7 %, а доля платежей в национальных валютах приблизилась к 75 %⁴.

В 2018 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин сформулировал задачу разработки совместной программы научно-технологического развития ЕАЭС. В этом направлении руководством Евразийской экономической комиссии была проведена большая работа, в которой приняла участие Российская академия наук.

В Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. предусмотрено объединение усилий для стимулирования совместных научно-исследовательских работ.

В качестве одного из основных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 г. определено инновационное развитие и модернизация экономики. В Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза в качестве ключевого направления принято формирование территории инноваций и стимулирование научно-технических прорывов; разрабатывается Межгосударственная программа научно-технического развития Евразийского экономического союза на долгосрочный период.

Цель программы – содействие трансформации ЕАЭС в прогрессивное научно-техническое и инновационное пространство за счёт объединения совместных усилий государств-членов по развитию научно-исследовательской деятельности и повышения наукоёмкости национальных экономик. Выполнение программы будет способствовать формированию эффективной системы сотрудничества в сфере науки и технологий, проведению совместных научно-исследовательских работ, обеспечению свободного и широкого обмена научно-технической информацией, углублению взаимодействия между научными организациями государств-членов, практическому внедрению результатов научно-технической деятельности, сбалансированному пространственному развитию.

Проведение скоординированной политики в области развития науки и формирования единого научно-технологического пространства (НТП) государств – членов ЕАЭС является актуальной задачей. Первым шагом к созданию единого НТП ЕАЭС могла бы стать разработка и реализация совместной программы фундаментальных научных исследований. Научные организации и институты под научно-методическим руководством РАН предлагают совместные проекты сотрудничества в соответствии с приоритетными направлениями научно-технического развития ЕАЭС, а именно:

- I. Информационно-коммуникационные технологии.
- II. Биотехнологии, фармакология и медицина.
- III. Перспективные технологии машиностроения и применение цифровых платформенных решений для организации производства.
- IV. Новые материалы.
- V. Новые технологии в сельском хозяйстве.
- VI. Технологии добывающих отраслей (включая энергетические полезные ископаемые и металлы).

---

⁴ Обращение Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Президента Российской Федерации Владимира Путина к главам государств – членов ЕАЭС по случаю председательства России в органах Союза в 2023 г. 23.01.2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/obrashchenie-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-vladimira-putina-k-glavam-gosudarstv-chlenov-eaes-po-s>.

При разработке программы необходимо руководствоваться следующими принципами:

- единство требований для исполнителей фундаментальных научных исследований с учётом специфики отдельных отраслей науки;
- ресурсная обеспеченность (соответствие финансового, материально-технического и кадрового обеспечения уровню научных задач);
- охват фундаментальных исследований – от естественных до гуманитарных наук, от монодисциплинарных до междисциплинарных форм исследований на всех этапах;
- свобода научного творчества;
- самостоятельность в выборе методов и средств реализации научных проектов, исследований и разработок;
- соответствие квалификации исполнителей уровню поставленных задач.

Важно расширить практики межакадемических обменов как форму академической мобильности, которая предусматривает эквивалентный обмен равными количествами специалистов.

Особенностью международного научного и технического сотрудничества, научных коммуникаций является то, что они сохраняются, действуют и могут развиваться в условиях чрезвычайного обострения политических отношений между странами, свёртывания других областей сотрудничества, в отсутствие других средств сближения на официальном уровне.

В современных условиях санкционных ограничений возрастают роль и значение научной дипломатии. Кризис политических отношений между Россией и Западом, а также новые глобальные вызовы, как и во времена «холодной войны», актуализировали запрос на привлечение учёных к активизации международных отношений. Отношения и налаженные связи по обмену опытом между учёными являются связующим звеном в межгосударственном сотрудничестве. Национальные академии, национальные и региональные научно-исследовательские организации становятся важной силой, способной поддержать развитие, и должны играть ведущую роль.

Немаловажную роль в развитии научно-технического сотрудничества в ЕАЭС играет формирование общего образовательного пространства. Сотрудничество в сфере профессионального образования предусмотрено Стратегией ЕАЭС до 2025 г. В качестве механизма предлагается проведение конкурсов среди национальных университетов и ведущих образовательных институтов ЕАЭС. Университеты-победители получают субсидии на реализацию программ межстрановой академической мобильности в форме стажировок, повышения квалификации, профессиональной переподготовки и на реализацию мер по совершенствованию деятельности аспирантуры и докторантуры.

Кроме того, необходимо привлечение студентов из ведущих университетов и проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям исследований на своей базе, в том числе совместно с высокотехнологичными международными компаниями. Привлечение до 5 % студентов из стран ЕАЭС не менее чем на месяц может быть предусмотрено в разработанном плане развития университетов ЕАЭС, которые объединены под эгидой Евразийской ассоциации университетов.

В сфере повышения квалификации исследователей на повестке дня – формирование единого научно-образовательного пространства в интересах укрепления общего рынка трудовых ресурсов, обеспеченного квалифицированными специалистами пространства ЕАЭС. Представляется, что в этом контексте наиболее эффек-

тивной стратегией была бы гармонизация образовательных систем на основе конвергенции лучших элементов образовательных программ, национальных моделей и адаптированных практик предыдущих лет. В качестве конкретных мероприятий можно предложить:

- проведение конкурсов среди национальных университетов и ведущих образовательных институтов ЕАЭС;
- гармонизацию образовательных систем;
- привлечение студентов из ведущих университетов, проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям исследований;
- программы межстрановой академической мобильности;
- стажировки, повышение квалификации, профессиональная переподготовка;
- совершенствование деятельности аспирантуры и докторантуры.

Первым шагом в этом направлении может стать принятие декларации ЕАЭС (правительств и национальных академий наук стран – членов ЕАЭС) о формировании единого научно-технологического, информационного, инновационного, образовательного пространства. Такая декларация может стать основой для разработки документов стратегического планирования, конкретных программ и проектов.

Формирование единого научно-технологического пространства в рамках ЕАЭС является первым шагом в формировании нового научно-технологического мега-региона. В перспективе этот процесс может быть распространён на пространство БРИКС и ШОС.

Список литературы

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. – М.: Academia, 1999.
2. Глазьев, С. Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия – США – Китай. Семь вариантов обозримого будущего / С. Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2017.
3. Иванов, В. В. Инновационная парадигма XXI / В. В. Иванов. – 2-е изд. – М.: Наука, 2015.
4. Рифкин, Д. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Д. Рифкин; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Альпина нонфикшн, 2015.
5. Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Издательство «Э», 2017.
6. Мун, Д. В. От «Титаника» до «Фукусимы»: алгоритмы техногенных катастроф / Д. В. Мун, В. В. Попета, А. В. Попета, П. Е. Смолков. – 2-е изд. – М.: Библио-Глобус, 2016.
7. Введение в ядерные энерготехнологии / М. В. Рачков, Л. А. Лебедев, В. В. Иванов; под ред. В. И. Рачкова. – М.: Наука, 2015.
8. Лихачёв, Д. С. Экология культуры / Д. С. Лихачёв // Москва. – 1979. – №7. – С. 173–179.
9. Иванов, В. В. Развитие фундаментальных институтов глобализации / В. В. Иванов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 223, №3. – С. 123–134.
10. Шваб, К. COVID-19: Великая перезагрузка / К. Шваб, Т. Маллере // URL: <https://www.litlib.net/bk/135579/read> (Schwab, N. D. Klaus, Malleret, Thierry, COVID-19: The Great Reset, Russian Translation).

11. Иванов, В. В. Глобальная гуманитарно-технологическая революция / В. В. Иванов // *Инновации*. – 2017. – №6. – С. 11–16.

12. Иванов, В. В. Философские основания гуманитарно-технологической революции / В. В. Иванов, Г. Г. Малинецкий // *Философские науки*. – 2019. – № 4 (62). – С. 76–91.

13. *Контурсы цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего* / под ред. В. В. Иванова, Г. Г. Малинецкого, С. Н. Сиренко. – Изд. 2-е. – М.: Ленанд, 2020.

14. Мясникович, М. Новые страницы интеграции в Евразийском экономическом союзе / М. Мясникович, В. Ковалёв // *Россия в глобальной политике*. 10.01.2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/novye-stranitsy-integratsii-v-evrazijskom-ekonomicheskom-soyuze>.

References

1. Bell D. (1999) *Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Translated from English. Moscow: Academia Publ.

2. Glazyev S. Y. (2017) *Bitva za liderstvo v XXI veke. Rossiya-SSHA-Kitay. Sem' variantov obozrimogo budushchego* [The Battle for Leadership in the 21st Century. Russia-USA-China. Seven Options for the Foreseeable Future]. Moscow: Knizhny mir Publ.

3. Ivanov V. V. (2015) *Innovatsionnaya paradigma XXI (2-e izd.)* [Innovative Paradigm of the 21st Century]. 2nd edition. Moscow: Nauka Publ.

4. Rifkin D. (2015) *Tret'ya promyshlennaya revolyutsiya: Kak gorizontallye vzaimodeystviya menyayut energetiku, ekonomiku i mir v tselom* [The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World]. Translated from English. 2nd edition. Moscow: Alpina Non-Fiction Publ.

5. Schwab K. (2017) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Izdatelstvo E.

6. Mun D. V., Popeta V. V., Popeta A. V., Smolkov P. E. (2016) *Ot «Titanika» do «Fukusimy»: algoritmy tekhnogennykh katastrof* [From Titanic to Fukushima: The Logic of Man-Made Disasters]. 2nd edition. Moscow: Biblio-Globus Publ.

7. Rachkov M. V. (Ed.), Lebedev L. A., Ivanov V. V. (2015) *Vvedeniye v yadernyye energotekhnologii* [Introduction to Nuclear Energy Technologies]. Moscow: Nauka Publ.

8. Likhachev D. S. (1979) *Ekologiya kultury* [Culture Ecology]. Moscow, 7, pp. 173–179.

9. Ivanov V. V. (2020) *Razvitiye fundamental'nykh institutov globalizatsii* [Development of Fundamental Institutions for Globalization]. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 223(3), pp. 123–134.

10. Schwab K., Malleret T. *COVID-19: Velikaya perezagruzka* [COVID-19: The Great Reset]. URL: <https://www.litlib.net/bk/135579/read>.

11. Ivanov V. V. (2017) *Global'naya gumanitarno-tekhnologicheskaya revolyutsiya* [Global Humanitarian and Technological Revolution]. *Innovations*, 6, pp. 11–16.

12. Ivanov V. V., Malinetsky G. G. (2019) *Filosofskiye osnovaniya gumanitarno-tekhnologicheskoy revolyutsii* [Philosophical Foundations of the Humanitarian and Technological Revolution]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 4 (62), pp. 76–91.

13. Ivanov V. V., Malinetsky G. G., Sirenko S. N. (Ed.) (2020) *Kontury tsifrovoy real'nosti: Gumanitarno-tekhnologicheskaya revolyutsiya i vybor budushchego* [Contours of Digital Reality: Humanitarian-technological revolution and choice of the future].

Humanitarian and Technological Revolution and the Choice of the Future]. 2nd edition. Moscow: Lenand Publ.

14. Myasnikov M., Kovalev V. (2023) *Novyye stranitsy integratsii v Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze* [New Pages of Integration in the Eurasian Economic Union]. Russia in Global Politics. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/novye-stranitsy-integratsii-v-evrazijskom-ekonomicheskom-soyuze>

V. V. Ivanov⁵, D. P. Sazonova⁶. Scientific and Technological Basis of Spatial Integration. Taking into account the factors causing global changes, as well as changes in technological structures, the process of forming a new world economic structure as a global system of functioning of natural, social, economic and technological systems is taking place. A promising world economic structure involves the formation of a system with the participation of leading states with a developed high-tech complex focused on improving the quality of life. The space of the Eurasian Economic Union (EAEU) is promising in the field of scientific development. The scientific and technological space of the EAEU (NTP-EAEU) will contribute to the formation of an effective system of cooperation in the field of science and technology. The first step towards the creation of the STP-EAEU should be the development of a joint Fundamental Research Program. An important role in the development of scientific and technical cooperation in the EAEU is played by the formation of a common educational space.

Keywords: industrial revolutions, globalization, technological mega-regions, full innovation cycle, unified scientific and technological space.

---

⁵ *Vladimir V. Ivanov*, Deputy President of the Russian Academy of Sciences Head of the Information and Analytical Center “Science” of the Russian Academy of Sciences (Leninskij pr., 14, Moskva, 119991, Russia), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, e-mail: vivanov07@yandex.ru

⁶ *Diana P. Sazonova*, Chief Specialist of the Department of Scientific Support for Strategic Planning and Forecasting of the Information and Analytical Center “Science” of the Russian Academy of Sciences (Leninskij pr., 14, Moskva, 119991, Russia), Candidate of Political Sciences, e-mail: saz-diana@yandex.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-73-85

*З. Р. Хабибуллина*¹

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ СТРАТЕГИРОВАНИЯ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ
НООТРАНСФОРМАЦИИ**²

По итогам ежегодного Санкт-Петербургского международного экономического конгресса представлен развёрнутый обзор программной повестки конгресса «Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход». Проведён подробный анализ выступлений пленарных докладчиков и других участников, на основе систематизации и обобщения выводов и рекомендаций обозначены специфика и основные направления работы научного мероприятия. Отмечено, что процесс стратегирования пространственной интеграции национальной, шире – мировой – экономики возможен только в условиях ноокритериальной (качественно новой) трансформации общественно-хозяйственной структуры.

Ключевые слова: евразийская экономическая интеграция, технологическая трансформация, ноономика, стратегирование, наукоёмкое индустриальное производство, макросдвиг общества, кризис неолиберализма, противоречия глобального монополистического капитала, фрагментация мировой экономики.

УДК 330.352

С 4 по 5 апреля 2024 г. в Санкт-Петербурге прошёл IX Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2024) «Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход», организованный под руководством Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте и при поддержке Вольного экономического общества (ВЭО) России, Международного Союза экономистов (МСЭ). Регистрацию на конгресс прошли свыше тысячи российских и иностранных (из Китая, Австрии, Греции, Италии, Канады, Индии, Азербайджана, Белоруссии, Кыргызстана и др.) учёных и экспертов, более 500 из них выступили в качестве докладчиков. За ходом деятельности конгресса в режиме онлайн наблюдали свыше 800 зрителей³, что подтверждает высокий интерес общественности к поднимаемым вопросам, их актуальность и своевременность.

---

¹ *Зенфира Рафкатовна Хабибуллина*, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте (197101, РФ, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16), канд. экон. наук, e-mail: ruzen7@mail.ru

² Подготовлено по материалам научных докладов на IX Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2024) «Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход» (04–05 апреля 2024 года).

³ Официальный сайт Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте. URL: <https://inir.ru/spec-2024/>

Пленарное заседание конгресса открыл президент Санкт-Петербургского международного экономического конгресса, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России и Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор **С. Д. Бодрунов**. Сомодератором выступил член президиума Вольного экономического общества России, руководитель Секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д-р экон. наук, профессор **Б. Н. Порфирьев**.

С приветственным словом к организаторам и делегатам конгресса обратился руководитель группы ООН в России, директор Информационного центра ООН в Москве **В. В. Кузнецов**. В докладе спикер обратил внимание на СПЭК как на высоко-профессиональную дискуссионную площадку, на базе которой осуществляется многолетний конструктивный диалог по решению наиболее обострившихся в мире проблем и угроз человечеству (вооружённые конфликты, цифровой и технологический разрыв, климатические изменения, социальные кризисы, пандемия, дискриминация и т. д.); поиску оптимальных путей перспективного долгосрочного стратегического развития; недопущению негативных сценариев. Было отмечено, что эти и многие другие глобальные проблемы и противоречия должны решаться только при солидарном взаимоуважительном участии заинтересованных сторон в рамках обстоятельного предметного диалога с опорой на международное сотрудничество.

Одним из значимых проектов многостороннего конструктивного взаимодействия, по убеждению В. В. Кузнецова, может выступить совместная деятельность авторитетного экономического сообщества экспертов СПЭК с созываемым в сентябре 2024 г. Саммитом будущего⁴ по вопросам достижения сформулированных Уставом ООН⁵ и Всеобщей декларацией прав человека⁶ целей устойчивого развития в интересах нынешнего и будущих поколений; выход на выработку теоретически обоснованных предложений и востребованных рекомендаций по устранению масштабных структурных противоречий и пробелов в системе институтов глобального управления. Итогом должно стать принятие «Пакта во имя будущего».

Далее вице-губернатор Санкт-Петербурга **В. Н. Княгинин** по поручению губернатора Санкт-Петербурга тепло приветствовал от имени правительства города организаторов и участников экономического конгресса, выразил надежду на напряжённую и продуктивную деятельность. В своём выступлении он отметил соответствие формата проведения конгресса самым высоким стандартам и требованиям, предъявляемым к подобным научным площадкам, представительности и авторитету спикеров, глубину поднимаемых социально-экономических вопросов и их практическую востребованность.

В. Н. Княгинин подчеркнул, что серьёзные вызовы и угрозы требуют возвращения больших теорий и идей развития, без которых невозможны ни стратегическое

⁴ «Саммит будущего: многосторонние решения ради лучшего завтра» задуман как мероприятие высокого профессионального уровня, на котором ожидается участие мировых лидеров с целью сформировать новый международный консенсус по вопросам стратегирования будущего. <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future>.

⁵ См.: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 08.04.2024).

⁶ <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 08.04.2024); https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 08.04.2024).

планирование, ни долгосрочный социальный прогресс. На смену существующей, но скомпрометировавшей себя мировой экономической системе, называемой постмодерном, должны прийти принципиально иная логика и модель общественного устройства. Завершая выступление, спикер выразил надежду на понимание всеми участниками конгресса сложности ситуации и важности выбора стратегически верного пути выхода из неё.

С. Д. Бодрунов в своём выступлении уточнил, что конгресс, по сути, являясь экономическим, не замыкается на исследованиях исключительно экономической конъюнктуры, объединяя вокруг себя концептуальные положения и взгляды широкого круга исследователей самых разных научных дисциплин и направлений (социологии, философии, права, истории, геополитики и т. д.). Тем самым происходит интеграция усилий, формирование комплексного (многоаспектного) подхода к исследованию происходящих в мировой экономической системе тектонических сдвигов на природы и специфики общественного прогресса.

С. Д. Бодрунов подчеркнул, что на протяжении многих лет одним из идейных вдохновителей и активным участником конгресса был безвременно ушедший из жизни **А. В. Бугалин** (1954–2023).

В пленарном докладе С. Д. Бодрунов подробно остановился на проблеме всё более очевидного сползания мировой экономической системы в пропасть глобальных противоречий и структурных конфликтов, которые достаточно продолжительное время развиваются латентно (чем серьёзно усложняется процесс их своевременной диагностики). При сохраняющемся попустительстве это грозит перерасти в череду трудно корректируемых и даже необратимых процессов, по силе разрушения сопоставимых с катаклизмами и катастрофами общепланетарного масштаба.

Специальное внимание было уделено необходимости смены вектора социально-экономического развития: отказу от господствующих экономических инструментов и методов управления и осознанию неизбежности перехода мирового общественного устройства на качественно новый виток многостороннего интеграционного взаимодействия [1], сопряжённого с высокими общечеловеческими ценностями и качествами (взаимоуважением, порядочностью, интеллектом, ответственностью [2] и т. д.).

Очевидно, такое сотворчество (технологическое, инфраструктурное, институциональное и социальное) должно сочетать прорывные наукоёмкие проекты, решения шестого и седьмого технологических укладов с интересами и мотивами широкого круга лиц, вовлечённых в созидательно-преобразовательную деятельность, – участников процесса трансформации сложившейся макроархитектуры общества [1]. Процесс воспроизводства (во всем многообразии циклов производства, распределения, обмена и потребления) знания, при всей значимости традиционных факторов, становится не просто важнейшим источником креативизации экономической сферы, но приоритетным направлением долгосрочного стратегирования общественно-хозяйственной жизни.

В качестве наглядного и не противоречащего критериям формирующейся новой картины мира – ноопространства [3, 4] С. Д. Бодрунов привёл перспективную практику объединения национальных усилий и потенциалов стран – партнёров БРИКС: интеграционные инициативы, межкультурные коммуникации и межцивилизационные связи, развивающиеся на принципах суверенитета, равноправия [5], открытости, добрососедства и взаимоуважения. От себя добавим, что такой мегапроект это не просто удачный пример добровольного взаимовыгодного сотрудничества строго ограниченного круга технологически развитых стран ядра и полуядра, лидеры

которых инициировали старт таких форм взаимодействия. Важно, что он привлекает концепцией о полицентричности и многополярности миропорядка, прирастая новыми полноправными субъектами ассоциаций⁷, последовательно расширяясь в горизонтальную форму интеграции – до формата БРИКС+.

Для исследования межгосударственных интеграционных отношений, позволяющих осуществить глобальный ноопереход и ускорение ускорения такого процесса, в докладе анонсировано введение категории «нооинтеграция», которая в масштабах мировой экономической системы позволит устранить проблемы «конкуренции регионализм», «глобального доминирования» и «интеграционной незрелости».

Министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик **С. Ю. Глазьев** начал выступление с констатации того факта, что точку бифуркации, связанную со сменой технологического и общемирового хозяйственного уклада [6], страны Юго-Восточной Азии уже прошли, продолжая набирать обороты и успешно развиваться опережающими темпами. Параллельно на другом полюсе противостояния завершается цикл глобального доминирования системы Рах Америгана и дезорганизации блока ЕС, по формату своей интеграции имеющей все признаки бюрократической империи.

Отмечено, что новый технологический и мирохозяйственный интегральный уклад подтверждает переход к нооповестке, когда нравственные императивы и ценности становятся важнейшей составной частью регулирования мирового порядка. В частности, в системах управления Китая и Индии (два крупных полюса нового интегрального мирохозяйственного уклада) отчётливо прослеживается тренд на примат общественных интересов над частными, а главной целью экономического регулирования народнохозяйственного развития выступает рост благосостояния и качества жизни граждан, реальные возможности для творческой самореализации человеческого потенциала.

Экономики этих стран одни из первых оседлали новую длинную волну Кондратьева, что позволяет им на протяжении нескольких последних лет демонстрировать впечатляющие темпы роста – «китайское экономическое чудо». Секрет долговременного устойчивого роста кроется в негибкой политической воле высшего руководства и умении находить золотую середину и эффективно сочетать элементы стратегического планирования и рыночной конкуренции, направляя все национальные ресурсы и силы на достижение стратегических целей.

Новая модель государственного управления, которую предрекали классики, в англоязычных публикациях исследуется в основном в парадигме конвергентной концепции (Дж. Бернхем [7], Дж. К. Гэлбрейт [8], Ж. Фурастье [9, 10] и др.), а у нас рас-

---

⁷ Для справки: с 01.01.2024 г. в состав БРИКС+ официально вошли Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия. О своем желании вступить в союз заявили лидеры Венесуэлы, Колумбии и Шри-Ланки. Возможность присоединения рассматривают и лидеры свыше 30 государств, что свидетельствует о растущем интересе и желании развиваться внутри многовекторного интеграционного пространства, ощущая себя частью единой и целостной системы «союза равных». Например, Мадуро заявил о вступлении Венесуэлы в БРИКС в скором времени / 20.02.2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/02/20/maduro-zayavil-o-vstuplenii-venesuely-v-briks-v-skorom-vremeni/> (дата обращения: 07.04.2024); Колумбия выразила заинтересованность во вступлении страны в БРИКС / Lenta.ru. 18.04.2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/04/18/columb/> (дата обращения: 07.04.2024); Шри-Ланка захотела вступить в БРИКС / Lenta.ru. 24.04.2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/04/24/shri-lanka-zahotela-vstupit-v-briks/> (дата обращения: 07.04.2024).

крывается как интегральное общество (О. Т. Богомолов [11], Г. Г. Водолазов [11, 12], Г. Н. Цаголов [11, 13, 14] и др.). На практике она учитывает предыдущие достижения, объединяя лучшие качества советской системы стратегического государственного планирования и рыночную конкуренцию как механизм обеспечения эффективности социально-экономического развития.

С. Ю. Глазьев достаточно подробно рассмотрел деятельность ЕАЭС как пример нового типа региональной экономической интеграции, когда нормативные решения (а их уже более 10 тысяч), в отличие от ЕС, принимаются путём консенсуса, а не принуждения либо права вето. Глазьев упомянул о приближающемся 15-летию союза⁸, который начинался с создания в 2008 г. Комиссии таможенного союза. В числе ключевых институтов развития евразийского партнёрства перечислены активная промышленная политика, игра с ненулевой суммой, совместные инвестиции по примеру проекта «Один пояс – один путь», движение к солидаризму и углубление сотрудничества в сфере промышленности.

В условиях гибридной войны ЕАЭС показывает высокую способность адаптации к резко меняющимся в лучшую сторону внешнеэкономическим условиям. Буквально за два года благодаря ускоренной переориентации кардинально изменилась географическая структура внешнеэкономических связей и торговых поставок. Однако, чтобы не повторять ошибок прошлого, оставаясь на периферии нового центра мирового хозяйства, а выходить на высокие темпы опережающего развития, необходимо ориентироваться на ежегодные темпы прироста инвестиций (не менее 16 %) в наукоёмкие производственные мощности, в развитие человеческого потенциала и т. д., что позволит России не только реализовать ключевые приоритеты стратегического общественного развития, но и повысить мировой статус.

Академик **А. Г. Аганбегян** представил обзор прогнозных показателей межстранового социально-экономического роста до 2040 г., заметив, что для России он видит три сценария развития: негативный – 2 % роста; наиболее вероятный – 3 % на ближайшую десятилетку; оптимистический – порядка 5 %.

Среди серьёзных мировых изменений он отметил переориентацию иностранного капитала от китайской экономики в индийскую. В частности, за последние 5 лет доля прямых инвестиций в индийскую экономику составила порядка 400 млрд долларов. Внешняя торговля США с Индией за последнее десятилетие выросла в 4,5 раза, в то время как экспорт Китая в США в прошлом году снизился на 11,6 %. США активно инвестируют в оборонную сферу и электронную промышленность Индии.

Несмотря на бурный рост экономик Китая и Индии, США по уровню экономического развития и благосостоянию продолжает удерживать лидерство, располагая более высокими показателями в пересчёте на душу населения. Ключевыми направлениями роста американской экономики являются инвестиции в наукоёмкие технологии (ИКТ, НИОКР, социальная сфера), а не в основной капитал.

---

⁸ Инициатором формирования ЕАЭС считается бывший президент Казахстана Н. А. Назарбаев, который в ходе первого официального визита в Россию в стенах МГУ им. М. В. Ломоносова 29.03.1994 г. озвучил идею создания на постсоветском пространстве Евразийского союза (ЕАС) – нового межгосударственного объединения в целях достижения единого экономического пространства и обеспечения совместной оборонной политики. Участники ЕАС разделяют принципы добровольности международных обязательств, равноправия, неприкосновенности, суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга.

В части развития интеграционных связей России с миром отмечена необходимость выстраивать новые линии многовекторного (научно-технологического, инновационного, транспортно-логистического, инфраструктурного, строительного, а не только внешнеторгового) сотрудничества с Китаем, Индией, Турцией, ОАЭ, Саудовской Аравией и рядом других стран. Такая интеграция (при условии коренной реорганизации российской финансово-банковской системы в сторону воспроизводства длинных денег на преодоление промышленной отсталости предприятий, а также инвестиций в человека) позволит переориентировать российскую национальную экономику с ресурсоснабжающей в инновационно развивающуюся.

Научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН, академик **В. В. Окрепилов** остановился на анализе базовых элементов экономики качества и взаимосвязи в системе характеристик, определяющих качество жизни, триадой которого выступают метрология (стратегия обеспечения единства измерений баз данных государственных первичных эталонов), стандартизация и управление качеством.

На основе данных Доклада ООН о человеческом развитии за 2022 г. показано, что среди 200 стран мира по индексу человеческого развития Россия находится на 56 месте (0,821) с показателем ожидаемой продолжительности жизни 72,4 года (156-е место), ВНД на душу населения по ППС – чуть ниже 27 тысяч долларов (60-е место) и по средней продолжительности обучения – 12,4 года (29-е место). Окрепилов отчитался о динамике социально-экономического взаимодействия Санкт-Петербурга и Ленинградской области по итогам 2023 г., которые за последние 12 лет обеспечили самые высокие по стране темпы привлечения инвестиций (в Санкт-Петербурге – более 10 %, в Ленобласти – 13 %) и роста промышленности (109,9 %), что почти в три раза выше, чем в среднем по стране. Драйверами роста были электротехника, машиностроение, электроника, приборостроение, нефтепереработка и химия, доля экономики знаний в создании ВВП в которых составляет до 25 % (против 14 % по России в целом).

Что касается демографической ситуации, в Санкт-Петербурге количество населения за последнее десятилетие выросло на 11,4 % – с 5,028 до 5,6 млн человек; население Ленобласти за аналогичный период увеличилось на 16,2 % – с 1,751 до 2,034 млн жителей. Ожидаемая продолжительность жизни в Петербурге составляет 75,8 лет. Академик В. В. Окрепилов завершил выступление сообщением о создании в ИПРЭ РАН научно обоснованной модели, которая содержит требования к необходимому качеству жизни и определяет возможность выбора оптимальной траектории стратегического развития региона в средне- и долгосрочной перспективе.

Исполнительный декан Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета **Ван Вэнь (Wang Wen)** остановился на сотрудничестве ЕАЭС и инициативы «Один пояс – один путь», уделив внимание хронологии укрепления двусторонних интеграционных связей между странами. Современные формы экономического сотрудничества китайский коллега видит в логике развития Модели 5+1, где каждая из 5 стран – участниц ЕАЭС (Россия, Армения, Беларусь, Казахстан и Киргизия) самостоятельно строит партнёрство с Китаем.

Среди перспективных отраслей двустороннего сотрудничества между ЕАЭС и инициативой «Один пояс – один путь» В. Ван видит внешнеэкономическую, промышленную, валютно-финансовую кооперацию, развитие энергетики, зелёную и цифровую экономику. Особое значение уделяется принципам взаимовыгодного сотрудничества, открытости и инклюзии, рыночным операциям, а также высокому уровню политической координации.

Заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. Ю. Ломоносова, иностранный член РАН **В. Л. Квинт** посвятил свой доклад методологии и практике стратегирования в контексте современных международных и национальных интеграций. В частности, было наглядно продемонстрировано, что между феноменами и процессами прогнозирования, стратегирования и планирования существует терминологическое различие, не позволяющее трактовать в качестве тождественных на первый взгляд связанные между собой категории.

Стратегирование выступает неотъемлемым промежуточным этапом на пути перехода прогнозных ожиданий к ресурсообеспеченному планированию. Вне этапа стратегирования любые проекты развития (от кратко- до долгосрочных) рискуют оставить лишь след на бумаге – в качестве красивых деклараций о намерениях, добрых пожеланий, не реализуемых на практике. Прогнозирование обозначает возможные ориентиры, по времени и ресурсам необходимые для реализации через плановую систему хозяйствования успешного развития. Стратегическое планирование, в свою очередь, выступает как одна из трёх интегрированных функций стратегического управления.

По мнению В. Л. Квинта, в настоящее время российская национальная экономика остро нуждается в компетентных специалистах в области теории и практики стратегирования. Стратегия повышает скорость выявления чрезвычайных ситуаций, позволяя принимать скоординированные решения для их своевременного устранения. В противном случае в повестку дня будут вводиться приоритеты в отсутствие ясного видения конкурентных преимуществ и обеспеченности ресурсами. Таким образом, национальная стратегическая доктрина должна учитывать сложную систему взаимосвязи и влияния ориентиров и направлений ноотрансформации общественного устройства [5] – от глобальных до корпоративных и личностных, в условиях чрезвычайного периода⁹ требующую поиска новых способов выхода в состоянии «новой нормальности»¹⁰.

В докладе заместителя президента РАН, члена-корреспондента РАН **В. В. Иванова** была поставлена проблема отсутствия общего понимания и единой теории общест-

---

⁹ Ключевое различие между чрезвычайной ситуацией и чрезвычайным периодом состоит в том, что, говоря о чрезвычайной ситуации, следует понимать кратковременное отклонение конъюнктуры рынка от своей природы, выход из которого будет сопровождаться возвращением мировой экономической системы в привычное (исходное) состояние циклической последовательности, тогда как завершение чрезвычайного периода, нередко сопровождающееся серьёзными геополитэкономическими потрясениями и рисками, запускает социально устойчивые факторы формирования «новой нормальности», отличной от сложившейся ранее.

¹⁰ Концепт «новая нормальность» (new normal), оставаясь не до конца артикулированным понятием, вошёл в научный дискурс в первой трети прошлого века как реакция на систему долговременно обозначившихся в эпоху Великой депрессии 1929–1933 гг. макроэкономических изменений американской экономики к вызовам и угрозам новой реальности. Последующие волны популярности концепта совпали с мировым экономическим кризисом 2008–2009 гг. и коронавирусной пандемией 2020 г.

Добавим, что парадигма новой нормальности, которая объективно выступает достаточно удобной теоретической моделью для описания разворачивающихся в мире неопределённостей, ограничений и неустойчивых связей, похоже, вообще не предлагает адекватных решений по преодолению острых фаз кризиса мировой экономики, ограничиваясь констатацией факта наступления нетипичной для коллективной среды фазы развития.

венного развития, ключевые подходы которого специфицируются трендами *постиндустриализма* (Д. Белл) при доминирующей роли государства, *неокапитализма* (К. Шваб) при доминирующей роли ТНК и *гуманитарно-технологической революции* – дружеской среды обитания человека как системы «природа – технологии – информация – культура», в подпространстве которой происходит синергетическое взаимодействие институтов государства и бизнеса. Подобные формы взаимодействия, не противореча фундаментальным законам развития Природы, Человека и Общества, создают предпосылки для перехода человечества к восходящей траектории цивилизационного развития – к *глобализации 4.0t (технологическая)*. Таким образом, контуры новой картины мира должны формироваться на основе передовой фундаментальной и прикладной науки, технологического суверенитета, политической многополярности, социально ответственного государства, свободного творческого потенциала человека.

Заместитель директора Института Европы РАН по научной работе, член-корреспондент РАН **О. В. Буторина** посвятила свой доклад проблеме экономической интеграции европейской зоны, подробно остановившись на анализе результатов социально-экономических показателей, ограничений и перспектив развития ЕС. Она отметила, что потенциал экономической интеграции в ЕС обнаруживает признаки самоисчерпания системы, а создание экономического и валютного союза не оправдало надежд, обострив новые внутренние проблемы и ограничения. Поэтому в ближайшей перспективе ЕС будет придерживаться политики усиления внешнего вектора интеграции и, как следствие, процесса давления на страны извне.

Декан школы международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру **Шрикант Кондапалли (Srikanth Kondapalli)** затронул тему расширения геополитического сообщества БРИКС+ в рамках многополярного сотрудничества. Среди общих целей стратегического планирования евразийского пространства индийский исследователь назвал неотступное противостояние распространению международного терроризма, киберпреступности и любым другим формам насилия; преодоление санкционного давления со стороны Запада и отказ от монополизации доллара в качестве мировой валюты; создание новых (альтернативных) кредитных рейтинговых агентств; расширение деятельности стран – участниц БРИКС+ не только в торговой сфере, но и в научно-образовательных, технологических, инновационно-цифровых, организационно-управленческих, промышленных, инвестиционных, инфраструктурно-логистических, энергетических, оборонных и прочих направлениях. Завершая своё выступление, Шрикант выразил уверенность, что ключевую роль в этом процессе может сыграть разработанный С. Д. Бодруновым глобальный мегапроект по стратегической трансформации общественного устройства от НИО.2 к ноономике.

Директор Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН **А. Р. Бахтизин** поднял тему важности переконфигурации глобальных цепочек товарооборота и национальной стратегии безопасности отечественной экономики с учётом инициированного коллективным Западом перманентного гибридного (геополитико-экономического, информационного, ценностно-культурного, торгово-экономического, военного и пр.), а не только санкционного экономического противостояния. На основе анализа больших массивов данных ряда крупнейших международных аналитических центров (Всемирный банк, МВФ, ОЭСР, ООН, ВТО, Кильский институт мировой экономики, BCG, Brand Finance, Oxford Economics, IHS и пр.), зачастую ангажированных, спикер отметил, что на фоне фрагментации национальных экономик в настоящее время наблюдается тренд на усиление влияния

макроэкономических регионов мира – США, ЕС, ЕАЭС и других полюсов развития, внутри которых как компенсация разрыва прежних (глобализационных) отношений начинают формироваться новые каналы локального торгового взаимодействия и перераспределения прямых инвестиций [15].

Среди основных инструментов давления США на периферийные страны обозначены *экономические* (экономическая эксплуатация развивающихся экономик, неэквивалентный товарный обмен, перенос производств с низкой добавленной стоимостью, навязывание невыгодных форм отношений и пр.); *информационные* (составление не соответствующих действительности прогнозных отчётов и данных, манипулирование общественным мнением, освещение в глобальной новостной повестке недостоверной информации и пр.); *биологические* (изобретение и распространение патогенных заболеваний массового поражения) и *военные* (разжигание и спонсирование военно-политических конфликтов и очагов напряжения на почве национальной нетерпимости и пр.) [16].

Таким образом, стратегическое государственное планирование национальной экономики России необходимо проводить в строгом соответствии с целями достижения высоких показателей и прорывных решений в сфере наукоёмких технологий (авиация, автомобилестроение, ракетно-космическая промышленность, воспроизводство новейших материалов и пр.), которые в конечном счёте оказывают положительный кумулятивный эффект не только на темпы роста экономики, но и на все сферы жизнедеятельности общества.

Директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН **А. А. Широ** сконцентрировался на проблеме выбора модели развития российской экономики. С точки зрения макроэкономического анализа возможны два варианта интеграции – *производственная* либо *институциональная*. Первую модель докладчик представил в виде классической пирамиды, от основания к вершине которой последовательно расположены: производство – рынки – финансы – технологии. Вторая модель (институциональная интеграция) – в виде перевёрнутой пирамиды, от основания к вершине которой располагаются рынки – технологии – финансы – производство. По мнению докладчика, по второй модели интеграции преимущественно развиваются ЕС и ЕАЭС, темпы роста экономик которых достигаются не за счёт развития прорывных наукоёмких технологий (как, например, это происходит в США), а во многом благодаря перманентному расширению дополнительных рынков сбыта. Поэтому, чтобы перейти на опережающие темпы экономического развития, необходимо переориентировать воспроизводственные процессы на реализацию первой модели интеграции. Среди ключевых факторов, благоприятствующих такому переходу, обозначены: численность населения не менее 300 млн человек (около 3,5 % населения мира), объём ВВП не менее 5 трлн долларов (примерно 5 % мирового ВВП), совокупные затраты на НИОКР не менее 200 млрд долларов (примерно 4 % мирового ВВП), расходы на оборону не менее 100 млрд долларов (примерно 2 % мирового ВВП).

В завершение пленарного обсуждения темы интеграционного процесса в мировой экономике выступил директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН **М. Ю. Головнин**, который обратил внимание аудитории на необходимость разграничения экономических интеграционных процессов в *глобальном и региональном аспектах*. В частности, он отметил, что современное состояние мирового хозяйства развивается в строгом соответствии с законами фрагментации, которые обозначились после финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. и развились в условиях торговой войны между США и КНР (2018 г.) и пандемии COVID-19. В со-

вокупности это привело к окончательному сворачиванию глобализационного тренда, усилению политики протекционизма и региональной экономической интеграции (Транстихоокеанское партнёрство, Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство и пр.). В общемировой политической и экономической повестке национальные интересы вновь начинают превалировать и активно развиваться, трансформируя прежние формы глобальных институциональных отношений.

В результате мировая экономика пребывает в состоянии системы, расколотой на отдельные центры силы, отсюда – понижающаяся динамика международных потоков капитала, стратегия рещоринга, повышение общемировых темпов инфляции, волатильность на мировых товарных и финансовых рынках и пр. При этом интеграционные усилия должны быть направлены на растущие связи между субъектами системы, отсутствие барьеров на пути взаимных торгово-инвестиционных связей, однородность системы с точки зрения ценовых показателей, наличие единых регулирующих норм и целостность самой системы. В качестве эффективной модели интеграции, не ограниченной узкими критериями регионального объединения, учёный выделил деятельность БРИКС+.

Вторая половина работы конгресса прошла в формате параллельно организованных по интересам участников научных секций: одной пленарной конференции, десяти семинаров и одиннадцати «круглых столов». «Круглый стол» «Стратегирование интеграционных социально-экономических трансформаций» прошёл под руководством учёных Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова **В. Л. Квинта** и **И. В. Новиковой**. Состоялся обмен мнениями по актуальным вопросам национальной экономики, динамики её структурных сдвигов, противоречий и путей стратегирования ритма общественной жизни (региональной и межстрановой интеграции) и многим другим дискуссионным вопросам. Участники рабочей группы, в числе которых автор настоящей публикации, в докладе «К вопросу о возрастающей роли творческого содержания труда: теория и практика стратегирования» рассмотрели различные аспекты трансформации мировой экономики (технологические, отраслевые, социально-трудовые, инфраструктурные, демографические, финансовые, цифровые и пр.); поделились результатами новых теоретических и практических исследований; наметили возможные совместные проекты, посвящённые системному долгосрочному стратегированию траектории развития общественных отношений в меняющихся условиях.

Протокольным мероприятием работы «круглого стола» стало подписание Соглашения об открытии учебно-образовательного Центра «Ноономика» в Кемеровском государственном университете. Готовность к сотрудничеству письменно подтвердили ректор Кемеровского государственного университета, член-корреспондент РАН **А. Ю. Просеков**, президент Санкт-Петербургского международного экономического конгресса, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор **С. Д. Бодрунов**, заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН **В. Л. Квинт** и исполнительный директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте **А. А. Золотарёв**.

В заключительный день состоялся международный семинар на тему «Глобальные социально-экономические и геополитические трансформации: теория и практики» (модераторы: член-корреспондент РАН **С. Д. Бодрунов** и доцент **Н. Г. Яковлева**). В рамках семинара ведущие отечественные и зарубежные учёные

обсудили специфику и особенности масштабных структурных интеграционных процессов в условиях фрагментации мировой экономической системы.

Финальным событием конгресса стала презентация монографии известного английского социолога **Д. Лэйна (D. Lane)** «Глобальный нелиберальный капитализм и альтернативы. От социальной демократии до государственного капитализма» [17], которая вызвала живой интерес аудитории. Принимая во внимание интерес академической публики к научному творчеству Д. Лэйна [18], руководство ИНИР им. С. Ю. Витте приняло решение о переводе и издании монографии на русском языке.

Документ скрепили подписями директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор **С. Д. Бодрунов** и автор рукописи Д. Лэйн, профессор социологии в Бирмингемском университете, почётный член Эммануил-колледжа Кембриджского университета, член Академии социальных наук Великобритании.

Итогом конгресса стала не только презентация результатов новых научных исследований, но и выработка практико-ориентированных рекомендаций, которые найдут отражение в периодических научных изданиях, в том числе в сборнике материалов по итогам работы СПЭК-2024.

Список литературы

1. *Бодрунов, С. Д.* Преодоление вызовов глобальной трансформации: НТП, знания, ноономика / С. Д. Бодрунов // Проблемы прогнозирования. – 2023. – №4 (199). – С. 8–14.
2. *Бодрунов, С. Д.* От экономических интересов – к нооценностям / С. Д. Бодрунов // Вопросы философии. – 2022. – № 7. – С. 15–26.
3. *Бодрунов, С. Д.* Стратегия перехода к новому мирохозяйственному укладу и ноообществу: индустриальный аспект / С. Д. Бодрунов // Экономика промышленности. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 135–140.
4. *Квинт, В. Л.* Стратегирование трансформации общества: знания, технологии, ноономика / В. Л. Квинт, С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. – 351 с.
5. *Бодрунов, С. Д.* Роль БРИКС в процессе глобального нооперехода / С. Д. Бодрунов, В. В. Архипова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2024. – 30 с.
6. *Глазьев, С. Ю.* Китайское экономическое чудо. Уроки для России и мира / С. Ю. Глазьев. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2023. – 406 с.
7. *Burnham J.* The Managerial Revolution: What is Happening in the World. New York: The John Day Company, 1941. 285 p.
8. *Galbraith J. K.* The New Industrial State. Boston: Houghton Mifflin Company, 1967. 427 p.
9. *Fourastié J.* Die grosse Hoffnung des Zwanzigsten Jahrhunderts. Köln: Bund-Verlag, 1954. 221 p.
10. *Фурастье, Ж.* Технический прогресс и капитализм с 1700 по 2100 год. Какое будущее ожидает человечество? / Ж. Фурастье; пер. с фр.; под общ. ред. А. М. Румянцева. – Прага: Мир и социализм, 1964. – 420 с.
11. *Богомолов, О. Т.* Новое интегральное общество: общетеоретические аспекты и мировая практика / О. Т. Богомолов, Г. Г. Водолазов, С. Ю. Глазьев, С. П. Глинкина, В. И. Дашичев, Н. В. Куликова, С. М. Меньшиков, Л. А. Меньшикова, Э. П. Пивоварова, Г. Н. Цаголов. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 256 с.

12. *Водолазов, Г. Г.* Теория конвергенции и идеология нового гуманизма. Что делать? Кому делать? Как делать? / Г. Г. Водолазов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2016. – Т. 201, №4. – С. 575–595.

13. *Цаголов, Г. Н.* Интегральное общество: на смену капитализма и социализма / Г. Н. Цаголов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – Т. 195, №6. – С. 951–974.

14. *Цаголов, Г. Н.* Российский императив: от бюрократическо-олигархического капитализма к новому интегральному обществу / Г. Н. Цаголов // Экономика и управление собственностью. – 2015. – №4. – С. 20–26.

15. *Агеев, А. И.* Экономический фундамент победы: стратегический прогноз устойчивости экономики России в условиях санкционных атак / А. И. Агеев, А. Р. Бахтизин, В. Л. Макаров, Е. А. Логинов, Б. Р. Хабриев // Экономические стратегии. – 2023. – Т. 25, №1 (189). – С. 6–15.

16. *Бахтизин, А. Р.* Гибридные войны в макроэкономической суперсистеме XXI века / А. Р. Бахтизин, В. Л. Макаров, Е. А. Логинов, Б. Р. Хабриев, Ву Цзе, Ву Зили // Экономические стратегии. – 2023. – Т. 25, №2 (188). – С. 6–23.

17. *Lane D.* Global Neoliberal Capitalism and the Alternatives: From Social Democracy to State Capitalisms. Great Britain: Bristol University Press, 2023. 335 p.

18. *Лэйн, Д.* Вызов ноономики либеральному глобальному капитализму / Д. Лэйн // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2023. – Т. 2, №3. – С. 68–77.

References

1. Bodrunov S. D. (2023) Preodoleniye vyzovov global'noy transformatsii: NTP, znaniya, noonomika [Overcoming the Challenges of Global Transformation: STP, Knowledge, Noonomy]. Studies on Russian Economic Development, 4(199), pp. 8–14.

2. Bodrunov S. D. (2022) Ot ekonomicheskikh interesov – k nootsennostyam [From Economic Interests to Noovalues], Questions of Philosophy, 7, pp. 15–26.

3. Bodrunov S. D. (2023) Strategiya perekhoda k novomu mirokhozaystvennomu ukladu i nooobshchestvu: industrial'nyy aspekt [A Strategy of Transition to a New World Economic Order and Noosociety: Industrial Aspect]. Russian Journal of Industrial Economics, 16(2), pp. 135–140.

4. Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2021) Strategirovaniye transformatsii obshchestva: znaniye, tekhnologii, noonomika [Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy]. St. Petersburg: S. Y. Witte INID Publ. 351 p.

5. Bodrunov S. D., Arkhipova V. V. (2024) Rol' BRIKS v protsesse global'nogo nooperekhoda [The Role of BRICS in the Process of Global Transition]. St. Petersburg: S. Y. Witte INID Publ. 30 p.

6. Glazyev S. Y. (2023) Kitayskoye ekonomicheskoye chudo. Uroki dlya Rossii i mira [China's Economic Miracle: Experiences for Russia and the World]. Moscow: Ves Mir Publ. 406 p.

7. Burnham J. (1941) The Managerial Revolution: What is Happening in the World. New York: The John Day Company. 285 p.

8. Galbraith J. K. (1967) The New Industrial State. Boston: Houghton Mifflin Company. 427 p.

9. Fourastié J. (1954) Die grosse Hoffnung des Zwanzigsten Jahrhunderts. Köln: Bund-Verlag. 221 p.

10. Fourastié J. (1964) Tekhnicheskii progress i kapitalizm s 1700 po 2100 god. Kakoye budushcheye ozhidayet chelovechestvo? [Technical Progress and Capitalism From 1700 to 2100. What Future Awaits Humanity?]. Translation from French; Romyantsev A. M. (Ed.). Prague: Mir i sotsializm Publ. 420 p.

11. Bogomolov O. T., Vodolazov G. G., Glazyev S. Y., Glinkina S. P., Dashichev V. I., Kulikova N. V., Menshikov S. M., Menshikova L. A., Pivovarova E. P., Tsagolov G. N. (2016) [New Integral Society: General Theoretical Aspects and World Practice]. M.: LENAND Publ. 256 p.

12. Vodolazov G. G. (2016) *Teoriya konvergentsii i ideologiya novogo gumanizma. Chto delat'? Komu delat'? Kak delat'?* [The Theory of Convergence and the Ideology of the New Humanism. What to Do? Who Should Do It? How to Do It?]. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia, 4(201), pp. 575–595.

13. Tsagolov G. N. (201) *Integral'noye obshchestvo: na smenu kapitalizma i sotsializma* [Integral Society: Substitute for Capitalism and Socialism]. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia, 6(195), pp. 951–974.

14. Tsagolov G. N. (2015) *Rossiyskiy imperativ: ot byurokraticheskogo-oligarkhicheskogo kapitalizma k novomu integral'nomu obshchestvu* [Russian Imperative: From Bureaucratic-Oligarchic Capitalism to a New Integral Society]. Economics and Property Management, 4, pp. 20–26.

15. Ageev A. I., Bakhtizin A. R., Makarov V. L., Loginov E. L., Khabriev B. R. (2023) *Ekonomicheskiy fundament pobedy: strategicheskiy prognoz ustoichivosti ekonomiki Rossii v usloviyakh sanktsionnykh atak* [Economic Foundation of Victory: A Strategic Forecast for the Russian Economy Stability in the Face of Sanctions]. Economic Strategies, 3(189), pp. 6–15.

16. Bakhtizin A. R., Makarov V. L., Loginov E. A., Khabriev B. R., Jie Wu, Zili Wu (2023) *Gibridnyye voyny v makroekonomicheskoy supersisteme XXI veka* [Hybrid Wars in the Macroeconomic Supersystem of the 21st Century]. Economic Strategies, 25, 2(188), pp. 6–23.

17. Lane D. (2023) *Global Neoliberal Capitalism and the Alternatives: From Social Democracy to State Capitalisms*. Great Britain: Bristol University Press. 335 p.

18. Lane D. (2023) *Vyzov noonomiki liberal'nomu global'nomu kapitalizmu* [The Challenge of Noonomy to Liberal Global Capitalism]. Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID, 3(2), pp. 68–77.

Z. R. Khabibullina¹¹. Global Integration Trends in Strategizing the World Economic System: Opportunities and Risks of Nootransformation. Following the participation in the activities of the annual St. Petersburg Economic Forum, a detailed overview of the program agenda of the International Congress “Promising Integration Processes in the Global Economy: A Nooapproach” is presented. A detailed analysis of the key points of the speeches of the plenary speakers and other participants was carried out, the specifics and main directions of the work of the scientific event were outlined based on the systematization and generalization of the conclusions and recommendations. It is noted that the process of strategizing the spatial integration of the national, and more broadly, world economy seems possible only in the conditions of noocriteria (qualitatively new) transformation of the socio-economic structure.

Keywords: Eurasian economic integration, technological transformation, noonomy, strategizing, knowledge-intensive industrial production, societal macro-shift, crisis of neoliberalism, contradictions of global monopoly capital, fragmentation of the world economy.

---

¹¹ *Zenfira R. Khabibullina*, Senior Research Fellow of the S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) (16, Bolshaya Monetnaya Street, St. Petersburg, 197101, Russia), Candidate in Economic Sciences, e-mail: ruzen7@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-86-105

*О. А. Николайчук*¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ²

Вскрыты причины и последствия нестабильного экономического роста в современной России на фоне снижения инвестиционной активности и как следствие – уровня жизни. Проанализированы динамические показатели ВВП, в том числе на душу населения, и расходы на НИОКР. Особое внимание уделено продолжительной стагнации ВВП и отставанию по этому показателю от развитых стран. Отмечены проблемы уменьшения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), их нестабильность за последние 14 лет. Рассчитан коэффициент корреляции, отражающий положительную умеренную связь между ПИИ и ВВП России. Снижение расходов на НИОКР, технологическое отставание России, последствия использования «нефтяной иглы», слаборазвитость МСП, неравномерность экономического развития мешают стабильному экономическому росту, развитию отечественного технологически ёмкого производства и повышению благосостояния граждан. К аналогичным выводам пришли и зарубежные исследователи. Для выхода экономики России из длительной стагнации предлагается пересмотреть вектор развития экономики – от сырьевой направленности к перерабатывающим производствам сырьевых товаров и продаже не просто нефти, а продуктов её переработки до бензина, керосина, полипропилена и пр. с оптимизацией затрат и увеличением производительности труда. Для этого предложено создать крупномасштабный фонд развития высоких технологий из части доходов от экспорта углеводородов. Государственный аппарат должен проработать вопрос среды ведения бизнеса – речь идёт о коррупционной, патентной, мошеннической и налоговой составляющих в этой сфере. Новая политика государства в отношении бизнеса рассматривается как один из способов борьбы с экономическими проблемами. Предлагаются переход к прогрессивной ставке налогообложения и перераспределение сверхвысоких доходов одного процента граждан на развитие регионов и экономики в целом. Для про-

---

¹ *Ольга Алексеевна Николайчук*, профессор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ (125993, РФ, Москва, Ленинградский пр., 49), д-р экон. наук, e-mail: OANikolaichuk@fa.ru.

² Автор благодарит *Рустема Махмудовича Нуреева* за информацию, используемую на рис. 8–11, и *Павла Валерьевича Ключевого* за информацию, используемую на рис. 1–4.

рыва в отечественной экономике необходимы диалог государства и бизнеса, государства и общества, а также использование новых достижений управленческой мысли в области регионоведения, резервов институционального подхода.

Ключевые слова: стагнация ВВП, экономический кризис, прямые иностранные инвестиции, технологическое отставание, «нефтяная игла», структура импорта и экспорта, МСП, экономическая дифференциация населения, институциональный подход.

УДК 338.124.4

Современные экономические реалии требуют всё больше усилий, знаний, действий для проработки и решения проблем отечественной экономики. Данные проблемы особенно ярко проявляются во время макроэкономической нестабильности, вызванной политическими, социальными или экономическими потрясениями: коронакризисом, жёсткими политико-экономическими санкциями, геополитической обстановкой. Названные факторы вкупе с внутренними проблемами негативно влияют на российскую экономику, усугубляя положение, ухудшая благосостояние граждан и деловую активность.

Рассмотрим проблемы отечественного экономического роста через призму теоретических моделей экономического роста Домара, Харрода и моделей эндогенного экономического роста. Во главу угла первых поставлена идея поступательного, гарантированного экономического роста, а в формулах расчёта темпа экономического роста присутствует показатель предельной склонности к сбережению и предельной производительности капитала. Модели эндогенного экономического роста основаны на роли человеческого капитала в экономическом развитии стран. Ранее при исследовании инвестиционно-сберегательной функции домашних хозяйств нами были сделаны выводы о снижении предельной склонности к сбережению (S_y) в современной России. Попробуем оценить возможности увеличения предельной производительности капитала как показателя, способного сохранить динамическое равновесие в модели названных авторов.

Обзор литературы

Некоторые исследователи решают динамические задачи распределения дохода на потребляемую и инвестируемую части с использованием методов оптимального управления. Предполагается, что основное экономическое тождество верно, т. е. доход есть сумма потребления и инвестиций. Под доходом понимается либо валовой внутренний продукт (ВВП) в чистом виде, либо национальный доход. Потребление также понимается по-разному: в чистом виде или совокупное потребление. Анализируется макро модель Харрода, Домара с капиталоемкостью, достаточной для непрерывного роста доходов. В частности, показано, что уравнение баланса накопленных сбережений домашних хозяйств также удовлетворяет основному экономическому тождеству, и капиталоемкость может меняться. Поскольку домохозяйства могут достаточно успешно сберегать и демонстрируют в целом выживание, автор модифицирует рассмотренные макро модели, заменяя заданные производственные функции задачей максимизации интегральной дисконтированной полезности потребления [1]. В этом случае функция полезности удовлетворяет условию Эрроу – Пратта относительного неприятия риска.

Иными словами, домашние хозяйства не склонны к риску и могут сберегать известными и надёжными способами. Это надо учитывать в современной российской действительности в условиях снижения предельной склонности к сбережению. На

наш взгляд, нововведения в сфере сбережений возможны лишь при государственном страховании нетрадиционных инвестиций граждан.

Теоретики-экономисты на основе моделей Домара, Харрода, используя математические допущения, рассматривают влияние на экономический рост эффекта памяти. Последний означает зависимость процесса не только от текущего состояния, но и от истории его изменений в прошлом. Показано, что эффект памяти может приводить к уменьшению выпуска продукции, а не к его росту [2].

Интересное исследование по проблемам экономического роста с 1981 по 2020 г. проведено в Нигерии. Чтобы экономический рост имел место, должно быть достигнуто равенство между сбережениями и инвестициями. Однако на самом деле некоторые факторы могут нарушить это равенство – повлиять на предложение сбережений и спрос на инвестиции. В исследовании использовались показатели мирового развития и данные из статистических бюллетеней Центрального банка Нигерии. В основу анализа положена модель векторной авторегрессии. Результаты показывают незначительную связь между валовыми внутренними сбережениями, валовым накоплением капитала и экономическим ростом. Также был сделан вывод о незначительном влиянии валовых внутренних сбережений, валового внутреннего продукта и кредитной ставки на валовое накопление капитала. Напротив, обнаружено, что ВВП и кредитная ставка значительно влияют на валовые внутренние сбережения и существует двунаправленная причинно-следственная связь между ВВП и валовым накоплением капитала.

Отсутствие причинно-следственной связи между сбережениями, инвестициями и экономическим ростом в Нигерии объясняется неэффективным финансовым посредничеством при распределении сбережений, недостаточным использованием денежно-кредитной и фискальной политики для стимулирования инвестиций и другими факторами. В исследовании рекомендуется поощрять сбережения за счёт роста дохода на душу населения. Это возможно путём повышения производительности во всех отраслях экономики. В исследовании рекомендуется гибкое и эффективное использование денежно-кредитной и фискальной политики (что соответствует текущим экономическим реалиям в стране), чтобы связать сбережения и эффективно инвестировать и, следовательно, способствовать экономическому росту.

Значительная часть исследований посвящена влиянию иностранных инвестиций на экономический рост в странах с переходной экономикой, например [3]. Некоторые учёные эмпирическим путём доказали, что в переходный период в странах с более крупными ПИИ внутренние сбережения тоже были высокими и отличались на 0...4 %, а в странах с меньшим объёмом ПИИ внутренние сбережения отличались от ПИИ на 8...14 %.

Тем не менее исследование влияния ПИИ на экономический рост ограничивается странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), а страны СНГ не изучены до сих пор. В последнее время появлялись работы, исследовавшие влияние ПИИ на экономический рост в странах СНГ.

По сравнению с другими видами движения капитала ПИИ обычно считаются наиболее стабильными и надёжными, особенно во время существенных социальных и организационных изменений. Прежде всего это касается стран СНГ, которые прошли через трудный переходный процесс после распада СССР и пережили несколько нефтяных и финансовых кризисов с 1992 г. Это привело к низкому уровню внутренних инвестиций и поиску ПИИ (они составляли около 40 % внешних инвестиций).

ПИИ как средство ускорения экономического роста способствовали развитию теоретических и эмпирических исследований факторов, влияющих на их увеличение в национальной экономике. А. А. Беван и С. Эстрин [3] обнаружили, что рост ВВП является одним из определяющих факторов внешних инвестиций в страны с переходной экономикой. Это объясняет, почему страны Центральной и Восточной Европы были основными инвесторами стран с переходной экономикой.

Д. Глигорич, З. Борович, В. Вуянич [4] исследовали влияние ПИИ на экономический рост в Армении, Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Российской Федерации, Таджикистане и на Украине в 2000–2015 гг. с использованием ARDL (модели объединённой средней группы/AR с распределённым запаздыванием) с предположением о положительном влиянии на экономический рост увеличения притока ПИИ. Кроме того, предложенная модель особенно информативна, когда все переменные неизменны и наблюдается положительное влияние ПИИ на экономический рост.

С. Ашуrow [5] исследовал и определил детерминанты ПИИ в странах Центральной Азии, в частности в Таджикистане, Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане и Узбекистане, в период 2000–2017 гг.

Дж. Грабара вскрыл наличие двусторонней связи между прямыми иностранными инвестициями в Казахстан и Узбекистан и ростом потребления возобновляемой энергетики. Исследование основано на данных, полученных с 1992 по 2018 г. Основным фактором, влияющим на возобновляемую энергетику, является рост потребления электроэнергии. Исследователь приходит к выводу: чтобы уменьшить зависимость от топливных источников энергии, этим странам необходимо привлекать энергию возобновляемых источников энергии.

О. Гречишкина, М. Самахаец [6] определили роль и значение ПИИ в инновационном развитии Республики Беларусь. Анализ показал, что прямые зарубежные притоки инвестиций отличаются значительными колебаниями по годам. В структуре притока ПИИ преобладают долговые инструменты, а инвестиционный климат Беларуси достаточно низок. Авторы предлагают сконцентрировать усилия на привлечении ПИИ в развитие высокотехнологического сектора (V и VI технологические уклады). Это позволит не только улучшить инвестиционный потенциал Беларуси, но и осуществлять структурную экономическую трансформацию инновационным способом. Перспективы дальнейших исследований авторы связывают с изучением способов активизации научной деятельности и сотрудничеством Республики Беларусь с зарубежными странами.

Бураков, Инсте, Фредин [7] исследовали связь между потреблением, открытостью торговли, обменным курсом и ПИИ в Россию и Беларусь за период с 1997 по 2017 г.

В последние два года политико-экономические исследования экономического роста акцентируют внимание на росте без развития, а политики вводят термин отрицательного экономического роста. В статье А. В. Бузгалина и др. [8] даётся системная характеристика основных особенностей постсоветской экономики с использованием методологии и категориального аппарата классической политической экономики, классического институционализма и других гетеродоксальных направлений экономической теории. Авторы рассматривают влияние природно-климатических, пространственных, а также исторических характеристик России на формирование этих особенностей. Выделяются основные этапы эволюции российской экономики и характерные для них черты роста/спада макроэкономических количественных показателей. Особое внимание уделяется качественным индикаторам, характеризующим социальные результаты и противоречия в развитии основных сфер экономики. На

этой основе формулируются выводы: определяются причины глубокого спада в 1990-е гг., экстенсивного развития в 2000-е гг. и стагнации в 2010-е гг. В завершение подчёркивается неслучайное наличие двух основных концепций дальнейшего развития России: 1) неолиберальной, 2) концепции, ориентированной на активизацию общественного регулирования и социальной направленности развития.

Для науки наиболее ценно рассмотрение места шumpетерианской идеи созидательного разрушения в эндогенных моделях роста и актуальность этой идеи для укрепления национальной конкурентоспособности [9]. Авторами (Д. Д. Катуковым и др.) выявлено отличие моделей шumpетерианского направления от модели Ромера. Проанализировано современное понимание созидательного разрушения, в частности, связь этого процесса с динамизмом конкурентного вытеснения низкоэффективных фирм высокоэффективными, а старых технологий и продуктов – инновационными.

Рассмотрим реальную ситуацию.

Динамика ВВП и инвестиций России

Первый и самый заметный признак экономического кризиса в России – отсутствие стабильного экономического роста. ВВП России подвержен сильным колебаниям (рис. 1): по данным Всемирного банка, в 2010 г. он составил 1524,9 млрд долларов, а в 2020 г. – 1483,5 млрд долларов³, т. е. номинальный ВВП России в долларовом эквиваленте за 10 лет снизился на 41,4 млрд долларов.

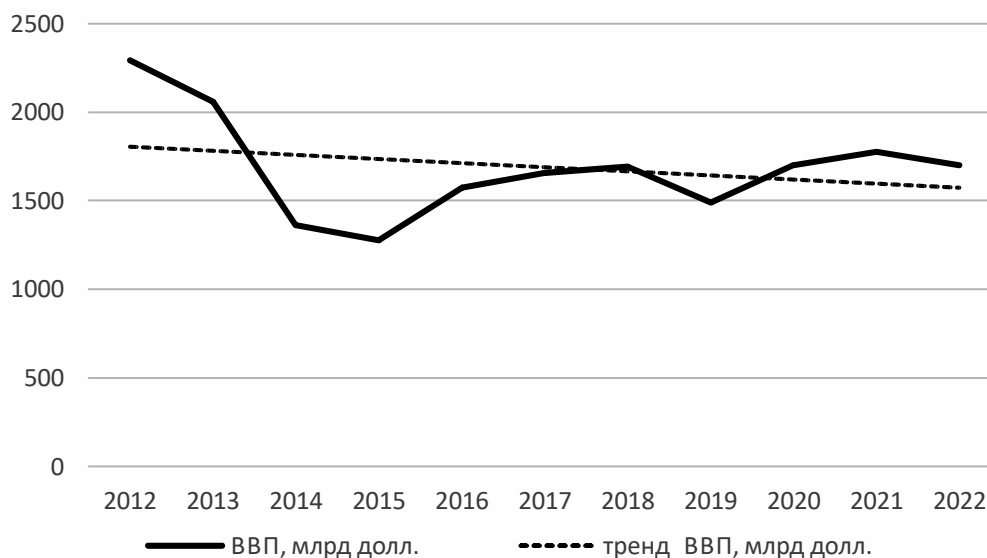

Рис. 1. ВВП России в текущих ценах в долларовом эквиваленте (составлено автором по данным Всемирного банка // The World Bank. URL: GDP (current US\$) – Russian Federation | Data (worldbank.org) (дата обращения: 01.11.2022) за 9 месяцев)

³ The World Bank. URL: GDP (current US\$) – Russian Federation | Data (worldbank.org). (дата обращения: 28. 10.2022; 08.11.2022; 06.11.2022).

Из рис. 1 видно, что экономика России на протяжении 10 лет испытывала подъёмы и падения. Сегодня мы имеем реальную стагнацию, топтание экономики на месте, о чём неоднократно заявляли российские экономисты. Это показывает и сравнение динамики ВВП России, Германии и мира (табл. 1). Экономический рост в России за 11 лет не наблюдается, в то время как ВВП Германии вырос на 15,4 %, а в мире – на 21,4 %. Доля России в мировой экономике снизилась с 2,29 % в 2010 г. до 1,75 % в 2020 г.⁴ Это также доказывает, что последние 11 лет экономика России находится в стагнации.

Таблица 1

Динамика ВВП России, Германии и мира за 2012–2022 гг., %
(составлено автором по данным Всемирного банка // The World Bank. URL: GDP (current US\$) – Russian Federation | Data (worldbank.org) (дата обращения: 01.08.2023)

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022*	Динамика ВВП за 10 лет
Германия	0,942	1,058	1,041	0,864	1,033	1,062	1,08	0,978	0,989	1,123	1,06	1,14
Россия	1,079	1,038	0,898	0,662	0,936	1,233	1,053	1,018	0,879	1,153	0,954	0,836
Мир	1,023	1,028	1,027	0,944	1,016	1,064	1,062	1,015	0,968	1,055	0,884	1,14

* За 9 месяцев 2022 г.

Что касается уровня жизни, его примерно можно определить по показателю ВВП на душу населения. В 2021 г. в России этот показатель составил 10793 долларов (в 4,81 раза меньше, чем в Германии и в 1,05 раз меньше среднемирового уровня), а за 9 месяцев 2022 г. – 14 665 долларов. То есть уровень жизни в России ниже, чем в развитых странах, и за 17 лет данная проблема не была решена (рис. 2). Отсюда напрашивается вывод о неспособности современной российской экономической системы обеспечивать стабильный рост и повышение уровня жизни. Очевидно, что без принятия необходимых мер, без изменений в экономической системе экономика продолжит стагнировать.

Экономическое развитие зависит от внутренних и внешних факторов, от глобальных мировых и внутренних тенденций функционирования государства и экономики. Важно понимать, что экономика находится на пересечении многих других важнейших институтов. Экономика, социология, право, политика – взаимозависимые части единой системы жизни общества: изменение в одной части этой системы прямо влияет на изменение в другой. Так, например, после развала СССР на геополитической арене сложилась ситуация доминирования Западного мира в лице США. Вектор силы стал однополярным, в связи с чем неугодные политике Запада страны были подвергнуты сильному экономическому и военно-политическому давлению США и их союзников. Пример – множественные военные операции в Ираке, Иране, Сирии, Ливии, Югославии. Попытки проведения цветных революций в России и Беларуси, вполне удавшаяся попытка на Украине, создающая сегодня серьёзные проблемы нашему государству. Однако с развитием других независимых держав (России, Китая, Индии) военно-политическая и экономическая гегемония США стала снижаться, подчеркнул в своём докладе эксперт международного дискуссионного клуба «Валдай», эксперт по вопросам внешней политики России и США Д. В. Суслев⁵.

⁴ The World Bank. URL: GDP (current US\$) – Russian Federation | Data (worldbank.org). (Дата обращения: 28. 10.2022; 08.11.2022; 06.11.2022).

⁵ Особенности современной внешней политики США / НИУ ВШЭ. URL: <https://we.hse.ru/interschool/news/234509023.html>. (дата обращения: 08.07.2023).

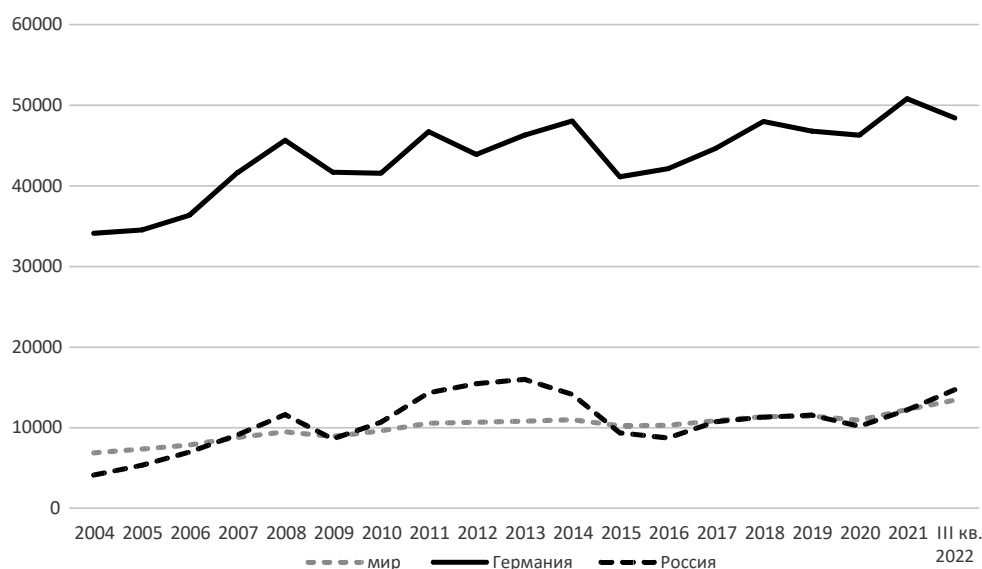

Рис. 2. ВВП на душу населения в России, Германии и мире (2004–2022 гг.) (составлено автором по данным Всемирного банка // The World Bank. URL: World Development Indicators | DataBank (worldbank.org) (дата обращения: 06.11.2022); ВВП России по годам: 1991–2022. Режим доступа: URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/> (дата обращения: 21.11.2022); Что такое ВВП и почему по его значению нельзя говорить об экономике в целом. Режим доступа: URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10974865> (дата обращения: 21.11.2022); Глобальный ВВП мира: 1980–2022. Режим доступа: URL: <http://global-finances.ru/vvp-mira-po-godam/> (дата обращения: 21.08.2023)

Кроме того, за последние 10 лет Россия стала активно заявлять о своих интересах – геополитических и в сфере безопасности. Именно поэтому экономическое сдерживание России странами Запада продолжается с новой силой.

Описывая политическую ситуацию вокруг России, необходимо понимать, что напряжение в этой сфере напрямую влияет на экономическое давление внешнего мира. Поэтому интересен анализ инвестиционного климата как проявление реакции внешнего мира на российскую экономику. Начнём с анализа данных ЦБ РФ. Остатки прямых иностранных инвестиций (2010–2023 гг.), млрд долл.: 2010 – 377,447 ; 2011 – 488,993; 2012 – 454,949; 2013 – 514,926; 2014 – 565,654; 2015 – 471,491; 2016 – 347,69; 2017 – 477,67; 2018 – 529,644; 2019 – 497,366; 2020 – 586,994; 2021 – 539,747; 2022 – 692,156; апрель 2023 – 402,426 (составлено нами по данным ЦБ РФ // http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/#highlight=2022%7C%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BC%D1%8B%D1%85%7C%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 21.11.2022); http://www.cbr.ru/statistics/macroitm/svs/p_balance/ (дата обращения: 14.09.2023).

Отметим, что в I квартале 2022 г. остатки ПИИ в Россию выросли, во II квартале приток ПИИ оказался отрицательным, а в III квартале – вновь положительным. Опираясь на данные ЦБ, представим динамику ПИИ в РФ с 2007 по 2021 г. (рис.3).

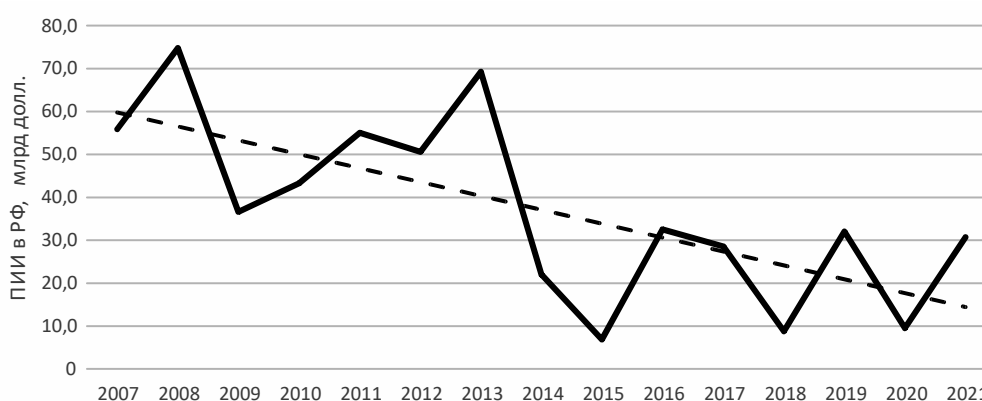

Рис. 3. ПИИ в Россию (— — тренд) (составлено автором по данным Центробанка России // Статистика внешнего сектора. Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/21-dir_inv.xlsx) (дата обращения: 06.07.2023)

При проведении линии тренда видно, что ПИИ в России с 2007 г. уменьшаются. Анализируя рис. 3 и представленные выше данные, несложно заметить, что после введения Западом санкций в 2014 г. ПИИ снизились с 69,2 млрд долларов в 2013 г. до 6,8 млрд долларов в 2015 г. (на 90,2 %⁶); в то же время ВВП сократился с 2292,5 до 1363,5 млрд долларов (на 40,5 % относительно 2013 г.). Наблюдается прямая связь между уменьшением ПИИ и снижением ВВП, следовательно, России необходимо увеличивать инвестиционную привлекательность. Благодаря ПИИ реинвестируются доходы иностранного сектора, происходит наращивание основных фондов и передача нематериальных активов (технологий, информации и т. д.). ПИИ достаточно важны для дальнейшего развития экономики России, это подтверждают исследования выборки (табл. 2), в которой ПИИ являются факторным признаком, а ВВП – результативным. С помощью формулы КОРРЕЛ в Excel нами вычислен коэффициент корреляции. В данной выборке он равен 0,6743, что говорит о положительной умеренной связи между ПИИ и ВВП России.

Таблица 2

Прямые иностранные инвестиции и ВВП России с 2010 по 2022 г.*

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
ПИИ, млрд долл.	43,2	55,1	50,6	69,2	22,0	6,9	32,5	28,6	8,8	32,0	9,5	30,7	-19
ВВП, млрд долл.	1 524,9	2 045,9	2 208,3	2 292,5	2 059,2	1 363,5	1 276,8	1 574,2	1 657,3	1 687,4	1 483,5	1 710,0	1674

* Составлено автором по данным Центробанка России // Статистика внешнего сектора. Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/directinvestment/21-dir_inv.xlsx (дата обращения: 06.04.2022) и Всемирного банка // The World Bank. URL: GDP (current US\$) Russian Federation | Data (worldbank.org) (дата обращения: 01.04.2022). <https://lenta.ru/news/2023/07/06/ininvesticii/> (дата обращения: 14.09.2023).

⁶ The World Bank. URL: GDP (current US\$) – Russian Federation | Data (worldbank.org). (дата обращения: 28. 10.2022; 08.11.2022; 06.11.2022).

Из приведённых фактов следует, что на фоне политико-экономического давления на Россию ПИИ нестабильны и последние 14 лет имеют тенденцию к снижению, что влияет на уменьшение ВВП в долларовом эквиваленте. Безусловно, ПИИ не единственный фактор, влияющий на экономический рост России, но в современном мире он имеет важное значение, и его недостаток – это одна из причин разрастания кризисных явлений в экономике России.

Внутренние источники передового производства

Недостаток ПИИ отчасти влияет на развитие высоких технологий в России. А что касается недостатка вложений в НИОКР, это проблема иного характера, так как её последствия в долгосрочной перспективе значительны. На протяжении десятилетий Россия отстает в развитии передового производства (далее – ПП). Реалии российской экономики показывают, что всего около 1 % ВВП приходится на вложения в НИОКР – это большое упущение российской экономики, учитывая, что даже развитые страны неуклонно наращивают вложения в НИОКР (рис. 4). Так, Япония увеличила вложения в НИОКР с 2,9 % от ВВП в 2000 г. до 3,2 % в 2018 г.; в Китае за аналогичный период этот показатель вырос с 0,9 до 2 %; в Германии – с 2,4 до 3,1 % от ВВП⁷. По мнению зарубежных исследователей [10, с. 1572], влияние технологических возможностей на инвестиции в НИОКР различается в зависимости от положительных и отрицательных потрясений и может быть основой для принятия решений в области НИОКР.

Результаты показывают, что технологические возможности усиливают эффект внутреннего денежного потока и вызывают волатильность инвестиций в НИОКР, когда продажи превышают таковые в предыдущем году – это позитивные потрясения. Однако технологические возможности компенсируют эффект внутреннего денежного потока и вызывают постоянство инвестиций в НИОКР, когда объём продаж снижается по сравнению с объёмом в предыдущем году – это негативные потрясения. Из сказанного следует, что инвестиции зависят в первую очередь от технологических возможностей каждой фирмы. Отставание России по данному показателю подтверждает, что наша экономическая система на данный момент не направлена на создание собственных высоких технологий (см. рис. 4).

Расходы на НИОКР играют ключевую роль в технологическом развитии экономики, способствуют увеличению независимости от импортных технологий и оборудования. Несомненно, ИКТ, микроэлектроника, аддитивное производство, биотехнологии, точное машиностроение задают вектор современного экономического развития. К сожалению, Россия проигрывает мировую конкурентную борьбу на этих рынках развитым странам. Так, свыше 40 % товарного импорта в России – машины, оборудование, транспорт – продукты, в производстве которых используются точное машиностроение, ИКТ, микроэлектроника, т. е. технологически ёмкие компоненты⁸. Это говорит о сильной зависимости России от импорта технологий и оборудования. Вспоминая теорию Домара, Харрода, отметим, что современные зарубежные исследователи изучали связь инноваций и производительности. Выполнив анализ на выборке испанских производственных компаний за три года, они выяснили, что на первом этапе необходимо оценивать эффек-

---

⁷ Статистика внешнего сектора / Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/21-dir_inv.xlsx (дата обращения: 09.11.2022).

⁸ Россия на рынках передового производства. М.: Издат. дом Высшая школа экономики, 2021. С. 9.

тивность технологических инноваций на основе глобального индекса Малмквиста. На втором этапе проанализировано влияние эффективности технологических инноваций на деятельность фирмы с помощью обобщённого метода моментов. Результаты подтверждают аргументы в пользу того, что наилучшее измерение результатов технологических инноваций – это эффективность, с которой они разрабатываются [11, с. 1243]. Кроме того, отмечено незначительное влияние уровня технологической активности и размера фирмы на соотношение эффективности и производительности [12, с. 278].

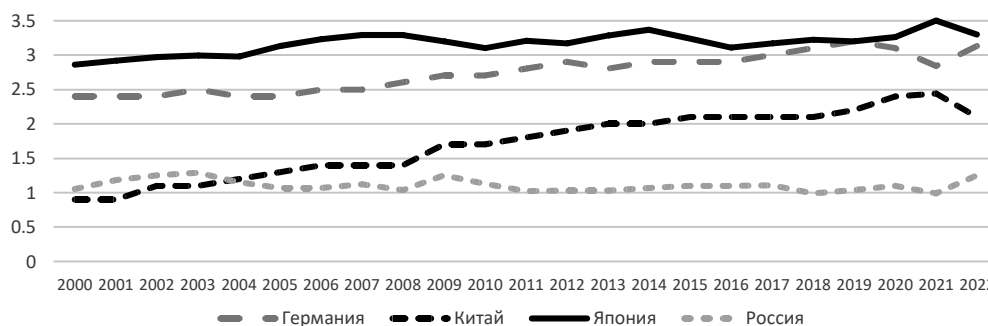

Рис. 4. Расходы на НИОКР, % от ВВП (составлено автором по данным Всемирного банка // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?locations=RU>. The World Bank Research and development expenditure (% of GDP) – Russian Federation, China, Germany, Japan | Data (worldbank.org); 2022 Global Funding Forecast: R&D variants cover more than the pandemic – Research & Development World (rdworldonline.com); Global R&D Funding Forecast 2021 Released (therobotreport.com) (дата обращения: 21.07.2023)

В рамках современного исследования становится очевидным, что в условиях снижения реальных доходов населения, падения предельной склонности к сбережению и предельной производительности применяемого капитала нельзя рассчитывать на увеличение и даже на сохранение имеющихся темпов прироста капитала. Поэтому важно найти способ выхода из сложной экономической ситуации для нашей страны. Рассмотрим экспортно-импортную составляющую.

Структура экспорта-импорта и экономический рост

Ещё одно подтверждение технологического отставания России – незначительная доля на рынках передового производства. Например, при типе рынка Индустрия 3.0 на мировом рынке электроники доля Китая – 14,3 %; Тайваня – 10,8 %; России – 0,1 %. На мировом рынке ИКТ Китай имеет долю 37,8 %; США – 7,5 %; Россия – 0,2 %. При типе рынка Индустрия 4.0 на мировом рынке аддитивного производства Германия имеет долю 23,4 %; Китай – 15,9 %; Россия – около 0,1 %. На мировом рынке биотехнологий Швейцария занимает 16,5 %; Германия – 15,8 %; Бельгия – 9,4 %; Россия – около 0,1 %⁹. Всё это делает отечественную экономику технологически зависимой.

Технологическое отставание РФ влияет и на структуру экспорта. Анализируя данные таможенной статистики внешней торговли, представленные Федеральной таможенной службой, можно заметить явный сырьевой характер отечественного экспорта (рис. 5). Так, с 2006 по 2014 г. доля топливно-энергетических товаров в товарном экс-

⁹ Товарная структура импорта. Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/folder/521> (дата обращения: 14.09.2023).

порте России приблизительно равнялась 70 %¹⁰. Это доказывает, что Россия имеет сырьевую специализацию в международном разделении труда, обусловленную наличием огромных минеральных запасов и технологическим отставанием от развитых стран.

Рис. 5. Нефтегазовый экспорт и нефтегазовые доходы федерального бюджета (составлено автором по данным Федеральной таможенной службы // Документы ТСВТ. Федеральная таможенная служба. URL: <http://stat.customs.gov.ru/documents> (дата обращения: 13.11.2022); по данным Центробанка России // Экспорт Российской Федерации сырой нефти. Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 13.11.2022) и данным Минфина // URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/12/main/2021-2023.pdf>; https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=38145-o_srednei_tsene_na_neft_marki_urals; <https://customs.gov.ru/press/federal/document/306947?ysclid=lapg3yudqii684831246> (дата обращения: 14.09.2023)

Более того, от нефтегазовой экспортной выручки зависит доходная часть федерального бюджета России (см. рис. 5). Размер выручки, в свою очередь, зависит от физического объёма экспорта нефти и газа и рыночной цены на них. То есть конъюнктура нефтегазового рынка сильно влияет на размер нефтегазовых поступлений в бюджет. О так называемой нефтяной игле неоднократно заявляли именитые российские экономисты и политики. Проводя анализ данных ЦБ РФ об экспорте нефти, отметим нестабильность средних экспортных цен на данный ресурс¹¹, что, в свою очередь, ведёт к нестабильности нефтегазовых доходов федерального бюджета (рис. 6).

Продолжая тему «нефтяной иглы», посмотрим, как объём экспорта углеводородов влияет на экономический рост в России. На рис. 7 видно, что при падении объёма минерального экспорта происходит снижение ВВП. Так, например, в 2008 г. объём экспорта минеральных товаров уменьшился на 30 %, а ВВП – на 8 %. Также можно заметить влияние сокращения экспорта углеводородов на рецессию ВВП в 2014 г. На графике видна прямая зависимость между объёмом минерального экспорта и ростом ВВП. Это говорит о том, что десятилетняя стагнация ВВП связана не только с технологической отсталостью и

¹⁰ Документы ТСВТ. Федеральная таможенная служба. URL: <http://stat.customs.gov.ru/documents>. (дата обращения: 13.11.2022).

¹¹ Экспорт Российской Федерации сырой нефти / Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.

нехваткой ПИИ, но и с фактором «нефтяной иглы». Современная экономическая система должна быть диверсифицированной и гибкой, чтобы минимизировать влияние изменения конъюнктуры рынка или экономических потрясений на экономический рост и уровень благосостояния граждан. Мы согласны с мнением экономистов, которые, исследуя особенности национальных моделей экономического роста, пришли к выводу о необходимости учёта таких особенностей при построении экономической политики страны и меж-страновых отношений в рамках, например Евразийского союза [13, с. 264].

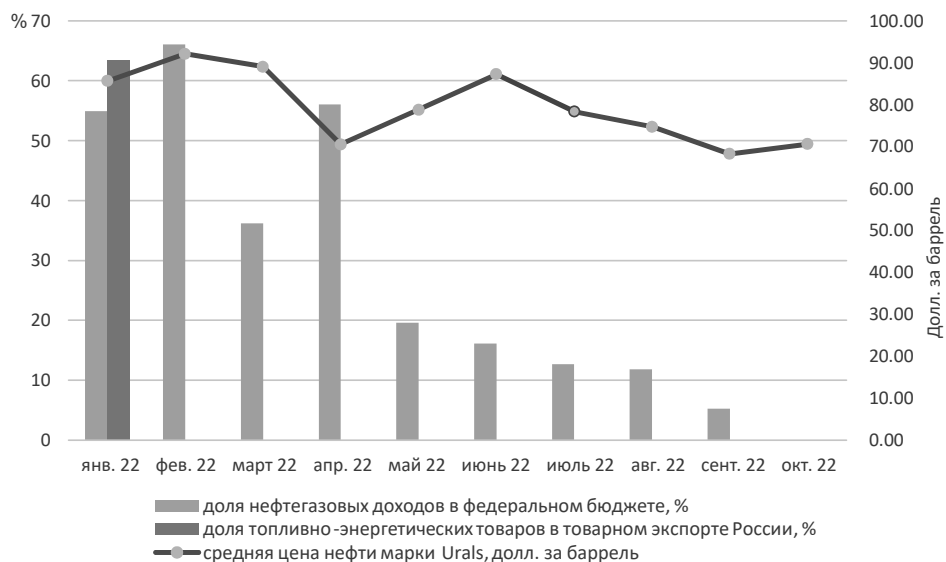

Рис. 6. Доля нефтегазовых доходов в Федеральном бюджете с января по октябрь 2022 г. (составлено автором по данным Федеральной таможенной службы // Документы ТСВТ. Федеральная таможенная служба. URL: <http://stat.customs.gov.ru/documents> (дата обращения: 13.11.2022); Росстата // ВВП годы (с 1995 г.); Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995.xls (дата обращения: 14.09.2023))

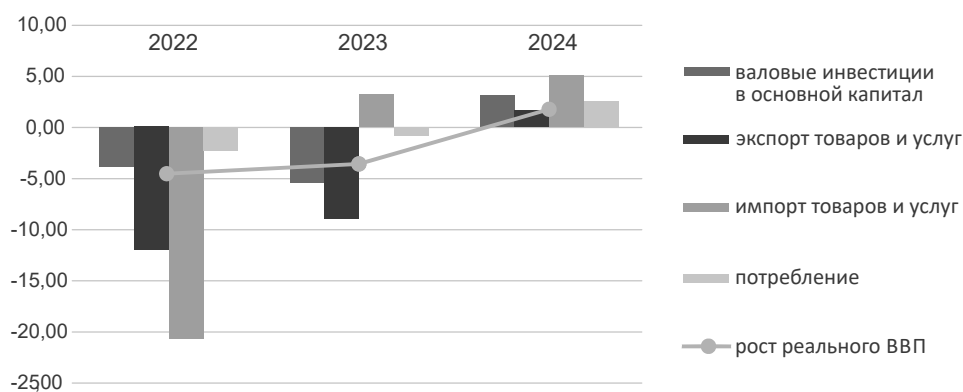

Рис. 7. Рост реального ВВП РФ и его структура на 2022–2024 гг. (Росстат и World Bank // Europe and Central Asia Economic Update. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/europe-and-central-asia-economic-update>) (дата обращения: 02.09.2023)

По данным Всемирного банка, положительный рост реального ВВП (1,65 %) будет достигнут в 2024 г. Потребление частного сектора в 2024 г. также достигнет положительного результата (1,6 %). В потреблении государственного сектора с 2022 по 2024 г. происходит снижение показателей, в 2024 г. потребление будет «восстановлено» (2,6 %). Валовые инвестиции в основной капитал наберут положительное движение тоже к 2024 г. (3,2 %). Аналогичная ситуация с экспортом, рост которого в 2024 г. составит 1,6 %, рост импорта уже в 2023 г. достигнет 3,3%.

Умеренный рост ВВП ожидается в 2024 г. при восстановлении внутреннего спроса и экспорта. Ожидается, что рост будет очень низким, поскольку Россия утратила доступ к ключевым источникам производительности. Инфляция потребительских цен вырастет до 13,9 % в течение 2022 г. и останется выше целевого показателя Центрального банка РФ (4 %).

Как показывают расчёты, сделанные на базе данных Росстата и Мирового банка, после существенного спада в 2022 г. начнётся постепенный рост в 2023–2024 гг., который в значительной мере восстановит ситуацию, сложившуюся к началу 2022 г. (см. рис. 7). Отчасти этому будут способствовать сильно выросшие за 2022 г. цены на нефть и газ (рис. 8).

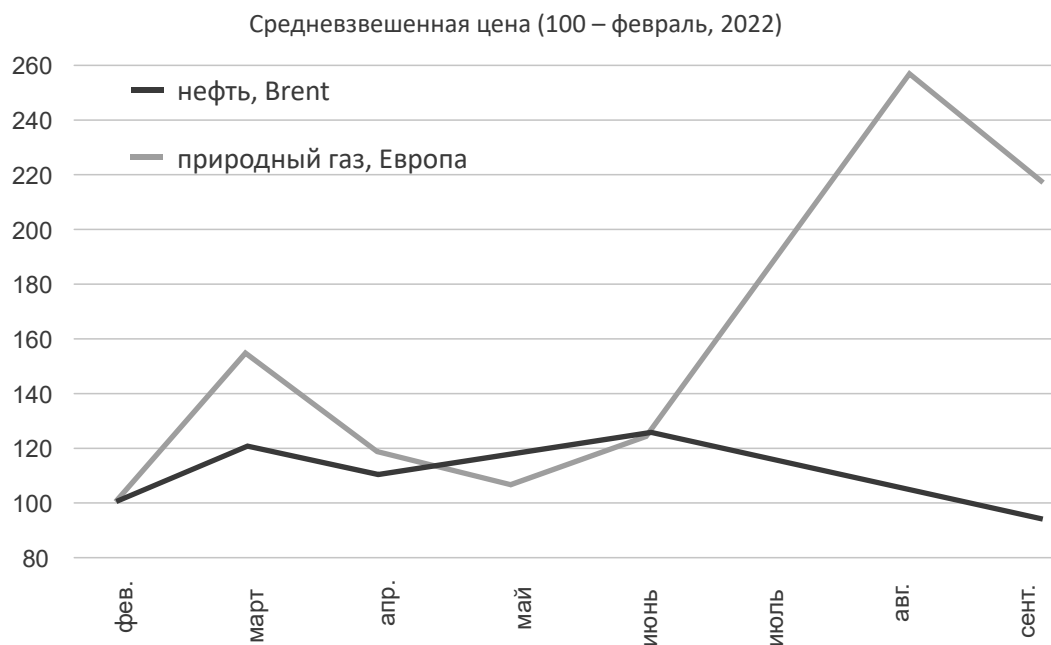

Рис. 8. Изменения цен на нефть и газ с февраля по сентябрь 2022 г. (источник: Global Monthly, October 2022. P. 2.)

Однако в результате санкций, введённых против России в 2022 г., и наших контрсанкций инфляция в Европе приобрела колоссальные размеры. По расчётам Всемирного банка, в сентябре 2022 г. она превысила 10 %. Ниже (рис. 9) приведены данные по инфляции в Германии за последние 25 лет.

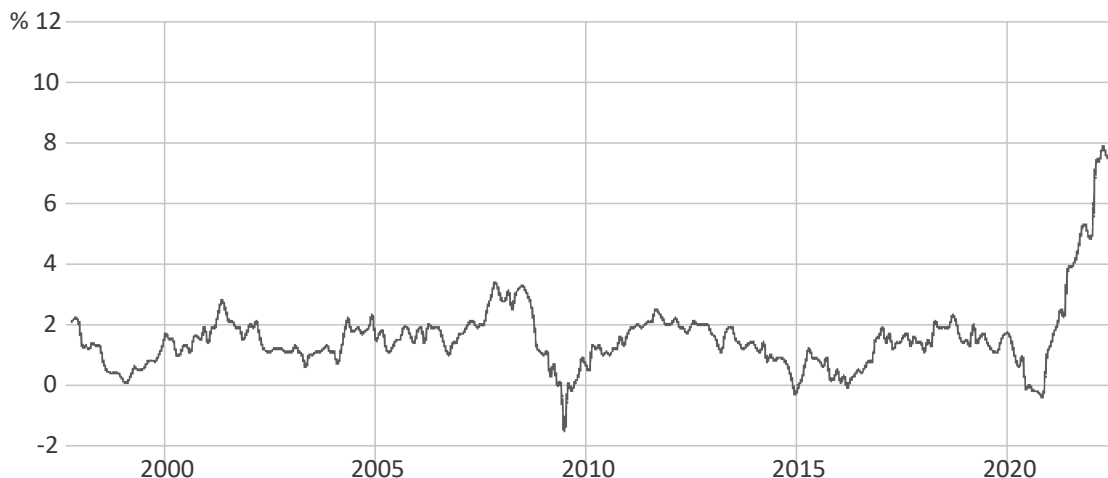

Рис. 9. Инфляция в Германии (источник: Сайт Бундесбанка. URL: <https://www.bundesbank.de/en>) (дата обращения: 05.07.2023)

Воздействие неэнергетических факторов оказалось ещё более существенным (рис. 10).

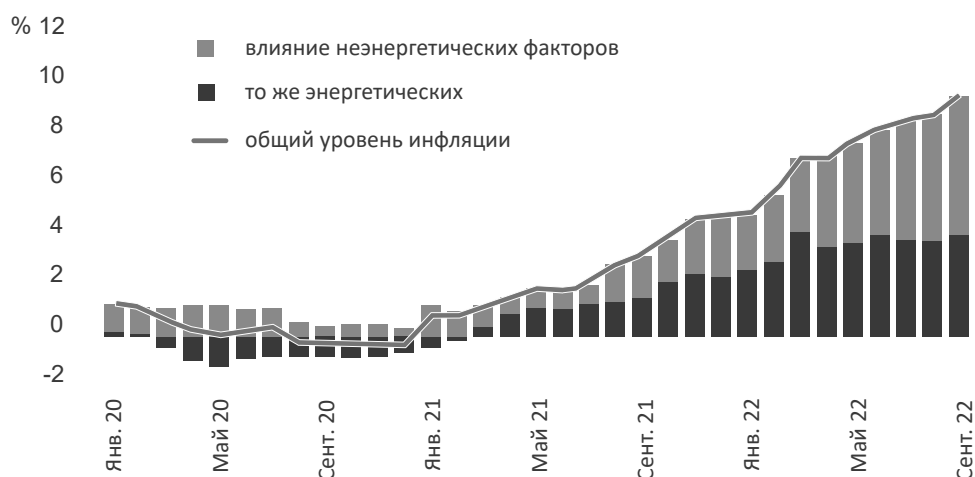

Рис. 10. Инфляция в Евроне, январь 2020 – сентябрь 2022 г. (источник: Global Monthly, October 2022. P. 4)

Не удивительно, что глобальный экономический рост в 2022 г. имеет ярко выраженную тенденцию к снижению, а инфляция – к росту. Это создаёт предпосылки новой рецессии, и прогнозы роста глобальной экономики на следующий год понижаются, что не случайно. Опыт предыдущих рецессий показывает, что их начало было подготовлено снижением темпов экономического роста.

Ожидаемое ужесточение денежно-кредитной политики, к сожалению, оказалось неспособно снизить инфляцию. И хотя мнения ведущих экономистов раздели-

лись, все согласны с тем, что даже если мировая экономика избежит рецессии в 2023 г., она испытает резкое замедление (рис. 11).

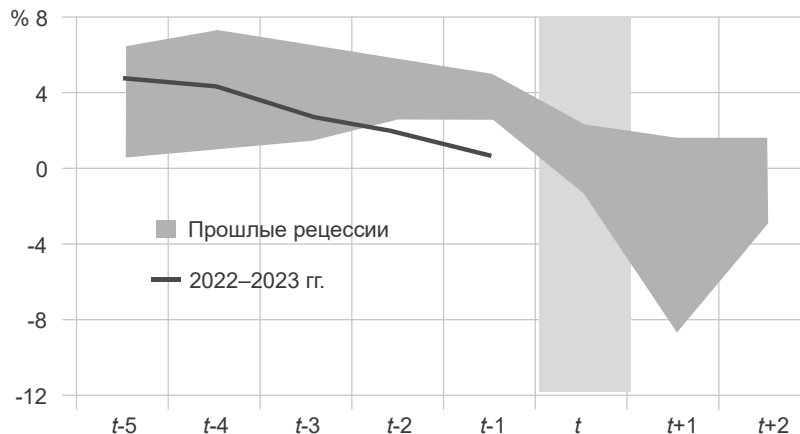

Рис. 11. Рост мирового ВВП в период глобальной рецессии (источник: Global Monthly, October 2022. P. 5)

Поэтому необходимо использовать все доступные меры, чтобы снизить инфляцию и замедлить резкое падение экономического роста. Это позволит вернуться к траектории развития мирового ВВП. Пандемия-2019, хотя и замедлила темпы роста, но не отменила наметившуюся ранее тенденцию. События 2022 г. привели к существенному отклонению мировой экономики от намеченного курса (рис. 12).

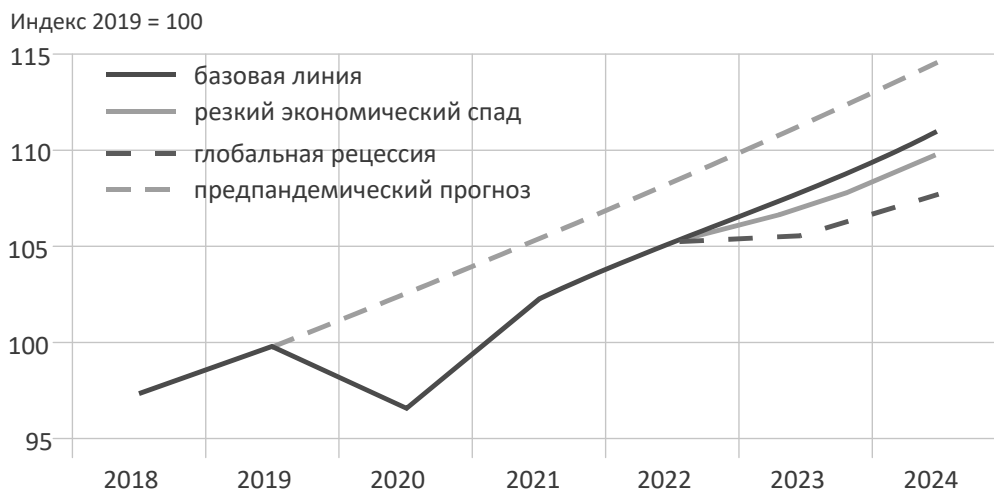

Рис. 12. Эволюция мирового ВВП, 2018–2024 гг. (источник: Global Monthly, October 2022. P. 6)

Чтобы вывести экономику России из длительной стагнации, необходимо пересмотреть вектор её развития, поскольку сырьевой ориентир РФ в мировом разделении труда не может обеспечить стабильного экономического роста и уровня благо-

состояния граждан [14–16]. Добавим, что любое производство должно обладать конкурентными преимуществами перед китайской технологией. Хотя у России по-прежнему остаётся возможность перехода к несырьевому характеру экспорта, создания товаров с высокой добавленной стоимостью, переработки сырьевых товаров и продажи товаров конечного использования (не просто нефти, а продуктов её переработки до бензина, керосина, полипропилена и прочих химических товаров). Для этого следует создавать такие производства, повышать их рентабельность, оптимизировать затраты, увеличивать производительность труда работников. Всё это невозможно без развития точного машиностроения, микроэлектроники, IT-технологий, аддитивного производства, биотехнологий. Значит, на данное направление надо привлечь больше финансовых ресурсов со стороны как государства, так и частного сектора. Это возможно за счёт создания крупномасштабного фонда развития высоких технологий из части доходов от экспорта углеводородов. Правительство РФ должно наладить общение с крупным, средним и малым бизнесом для выявления потребностей в конкретных технологиях и ресурсах. Именно предприниматели должны внедрять высокие технологии. Помимо этого, государству следует детально изучить барьеры, мешающие развитию МСП в регионах, и принять меры по развитию МСП: выделить гранты, субсидии, беспроцентные кредиты предпринимателям, ведущим наиболее важный для региона бизнес, работающим на импортозамещение и пр. Государственный аппарат обязан проработать вопрос среды ведения бизнеса в России. Это касается коррупционной, мошеннической, налоговой и патентной составляющих. Новая политика государства в отношении бизнеса должна стать одним из способов борьбы с экономическими проблемами.

Посмотрим на решение проблемы под другим углом. В аналитическом отчёте «Global wealth report 2021» крупного швейцарского банка *Crédit Suisse* приведены следующие факты: на протяжении 20 лет 1 % россиян принадлежало свыше 55 % национального богатства, в то время как 1 % японцев принадлежало около 20 % национального богатства, а 1 % немцев – около 30 %. Это говорит об экономической дифференциации населения, что является прямым следствием экономических реформ в начале российской государственности. Данный факт тормозит развитие бизнеса в России, так как 99 % россиян принадлежит около 45 % всех благ, т. е. у 99 % россиян очень мало ресурсов для открытия собственного бизнеса. Решить проблему можно за счёт перехода к прогрессивной ставке налогообложения [17, с. 50]. Для этого необходимо через механизмы государственного перераспределения сверхвысокие доходы одного процента граждан направить на развитие регионов и экономики в целом. Есть и другая проблема, которую не решить только перераспределением налогов [18, с. 112].

Отметим, что существует множество путей выхода из сложного экономического положения, но самое верное и надёжное – реализация принципа диалога государства и бизнеса, государства и общества, вследствие чего государственное вмешательство в экономику должно стать чётким и эффективным, а изменения в экономике и обществе – прогрессивными. Необходимо использовать новые достижения управленческой мысли в области регионоведения, резервы институционального подхода [19, с. 22]. Возможно использование принципов проектирования управления местными коллективными ресурсами Эленор Остром – нобелевского лауреата в области экономики «за анализ экономического управления». По сути, в её труде речь идёт о том, как общая собственность может успешно управляться группами людей [20]. Предложено восемь принципов, основанных на установлении права на ресурс, меха-

низме коллективного принятий решений и наличии санкций за нарушение правил пользования ресурсом. Эленор Остром и Оливер Уильямсон получили Нобелевскую премию за успешное управление людьми, а не правительствами, т. е. без государственного регулирования лесами, землями, рыбными запасами, месторождениями полезных ископаемых, пастбищами. Этому надо учиться. И чем быстрее это произойдет в регионах, тем скорее мы увидим положительные проявления предложений институционального направления управленческой мысли. Здесь не может быть единого правительства учреждения на федеральном уровне по выработке коллективных действий. Э. Остром рекомендует полицентрический подход, предполагающий принятие основных управленческих решений непосредственными участниками и как можно ближе к месту событий. Созданные коллективы принятия решений в наших регионах вполне могут с этим справиться.

И второй, не менее важный момент: в условиях преимущественно военной направленности отечественного промышленного производства, на наш взгляд, необходимы диверсификация газовой промышленности (в сторону централизации) и цифровизация. Последние перечисленные моменты совершенствования отечественного производства должны привести к повышению фондоотдачи капитала или его предельной производительности, и как результат – к наращиванию темпов экономического роста.

Список литературы

1. Черняев, А. Подход оптимального управления в задачах о распределении дохода на потребляемую и инвестируемую части / А. Черняев // Достижения в области системных наук и приложений. – 2022. – № 22 (2). – С. 109–119. <https://doi.org/10.25728/assa.2022.22.2.1257>.
2. Tarasova V., Tarasov V. (2016) Fractional Dynamics of Natural Growth and Memory Effect in Economics European Research. European Research, 12(23), pp. 30–37.
3. Bevan A. A., Estrin S. (2004) The Determinants of Foreign Direct Investment into European Transition Economies. Journal of Comparative Economics, 32(4), pp. 775–787.
4. Gligorić D., Borović Z., Vujanić V. (2017) Impact of Foreign Direct Investment on the Economic Growth: The Case of Commonwealth of Independent States. Proceedings of the Faculty of Economics in East Sarajevo, 15, pp. 23–35.
5. Ashurov S., et al. (2020) The Determinants of Foreign Direct Investment in Central Asian Region: A Case Study of Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Uzbekistan (A Quantitative Analysis Using GMM). Russian Journal of Economics, 6, pp. 162–170.
6. Hrechyshkina O., Samakhavets M. (2018) Importance of Foreign Direct Investment in Financing for Innovative Development of the Republic of Belarus. Marketing and Management Innovation, 4, pp. 339–348.
7. Burakov D., Intse M., Freidin M. (2018) Energy Consumption, Energy Consumption, Trade, Openness and Exchange Rate Impact on Foreign Direct Investment in Union State of Russia and Belarus. International Journal of Energy Economics and Policy, 4(8), pp. 77–82.
8. Бузгалин, А. В. Рост и/или развитие: специфика российской экономической модели / А. В. Бузгалин, К. Хубиев, И. М. Теняков, А. Заздравных // Общество и экономика. – 2021. – № 12. – С. 16–44.

9. Катукон, Д. Д. Фактор созидательного разрушения в современных моделях и политике экономического роста / Д. Д. Катукон, В. Е. Малыгин, Н. В. Смородинская // Вопросы экономики. – 2019. – № 7. – С. 95–118.
10. Kang T., Baek C., Lee J. (2017) The Persistency and Volatility of the Firm R&D Investment: Revisited from the Perspective of Technological Capability. *Research Policy*, 46(9), pp. 1570–1579.
11. Cruz-Cázares C., Bayona-Sáezb C., García-Marco T. (2013) You Can't Manage Right What You Can't Measure Well: Technological Innovation Efficiency. *Research Policy*, 42 (6-7), pp. 1239–1250.
12. Vlasov S. V. (2021) Strategic Priorities of Regional Investment Policy for Advanced Technological Development (The Case of Sverdlovsk Region in Russia). *R-Economy*, 4(7), pp. 276–288.
13. Sukharev O. S., Voronchikhina E. N. (2021) Comparative Structural Analysis of Economic Growth in Countries of the Eurasian Economic Union. *R-Economy*, 4(7), pp. 244–265.
14. Николайчук, О. А. Прошлое и настоящее рентных отношений в России / О. А. Николайчук // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Экономика. – 2003. – № 3 (21). – С. 67–76.
15. Николайчук, О. А. Возможна ли инновационная экономика в России? / О. А. Николайчук // Финансовый журнал. – 2011. – № 1 (7). – С. 63–72.
16. Николайчук, О. А. Отношения собственности и земельная рента / О. А. Николайчук // Государственный университет Минфина России. Финансовый журнал. – 2012. – № 4 (14). – С. 41–46.
17. Pugachev A. A. (2022) Taxation-Based Indicators as a Measure of Income Inequality in Russian Regions. *Journal of Tax Reform*, 8(1), pp. 40–53.
18. Suvorova A. V. (2022) Territorial Capital of Russian Regions and Its Spatial Organization. *R-Economy*, 8(2), pp. 106–119.
19. Нуреев, Р. М. Регионалистика: резервы институционального подхода / Р. М. Нуреев // *Terra Economicus*. – 2009. – Т. 7, № 2. – С. 18–41.
20. Остром, Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. / Э. Остром – 2-е изд. – М.; Челябинск: Социум, 2020. – 449 с.

References

1. Chernyaev A. (2022) Podkhod optimal'nogo upravleniya v zadachakh o raspredelenii dokhoda na potrebyayemuyu i investiruyemuyu chasti [Optimal Control Approach to Problems of Income Distribution into Consumed and Invested Parts]. *Achievements in Systems Science and Applications*, 22(2), pp. 109–119. <https://doi.org/10.25728/assa.2022.22.2.1257>
2. Tarasova V., Tarasov V. (2016) Fractional Dynamics of Natural Growth and Memory Effect in Economics European Research. *European Research*, 12(23), pp. 30–37.
3. Bevan A. A., Estrin S. (2004) The Determinants of Foreign Direct Investment into European Transition Economies. *Journal of Comparative Economics*, 32(4), pp. 775–787.
4. Gligorić D., Borović Z., Vujanić V. (2017) Impact of Foreign Direct Investment on the Economic Growth: The Case of Commonwealth of Independent States. *Proceedings of the Faculty of Economics in East Sarajevo*, 15, pp. 23–35.
5. Ashurov S., et al. (2020) The Determinants of Foreign Direct Investment in Central Asian Region: A Case Study of Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Uzbekistan (A Quantitative Analysis Using GMM). *Russian Journal of Economics*, 6, pp. 162–170.

6. Hrechyshkina O., Samakhavets M. (2018) Importance of Foreign Direct Investment in Financing for Innovative Development of the Republic of Belarus. *Marketing and Management Innovation*, 4, pp. 339–348.

7. Burakov D., Intse M., Freidin M. (2018) Energy Consumption, Trade, Openness and Exchange Rate Impact on Foreign Direct Investment in Union State of Russia and Belarus. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 4(8), pp. 77–82.

8. Buzgalin A. V., Khubiev K., Tenyakov I. M., Zazdravnykh A. (2021) Rost i/ili razvitiye: spetsifika rossiyskoy ekonomicheskoy modeli [Growth And/or Development: Specifics of the Russian Economic Model]. *Society and Economics*, 12, pp. 16–44.

9. Katukov D. D., Malygin V. E., Smorodinskaja N. V. (2019) Faktor sozidatel'nogo razrusheniya v sovremennykh modelyakh i politike ekonomicheskogo rosta [The Factor of Creative Destruction in Modern Economic Growth Models and Growth Policy]. *Questions of Economics*, 7, pp. 95–118.

10. Kang T., Baek C., Lee J. (2017) The Persistency and Volatility of the Firm R&D Investment: Revisited from the Perspective of Technological Capability. *Research Policy*, 46(9), pp. 1570–1579.

11. Cruz-Cázares C., Bayona-Sáez C., García-Marco T. (2013) You Can't Manage Right What You Can't Measure Well: Technological Innovation Efficiency. *Research Policy*, 42 (6-7), pp. 1239–1250.

12. Vlasov S. V. (2021) Strategic Priorities of Regional Investment Policy for Advanced Technological Development (The Case of Sverdlovsk Region in Russia). *R-Economy*, 4(7), pp. 276–288.

13. Sukharev O. S., Voronchikhina E. N. (2021) Comparative Structural Analysis of Economic Growth in Countries of the Eurasian Economic Union. *R-Economy*, 4(7), pp. 244–265.

14. Nikolaichuk O. A. (2003) Proshloye i nastoyashcheye rentnykh otnosheniy v Rossii [The Past and the Present of Rent Relations in Russia]. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 3 (21), pp. 67–76.

15. Nikolaichuk O. A. (2011) Vozmozhna li innovatsionnaya ekonomika v Rossii? [Can Russia Build an Innovation Economy?]. *Financial Journal*, 1(7), pp. 63–72.

16. Nikolaichuk O. A. (2012) Otnosheniya sobstvennosti i zemel'naja renta Moscow: Gosudarstvennyy universitet Minfina Rossii. *Finansovyy zhurnal. № 4 (14)*. S. 41–46.

17. Pugachev A. A. (2022) Taxation-Based Indicators as a Measure of Income Inequality in Russian Regions. *Journal of Tax Reform*, 8(1), pp. 40–53.

18. Suvorova A. V. (2022) Territorial Capital of Russian Regions and Its Spatial Organization. *R-Economy*, 8(2), pp. 106–119.

19. Nureyev R. M. (2009) Regionalistika: rezervy institutsional'nogo podkhoda [Regionalism: Reserves of the Institutional Approach]. *Terra Economicus*, 7(2), pp. 18–41.

20. Ostrom E. (2020) *Upravlyaya obshchim. Evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatelnosti* [Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Actions]. 2nd edition. Moscow, Chelyabinsk: Sotsium. 449 p.

O. A. Nikolaichuk¹². Economic Growth of Russia in the Context of Global Transformation. The causes and consequences of unstable economic growth in modern Russia are revealed against the background of a decrease in investment activity and, as a result, living standards. The dynamic indicators of GDP, including per capita, R&D expenditures, are analyzed, special attention is paid

---

¹² *Olga A. Nikolaichuk*, Professor of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russia), Doctor of Economics, e-mail: OANikolaichuk@fa.ru

to the prolonged stagnation of GDP and the lag of this indicator from developed countries. The problems of reducing FDI and their instability over the past 14 years are noted. The correlation coefficient is calculated, reflecting a positive moderate relationship between FDI and Russia's GDP. The reduction of R&D costs, Russia's technological lag, the consequences of using the "oil needle", the underdevelopment of SMEs are factors that hinder stable economic growth, the development of domestic technologically intensive production and the increase in the welfare of citizens. In order to get the Russian economy out of long-term stagnation, it is proposed to revise the vector of economic development from raw materials to processing industries of raw materials and the sale of end-use goods, not just oil, but its processed products to gasoline, kerosene, polypropylene and other chemical goods with cost optimization and an increase in employee productivity. It is proposed to do this by creating a large-scale fund for the development of high technologies from part of the income from the export of hydrocarbons. The state apparatus as a whole should work out the issue of the business environment in Russia. This concerns the corruption, patent, fraudulent, tax component in this area. The new state policy towards business should become one of the ways to combat economic problems. It is proposed to switch to a progressive tax rate and, through the mechanisms of state redistribution of ultra-high incomes of one percent of citizens, direct them to the development of regions and the economy as a whole. It is concluded that the solution to the problem of the breakthrough of the domestic economy lies in the search for a dialogue between the state and business, the state and society, the use of new achievements of managerial thought in the field of regional studies, reserves of the institutional approach.

Keywords: stagnation of GDP, economic crisis, foreign direct investment, technological lag, "oil needle", structure of imports and exports, SMEs, economic differentiation of the population, institutional approach.

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-106-112

В. Б. Сироткин¹

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ К ИННОВАЦИЯМ В СУВЕРЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: СОГЛАСОВАНИЕ ТРЕБОВАНИЙ КОНТРОЛЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ

Рассмотрена проблема приспособления к инновациям при расширении государственного контроля в экономике. Указано на необходимость гибкого сущностного регулирования для обеспечения сбалансированности между необходимостью контроля и требованиями эффективности и инновационности.

Ключевые слова: инновация, регулирование, контроль, эффективность, синергия, энтропия.

УДК 330.352

Предварительные замечания

1. Известный предприниматель, бизнес-консультант и эксперт по управлению изменениями Ицхак Адизес (р.1937) утверждает [1,2]:

а) Организация погибает, если она не нацелена на результат, а находится во власти полного контроля и занята выполнением инструкций и правил. Этап смерти может быть отложен, если у компании существует монополия на рынке или есть поддержка государства.

б) В зрелом возрасте возникают проблемы патологии, негативно влияющие на судьбу организации. Одна из опасных патологий – страх руководства потерять контроль над ситуацией. При чрезмерном контроле утрачивается способность организации приспособливаться к изменениям. Застывшая организация не способна развиваться².

в) Спасти компанию от старения можно за счёт реструктуризации и децентрализации с максимальной поддержкой предпринимательской функции. Своевременные «инъекции» в организационную структуру и гибкость – рычаги к успешному бизнесу. Важно научиться контролировать, но при этом сохранять гибкость.

2. Известный австрийский экономист Йозеф Шумпетер (1883–1950), сторонник идеи «созидательного разрушения»³, утверждал [3]:

---

¹ Владислав Борисович Сироткин, профессор кафедры бизнес-информатики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (190000, РФ, Санкт-Петербург, ул. Б. Морская, 67), д-р экон. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, e-mail: jaette@mail.ru

² В СССР в начале 1960-х гг. экономистами была сформулирована проблема, получившая название «Согласование плана и хозрасчета». Была предпринята попытка предоставить самостоятельность государственным предприятиям – часть сверхплановой прибыли оставляли в распоряжении предприятия.

³ Сегодня концепция «созидательного разрушения» признана наиболее авторитетной при обосновании инноваций.

а) Рынки пассивно стремятся к равновесию до тех пор, пока не исчезнут нормы прибыли. Экономический прогресс капитализма обеспечивается благодаря «созидательному разрушению» – демонтажу существующих практик и распространению новых технологий и видов продукции.

б) Предприниматель как источник инноваций⁴ является важной движущей силой капиталистической экономики. Разрушая существующий порядок, чтобы создать динамические изменения, предприниматели разрушают существующее равновесие, делая возможным повышение уровня жизни.

в) В конечном итоге капитализм будет уничтожен собственным успехом. Возникает большой интеллектуальный класс, который выживет, «нападая» на систему частной собственности и свободы, необходимую для поддержания капитализма.

Экономика спроса и экономика предложения

Суверенная экономика⁵ – это экономика предложения, при которой страна не зависит от конкретных поставщиков, развивается без серьёзных внешних рисков и самостоятельно принимает решения в сферах экономической политики, валюты, инвестиций и торговли.

Суверенная экономика основана на стратегическом развитии, что позволяет эффективно использовать ресурсы, развивать ключевые отрасли и повышать конкурентоспособность на мировой арене.

Ключевую роль в поддержке суверенной экономики играет государство⁶. Оно регулирует внешнюю торговлю и инвестиции; поддерживает ключевые отрасли и инфраструктуру, образование и научные исследования; способствует развитию малого и среднего бизнеса.

Существуют две модели экономического роста – спроса и предложения. Выбор варианта социально-экономической политики осуществляет политическая элита страны.

Модель экономики спроса (кейнсианская гипотеза) рекомендует для роста экономики следующее:

- объём производства определяется эффективным спросом на товары и услуги;
- высокие потребительские расходы приводят к расширению бизнеса и возможностей трудоустройства;
- цена – главный фактор, определяющий спрос и поведение потребителей.

Модель экономики предложения отталкивается от следующих положений:

- предложение товаров является основным мотивом роста и процветания экономики – покупательная способность возникает при выпуске продукции на рынок;
- для оздоровления производства следует стимулировать рост совокупного предложения в государстве;

---

⁴ Инновация – новая политика, способствующая снижению общих затрат или увеличению спроса на продукцию. Шумпетерский рост – это экономический рост, движимый инновациями и управляемый процессом созидательного разрушения.

⁵ На пленарном заседании ПМЭФ-23 (14–17 июня 2023 г.) Президент России Владимир Путин указал на задачи суверенной экономики.

⁶ В либеральных экономиках спроса ключевую роль играют рынки, а государственное регулирование ослаблено. Либерализация – это устранение контроля для поощрения участия частных компаний в экономическом развитии.

– стимулирование роста спроса не гарантирует хорошие долгосрочные результаты;

– количество товара – главный фактор, определяющий его цену. Следует максимально стимулировать факторы, влияющие на массовое производство, так как низкая стоимость товара увеличивает объем продаж. Гибкое расширение и сокращение производства товаров определяет их цену.

Принято считать, что при выборе и реализации модели (гипотезы) развития страны политическая элита вынуждена учитывать отношение населения к происходящим изменениям. Вместе с тем И. Шумпетер считал, что воля народа есть продукт, а не движущая сила политического процесса. Каждому поколению пролетариата творческое меньшинство предлагает такой смысл происходящего, который большинство способно воспринимать. Правящее меньшинство способно принуждать к смыслам, необходимым для предотвращения надлома и распада общества.

В России доминантой мировоззрения людей выступает социальная справедливость. По мнению большинства, не капитал, а труд является основанием для легитимизации собственности. Модель предложения, на наш взгляд, в большей степени, чем модель спроса, соответствует взглядам россиян на социальную справедливость. В 1990-х гг. либерализации для меньшинства сопутствовало обнищание большинства, что укрепило в обществе традиционные ценности. Модель предложения предполагает приоритет государственной поддержки и контроля за производством, а не за потреблением.

Каждая из представленных микроэкономических моделей имеет свои достоинства и недостатки, возникающие из наличия противоречий/конфликтов между отдельными элементами, составляющими их содержание. В литературе отрицательные последствия экономического регулирования получили названия «провалы рынков» и «провалы государства».

Экономика спроса предполагает наличие эффективной конкуренции между производителями за покупателя и выживание наиболее приспособленных к изменениям. Указанная особенность формировалась в относительно независимых городах-коммунах средневековой Европы, где торговля выступала важнейшим источником существования. Доминирование интересов потребителя привело к созданию общества потребления.

Агрессивная экспансия ценностей западной цивилизации в иные культуры сталкивается с сопротивлением традиционных обществ, которое леволлиберальные западные элиты пытаются преодолеть с помощью санкций и военной силы (Югославия, Ирак, Ливия, Афганистан, Иран и др.). Смысл несоответствия желаемого и возможного можно определить как сопротивление внедрению универсальной западной инновации в незападные общества.

Привлекательное «желаемое» для одной культуры в большинстве случаев невозможно реализовать в другой культуре.

Контроль за инновациями

Существование людей невозможно без отношений господства-подчинения между ними. Физические данные человека недостаточны, чтобы выжить в одиночку. Организация в сообщества/коллектив/группу требует упорядочивания поведения, субординации и статусов его членов. Иерархия интересов является наиболее древней традицией членов группы.

Люди стремятся уменьшить риск/неопределённость собственного существования. Забота о себе вынуждает человека придерживаться традиций и безопасных шаблонов поведения. Отклонения от легитимной/разрешённой формы поведения в каждой социальной группе общества строго контролируются её членами и представляют угрозу для нарушителей.

Инновация возникает из неприятия/критики существующей административной практики, которую защищают контролёры. Инноваторы, стремящиеся к изменениям, рискуют своим благополучием, если не имеют покровителя. Реализация нововведения ломает порядок, принятый в иерархии, и угрожает статусу её членов. Вместе с тем, открытость общества для множественных не скоординированных между собой инноваций представляет угрозу стабильному существованию.

Противоречие между контролем за деятельностью и инновационностью деятельности целесообразно сглаживать/балансировать регулированием содержания и меры контроля за изменениями.

Сущность контроля заключается в проверке соответствия достигнутых результатов заданным целям. Объектом контроля должна быть целесообразность деятельности. Сущностный анализ предполагает раскрытие внутренней структуры исследуемого явления и развития её компонентов для осуществления их целенаправленной деятельности и изменения.

Надзор (суженный контроль) – это разновидность контроля, выделенная в самостоятельную деятельность. Органы надзора проверяют соблюдение специальных правил. Полноценный контроль предполагает выявление подлинных мотиваций и интересов в отношениях господства-подчинения участников совместной деятельности.

Анализ и последующий контроль за сущностью/содержанием/значением/смыслом изменений можно осуществлять согласно положениям теории синергетической организации [4]:

– поле сил в организации образуется за счёт взаимодействия трёх потенциалов: синергетиков (реализуют эффективность, инновационность, укрепление целостности и результативности), синкретиков (воплощают охранительные действия, устойчивость к опасным изменениям, целостность и постоянство) и энтропиков (ослабляющих и разрушающих действующий порядок, рассогласовывающих взаимодействие и дезорганизующих поведение);

– важная проблема – обеспечить организацию⁷ синергетиками, которые могут защитить от энтропиков и обеспечить инновационность;

– способность создавать конкурентные преимущества в виде синергетиков (природных – слабоуправляемых и целевых – намеренно созданных в социуме) определяет готовность социума к развитию.

Доминирование контроля за соблюдением правил на основе алгоритмов целесообразно использовать при управлении стационарными монотонными явлениями. При управлении изменениями, нарушающими равновесие и меняющими правила поведения, механистический операционный контроль может вводить в заблуждение.

---

⁷ Теория синергетической организации исходит из гипотезы о том, что организационная среда человека (третья природа) обеспечивает порядок – меру соотношения между планируемым и спонтанным, которая устанавливает наибольшую жизнеспособность организациям всех масштабов (международных, государственных, фирменных) [4].

Например, установленные правила/процедуры/регламенты, контролирующие инновационный процесс, не нарушены, а содержание полученного результата – неудовлетворительно. В такой ситуации высока вероятность ошибки атрибуции – присвоение человеку свойств, которыми он не обладает. По результатам механистического контроля инноватор, преследующий благие цели, может быть идентифицирован как энтропик.

Совмещение условий для инновации с требованиями контроля за инновациями целесообразно исследовать с использованием ситуационной логики [6]. Ситуационный анализ даёт возможность понять действия человека в объективном смысле.

Заключение

1. На протяжении истории даже в благополучных странах ни одна компания не имела вечного устойчивого конкурентного преимущества. Природа эволюции хозяйствования свидетельствует [5]:

а) Отдельные преимущества сохранялись дольше других, но все они были временными.

б) Не компании создают инновации, это делают предприниматели. В крупных, зрелых компаниях инноваций гораздо меньше, чем в новых.

в) Мир изменяется. Скорость изменений во всех отраслях со временем растёт. Если компания не приспосабливается к изменениям, то технологические инновации разрушают её ключевые компетенции.

Существование суверенной экономики требует усиления государственного контроля за деятельностью предприятий и организаций всех форм собственности. Особую актуальность приобретает проблема организаций и обеспечения для них форм контроля: а) не разрушающих возможности гибкого приспособления к изменениям условий существования во внешней среде; б) позволяющих им оставаться восприимчивыми к достижениям научно-технического прогресса – процессу «созидательного разрушения».

2. На каждом уровне организации (государство, общество, фирма и др.) можно выделить три группы потенциалов: синергетики, синкретики и энтропики. Для регулирования инноваций необходимо такое соотношение между указанными потенциалами, которое обеспечит достижение целей, установленных для данной организации (обороноспособность, экономический рост, безопасность, распространение знаний и др.).

Контроль за инновациями необходим для предотвращения организационной энтропии. Расширение запретительного законодательства, избыточный контроль и усиление борьбы с нарушителями, увеличение числа бюрократических надстроек подавляют инновационность, снижают эффективность деятельности и могут стать источниками возникновения и распространения дефицита товаров и услуг.

Ослаблению влияния указанных институтов препятствуют интересы групп, тормозящих развитие и извлекающих привилегии/ренту. В организациях существует и другая группа влияния – это те, кто получает преимущества, нарушая законы и установленные правила. Ненаказуемые действия «не по правилам» постепенно разрушают установленный порядок и безопасное существование. Мотивацию членов указанных «групп интересов» можно оценивать, сопоставляя их «выгоды» и «издержки». Выгоды одной из этих групп выступают как издержки для другой.

Регуляторы организационного порядка могут стимулировать/принуждать к поведению, устанавливая и воздействуя на систему поощрения и наказания для членов организации. Регулятору сложно поддерживать свою объективность и независимость, так как влиятельные группы, защищая свои интересы, стремятся влиять на его действия.

3. Для регулирования инноваций целесообразно использовать сущностный анализ и контроль, направленный на выявление организационных потенциалов/сил (синергетиков, синкретиков и энтропиков) и обеспечение между ними соотношения, способного создавать конкурентные преимущества. Использование методов традиционного надзора за выполнением правил и регламентов укрепляет устойчивость к опасным изменениям и постоянство, но ограничивает инновационность. Механистические формы контроля в большинстве случаев идентифицируют инноваторов как энтропиков.

Для компромисса между требованиями эффективности и необходимостью контроля за деятельностью регуляторам потребуются не столько силовые, сколько интеллектуальные ресурсы удовлетворительного качества. Доверие и уважение исполнителей к инстанциям, регулирующим их деятельность, активизирует ответственность и самоконтроль.

Список литературы

1. Адизес, И. Управление в условиях кризиса: как выжить и стать сильнее / И. Адизес. – М.: Альпина Паблишер, 2021.
2. Адизес, И. Управляя изменениями. Как эффективно управлять изменениями в обществе и бизнеса / И. Адизес. – М.: Иванов и Фербер, 2014.
3. Шумпетер, И. Капитализм, социализм и демократия / И. Шумпетер. – М.: Экономика, 1993.
4. Пригожин, А. И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление / А. И. Пригожин. – М.: Альпина Бизнес-Букс, 2007.
5. Биггс Б. История инвестиционных стратегий: как зарабатывались состояния во времена процветания и во времена испытания / Б. Биггс. – М.: Альпина ПРО, 2022.
6. Поппер, К. Логика социальных наук / К. Поппер // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 65–70.

References

1. Adizes I. (2021) *Upravleniye v usloviyakh krizisa: Kak vyzhit' i stat' sil'neye* [How to Manage in Times of Crisis: How to Avoid it in the First Place]. Moscow: Alpina Publisher.
2. Adizes I. (2014) *Upravlyaya izmeneniyami. Kak effektivno upravlyat' izmeneniyami v obshchestve i biznesa* [Mastering Change. The Power of Mutual and Respect in Personal Life, Family Life, Business and Society]. Moscow: Ivanov i Ferber Publ.
3. Schumpeter J. (1993) *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, Socialism, and Democracy]. Moscow: Ekonomika Publ.
4. Prigozhin A. I. (2007) *Dezorganizatsiya: prichiny, vidy, preodoleniye* [Disorganization: Causes, Types, Overcoming]. Moscow: Alpina Business Books.

5. Biggs B. (2022) *Istoriya investitsionnykh strategiy: kak zarabatyvalis' sostoyaniya vo vremena protsvetaniya i vo vremena ispytaniya* [Wealth, War and Wisdom]. Moscow: Alpina Pro.

6. Popper K. (1992) *Logika sotsial'nykh nauk* [The Logic Behind Social Sciences]. *Questions of Philosophy*, 10, pp. 65–70.

V. B. Sirotkin⁸. The Problem of Adapting to Innovations in a Sovereign Economy: Coordination of Control and Efficiency Requirements. The problem of adapting to innovations forming the requirements for expanding state control in the economy is under analysis. The need for flexible essential regulation is emphasized to ensure a balance between the need for control and the requirements of efficiency and innovation.

Keywords: innovation, regulation, control, efficiency, synergy, entropy.

---

⁸ *Vladislav B. Sirotkin*, Professor of Department of Business Informatics and Management, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (67 Bolshaya Morskaya St., St. Petersburg, 190000, Russia), Doctor of Economics, Professor, Honored Fellow of Higher Education of the Russian Federation, e-mail: jaette@main.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-113-121

П. И. Бурак¹, В. И. Готов², В. П. Бауэр³

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЦИФРОВЫХ МЕТАВИРТУАЛЬНЫХ СЕРВИСОВ

Отмечается рост внимания к финансовой безопасности пользователей цифровых метавиртуальных сервисов (далее – М-сервисы) после выявления их негативного влияния на сознание, психологию и мышление пользователей, приводящего к финансовым издержкам. Актуализируются вопросы выявления рисков финансовой безопасности пользователей М-сервисов и разработки подходов к их купированию. Полученные результаты могут быть полезными для пользователей М-сервисов, ИТ-специалистов при создании новых видов М-сервисов; профессионалов финансовой разведки при разработке средств ПОД/ФТ для М-сервисов, а также учёных и специалистов при исследованиях последствий внедрения средств формирования метавиртуальной реальности.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые онлайн-игры, цифровые социальные сервисы, пользователи сервисов, информационно-психологическое воздействие, личная финансовая безопасность.

УДК 330.352

Под концептом *метавиртуальная реальность* понимается совокупность технологий виртуальной (VR), дополненной (AR), расширенной (XR) и смешанной (MR) реальности, машинного обучения (ML), искусственного интеллекта (AI), блокчейна, смарт-контрактов, криптовалюты, невзаимозаменяемых токенов (NFT) и других современных цифровых технологий [17, с. 333–339]. Метавиртуальная реальность является следствием масштабного поступательного развития и внедрения объектов цифровой экономики в киберфизическую среду современного сетевого социума [21, с. 16, 92–98, 773–779]. Она используется при создании цифровых метавиртуальных сервисов (далее – М-сервисы). В число таких объектов входят цифровые двойники, платформы, экосистемы, метавселенные и цифровые двойники (аватары) пользователей данных объектов. М-сервисы широко применяются в военных, космических, политических и

---

¹ *Петр Иосифович Бурак*, директор АО «Институт региональных экономических стратегий» (119002, РФ, Москва, пер. Сивцев Вражек, 29/16), д-р экон. наук, профессор, президент РАЕН, e-mail: irei@irei.ru.

² *Владимир Иванович Готов*, руководитель Центра межолимпиадной подготовки школьников и студентов Физического института имени П. Н. Лебедева РАН (119991, РФ, Москва, Ленинский пр., 53, корп. 4, каб. 305), канд. экон. наук, профессор, действительный член РАЕН, e-mail: center@lebedev.ru.

³ *Владимир Петрович Бауэр*, главный научный сотрудник АО «Институт региональных экономических стратегий» (119002, РФ, Москва, пер. Сивцев Вражек, 29/16), д-р экон. наук, доцент, действительный член РАЕН, e-mail: bvr09@mail.ru.

экономических исследованиях и разработках; в сфере образования (школьного, среднего и высшего); при реализации социальных и культурных проектов (конференций, выставок, экскурсий); в промышленности, медицине, маркетинге, рекламе, архитектуре, скульптуре, цифровой живописи и креативном дизайне, киноиндустрии, театральной деятельности, журналистике, робототехнике, кибербезопасности, онлайн-торговле товарами, продуктами и услугами, кредитовании, страховании, управлении цепочками поставок продукции; в ролевых онлайн-играх, киберспорте, сферах туризма, путешествий и гостиничного дела.

У каждого пользователя М-сервиса как субъекта информационного действия [18, с. 182–190] своё понимание и восприятие его ценностных свойств, которое, как показывают исследования [5], в процессе эксплуатации М-сервиса путём манипуляций [7, с. 99–108] может оказать негативное влияние на когнитивное [12, с. 50–56], психофизическое [9, с. 231–244] и эмоциональное состояние⁴. В связи с этим и в силу онтологического дуализма экономической реальности [11, с. 584–601] цифровая среда М-сервиса формирует благоприятные условия для разработки и практического использования средств цифрового финансового мошенничества [6] и виртуальных преступлений [1, с. 9–35], которые создают угрозу личной финансовой безопасности участников М-сервисов.

Финансовая безопасность в широком понимании – это перечень мер, способов, инструментов по охране экономических интересов государства. Сюда же относится финансовый аспект работы корпоративных структур и многочисленных субъектов хозяйствования [19]. Отдельного внимания заслуживает понятие *личной финансовой безопасности*. По сути, это *социально-экономическая деятельность личности, направленная на финансовую независимость и удовлетворение собственных материально-духовных потребностей. Этот процесс направлен на саму личность и на общество в целом, его главной задачей становится сохранение и развитие обозначенной независимости* [4].

К числу наиболее значимых различий в психологических особенностях пользователей М-сервисов можно отнести: *«приспособление, внутренний и внешний мониторинг, желание доминирования, нацеленность на себя, нацеленность на коммуникацию, нацеленность на деятельность, склонность к риску»* [13, с. 77–84]. Исходя из этого, в данной работе под финансовым риском (в широком смысле) будем понимать риск, сопряжённый с возможностью утраты финансовых инструментов (денежных средств); минимизации доходов, уменьшения капитала и др. В такой ситуации наблюдается неопределённость факторов финансовой деятельности⁵.

Учитывая, что доминирующей особенностью пользователей М-сервисов является *склонность к риску* [2, с. 72–81], рассмотрим информационную среду с позиций характеристик обобщённого риска, оценки которого даются на уровне как личности (пользователя, субъекта), так и информационной среды М-сервиса (см. таблицу).

Из таблицы следует, что информационная среда преобразуется в фактор риска для участвующего в ней субъекта. Примечательно, что субъект причастен к данной среде в рамках поступающих информационных сообщений и может минимизировать

⁴ Риски и угрозы, сопутствующие развитию индустрии киберспорта и гейминга // <https://rdc.grfc.ru/2021/05/cybersport-and-gaming/> (дата обращения: 13.01.2024).

⁵ Финансовый риск. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9_%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BA (дата обращения: 03.09.2023).

риски существования в ней. В результате появляется возможность физического влияния на неё (применять/не применять информационный ресурс).

Разделение цифровой информационной среды в рамках идентификации обобщённого риска [14, с. 124–137]

Риск	В аспекте субъекта	В аспекте среды
Как факт	Без учёта диспозиционных свойств участника, присутствия риска в среде, отсутствия взаимодействия субъекта и среды	Присутствует вероятность риска в среде (приведём примеры среды или общения)
Как фактор	Участник может подвергаться воздействию среды	Среда аккумулирует функцию квазисубъекта физиологического и психологического влияния на участников
Как условие	Субъект обладает диспозиционными свойствами, нуждами, которые формируют условия риска, что делает среду рискогенной	Среда содействует удовлетворению в рамках определённого вида деятельности участника, что сопряжено с риском
Как средство	Субъект обладает потребностями в информационно-коммуникационной деятельности, что предусматривает эффективное взаимодействие с другими субъектами	Среда формирует интерес для субъекта в рамках достижения эффективности и успешности действий

Информационная среда как фактор риска («риск как фактор») активно воздействует на субъекта, что может привести к изменению его поведения или социальной роли.

В третьем случае («риск как условие») субъект под влиянием информационной среды может совершить какие-либо информационно-коммуникативные действия (возможен риск для личной финансовой безопасности) или отказаться от них (указанный риск отсутствует).

С точки зрения анализа рисков личной финансовой безопасности для пользователей сервисов четвёртый вариант («риск как средство») является определяющим, поэтому пользователей сервисов следует рассматривать как *квазисубъектов*, которые преобразуют информационный сегмент М-сервисов субъективными личностными свойствами. В рамках такого взаимодействия происходит взаимодействие субъекта как с *живым* участником коммуникации [8, с. 58–62].

Представленный взгляд на проблему взаимодействия пользователей М-сервисов позволяет на основе публикаций по данной тематике определить состав основных финансовых рисков, угрожающих личной финансовой безопасности пользователей, и предложить методы их купирования, что является необходимым условием создания доверительных отношений между пользователями, которые попадают в зависимость от компьютерных игр и друг от друга [20, с. 86–98].

Аватар-опосредованная деятельность в М-сервисах производительна, что даёт возможность пользователям удовлетворять не только информационно-психологические, но и материальные потребности посредством обмена виртуальных продуктов труда на обычные деньги и/или цифровые финансовые активы (криптовалюта, токены, жетоны и др.).

При использовании М-сервисов выплаты, как правило, осуществляются в цифровых финансовых активах (с возможным их обменом на фиатные деньги), поэтому все М-сервисы имеют браузерный криптокошелёк, функционирующий на основе тех-

нологии распределённого реестра (блокчейна)⁶. В контексте проблемы обеспечения личной финансовой безопасности будем исходить из того, что мошенничество одного из пользователей М-сервиса может являться преступлением с целью отобрать цифровой финансовый актив у партнёра (прямой способ мошенничества) или аккумулировать личные данные о нём для модернизации отложенного механизма мошенничества.

Для получения личной информации или пароля мошенники применяют социальные инженерные практики или различные психологические уловки и трюки, чтобы отвлечь внимание партнёров, усыпить их бдительность, ввести их в состояние шокового эффекта для выработки и принятия быстрого, но финансово рискованного для них решения. Это может произойти вследствие информационного и психологического давления. С этой целью мошенники используют многочисленные инструменты: представляются знакомыми или родственниками, сотрудниками службы безопасности кредитно-финансовых учреждений, работниками правоохранительных органов и др. – воздействуя на эмоциональную составляющую. Это приводит к нерациональным и непоправимым финансовым расходам цифровых финансовых ресурсов. Эффективность работы мошенников зависит от знаний психологии жертвы и умелого применения психологических механизмов. Популярный приём – убеждение человека в необходимости приобретения продуктов, товаров и услуг. При этом мошенники могут обманом заставить партнёра-жертву сделать авансовый платёж, который не окупится.

К непоправимым финансовым потерям пользователей М-сервисов может привести анонимность партнёров. Для этого мошенники применяют временные аккаунты по реализации поддельной продукции или фальшивых сервисов; могут использовать виртуальные или подложные кредитные карты и/или криптосчета, перевод на которые средств пользователя-жертвы позволяет осуществить противоправные действия в кратчайшие сроки.

Современные мошенники обычно кооперируются с киберпреступниками. Это повышает количество сомнительных финансовых случаев в виртуальном пространстве и изодранных схем. За счёт чатов, анонимных программ, фишинга и прочих цифровых финансовых активов, модернизации инструментов финансовых атак эксперты по влзому информации организуют варианты взаимодействия, координируют преступную деятельность, реализуют мошеннические действия против участников М-сервисов.

Особо отметим, что мошенники непрерывно изобретают новые и совершенствуют известные схемы финансового обмана пользователей М-сервисов. Финансово не просвещённый и не подготовленный к этому пользователь может не знать о местах и случаях вероятной опасности. Лучшим вариантом преодоления сложностей является финансовая грамотность, она помогает минимизировать финансовые риски и соответственно – получить максимальный доход от применения М-сервисов. В результате она становится базовым компонентом системы ликвидации финансовых рисков для гарантии личной финансовой безопасности субъектов⁷.

⁶ Blockchain Universal Glossary. 2020 Association of International Certified Professional Accountants. URL: <https://us.aicpa.org/content/dam/aicpa/interestareas/informationtechnology/downloadabledocuments/blockchain-universal-glossary.pdf> (дата обращения: 21.01 2024).

⁷ Методические рекомендации по подготовке и проведению Всероссийского тематического урока «Финансовая безопасность». https://www.rudn.ru/storage/u/www/files/news/Met_rekom_Finansovaya-bezopasnost.pdf (дата обращения: 21.01 2024).

В условиях сетевой организации современной экономики взаимодействие российских пользователей М-сервисов с партнёрами может осуществляться на удалённом расстоянии, в том числе с партнёрами из СНГ, ШОС, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и др. Поэтому в контексте настоящей статьи (с учётом международного аспекта использования удалённых М-сервисов) считаем целесообразным предложить следующее. Как известно, страны СНГ, ЕАЭС и ШОС сформировали эффективные договорные правовые платформы кооперации, чтобы избежать противоправной деятельности в сегменте гарантии сетевой финансовой безопасности [3, с. 6–10]. Предлагаем воспользоваться их многолетним опытом совместной деятельности:

- обмен данными в сфере финансового мошенничества и аналогичной противоправной деятельности путём оказания помощи в рамках проверочных мероприятий относительно подозрительных субъектов;

- кооперация при осуществлении оперативно-розыскных действий, специальных согласованных операций, нацеленных на устранение, идентификацию, пресечение финансовой противоправной деятельности;

- взаимодействие при выполнении научно-исследовательской работы по темам, формирующимся в результате кооперации, в том числе при создании рабочих групп;

- проведение подготовительных мероприятий, переподготовки и повышения профессионального уровня кадров финансовой разведки;

- осуществление научно-практических мероприятий по противодействию противоправной деятельности в сфере финансов;

- предоставление правовой помощи по уголовным делам финансовой направленности.

Для оказания правовой поддержки по уголовным делам необходимо упростить специфику кооперации и осуществление прямых контактов между субъектами уголовной юстиции стран – членов СНГ, ЕАЭС, ШОС и БРИКС+. В целях развития координации, методического руководства, мониторинга периодов и правильности применения запросов в контексте ПОД/ФТ целесообразно централизовать взаимодействие государств-участников и государств-членов (СНГ, ЕАЭС, ШОС и БРИКС+) путём создания единого банка данных по направленным, поступившим и обработанным запросам о девиантном финансовом поведении пользователей М-сервисов.

Таким образом, практика показывает, что в М-сервисах происходят формирование и конвергенция специфических виртуальных и физических цифровых миров, что в контексте оценок этики, морали и психологии может негативно повлиять на личную финансовую безопасность пользователей. С учётом этих особенностей нами уточнены риски личной финансовой безопасности пользователей М-сервисов и предложены подходы к их купированию. Показано, что ключевыми факторами обеспечения личной финансовой безопасности пользователей М-сервисов являются их финансовая грамотность и взаимное доверие, которые определяют систему социальных, кросс-культурных, финансовых и информационно-психологических отношений пользователей [10, с. 9].

Доверие может формироваться не только в процессе общения пользователей М-сервисов, но и за счёт корректного технико-технологического обслуживания данных сервисов в целях исключения компьютерных и прочих угроз их инфраструктуре. Поэтому ИТ-компании, разрабатывающие и обслуживающие М-сервисы, должны активно внедрять меры кибербезопасности – от аутентификации личности пользовате-

лей до непрерывного совершенствования политики обеспечения их конфиденциальности при общении с партнёрами по этим сервисам.

Научению финансово безопасного использования М-сервисов в условиях проявления вышеуказанных финансовых рисков может способствовать целенаправленное внедрение в образовательные программы финансовой грамотности населения, этических норм и правил общения, которые рекомендуются положениями теории поведенческого дизайна – универсальной для любой сетевой киберфизической среды [15].

Список литературы

1. Батурич, Ю. М. Что делает виртуальные преступления реальными / Ю. М. Батурич, С. В. Полубинская // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 9–35.
2. Беляев, Г. Ю. Оценка потенциалов и рисков интернет-ресурсов формирования социально-цифровой среды сетевого взаимодействия субъектов социализации и воспитания молодёжи / Г. Ю. Беляев // Образование личности. – 2020. – №1-2. – С. 72–81.
3. Бурак, П. И. Квасиметавселенные – новые сферы деятельности финансовой разведки / П. И. Бурак, В. П. Бауэр, Ю. П. Липунцов // Вестник РАЕН. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 6–10. DOI: 10.52531/1682-1696-2023-23-2-6-10.
4. Гордячкова, О. В. Личные финансы и финансовая безопасность: учеб. пособие / О. В. Гордячкова, Т. Ю. Калаврий. – М.: Мир науки, 2021. – 119 с.
5. Григорян, Г. Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации / Г. Р. Григорян. URL: <https://www.dissercat.com/content/moshennichestvo-v-sfere-kompyuternoi-informatsii-problemy-kriminalizatsii-zakonodatelnoi-reg?ysdid=laeakwojul871470396> (дата обращения: 13.01.2024).
6. Есаян, А. К. Финансовое мошенничество: обнаружение и предупреждение / А. К. Есаян. – М.: Московский гуманитарный университет, 2023. – 384 с.
7. Зубков, Н. А. Между нормальной коммуникацией и манипуляцией: границы и способ их определения / Н. А. Зубков, А. М. Осипова, О. В. Титкова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 9А. – С. 99–108. DOI: 10.34670/AR.2023.84.35.015.
8. Казанцев, Ю. Ю. Поведенческие стереотипы российских инвесторов финансовых пирамид: коллаборативный подход в исследовании / Ю. Ю. Казанцев, Н. Г. Филатова // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. – 2020. – №1(4). – С. 58–62.
9. Леньков, С. Л. Действие в киберпространстве / С. Л. Леньков, Н. Е. Рубцова // Мир психологии. – 2020. – № 2 (102). – С. 231–244.
10. Медведева, Е. И. Социально-экономические аспекты феномена «доверие» / Е. И. Медведева // Социальное пространство. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 9. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.9.
11. Мудрик, Д. Г. Онтологический дуализм экономической реальности / Д. Г. Мудрик, В. Н. Ковнир // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 584–601. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.2.
12. Николаева, Е. М. Когнитивная деятельность в цифровой среде и интеллектуальные добродетели / Е. М. Николаева, Э. А. Дюкина, П. С. Котляр // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – Т. 11, № 1А. – С. 50–56. DOI: 10.34670/AR.2022.24.30.006.
13. Патраков, Э. В. Социально-психологические предикторы отклонения трудового поведения / Э. В. Патраков, Т. Н. Лобанова // Вестник Костромского государственного уни-

верситета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26, № 1. – С. 77–84. DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-1-77-84.

14. Патраков, Э. В. Экопсихологическая интерпретация риска как критерия психологической готовности индивида к взаимодействиям с цифровой средой (кросс-культурное исследование педагогов) / Э. В. Патраков, Ч. М. Сабо, Л. И. Батурина, Р. С. П. де Мораес // Психология человека в образовании. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 124–137. DOI: 10.33910/2686-9527-2023-5-1-124-137.

15. Скоков, Р. Ю. Поведенческий дизайн: экономические блага и социально-политическое манипулирование / Р. Ю. Скоков. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2022. – 104 с.

16. Солдатова, Н. О. Виртуальный контекст реальности / Н. О. Солдатова, Ш. Р. М. Хусиен // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 9А. – С. 92–98. DOI: 10.34670/AR.2023.79.89.014.

17. Солдатова, Н. О. Метавиртуальное: ассимиляция виртуальной и актуальной реальностей / Н. О. Солдатова, П. С. Котляр // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 1-1. – С. 333–339. DOI: 10.34670/AR.2023.69.30.044.

18. Тогузова, Л. И. Субъект информационного действия: принципы и масштаб свободы / Л. И. Тогузова, О. В. Титкова, А. М. Осипова, С. В. Тихонова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 1-1. – С. 182–190. DOI: 10.34670/AR.2023.92.66.015.

19. Черненко, В. А. Финансовая безопасность России / В. А. Черненко. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 161 с.

20. Шакур, Е. Ю. Зависимость от компьютерных игр: обзор российских исследований / Е. Ю. Шакур, Е. В. Фадеева // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 86–98.

21. Matthew, J. L. Virtual, mixed, and augmented reality: a systematic review for immersive systems research / J. L. Matthew, W. P. Wagner // Virtual Reality. – 2021. – Vol. 25. – P. 773–799. – doi.org/10.1007/s10055-020-00492-0/

References

1. Baturin Yu. M., Polubinskaya S. V. (2018) Chto delayet virtual'nyye prestupleniya real'nymi [What makes virtual crimes real]. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 13 (2), pp. 9–35.

2. Belyaev G. Yu. (2020) Otsenka potentsialov i riskov internet-resursov formirovaniya sotsial'no-tsifrovoy sredy setevogo vzaimodeystviya sub'yektov sotsializatsii i vospitaniya molodezhi [Assessment of the potentials and risks of Internet resources for the formation of a social-digital environment of network interaction between subjects of socialization and education of youth]. Personal education, 1-2, pp. 72–81.

3. Burak P. I., Bauer V. P., Lipuntsov Yu. P. (2023) Kvazimetavselennyye – novyye sfery deyatelnosti finansovoy razvedki [Quasi-metaverses – new areas of financial intelligence activity]. Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences, 23 (2), pp. 6–10. DOI: 10.52531/1682-1696-2023-23-2-6-10.

4. Gordyachkova O. V., Kalavriy (2021) T. Yu. Lichnyye finansy i finansovaya bezopasnost'. Uchebnoye posobiye [Personal finance and financial security. Textbook]. Moscow: World of Science, 2021. – 119 p.

5. Grigoryan G. R. Moshennichestvo v sfere komp'yuternoy informatsii: problemy kriminalizatsii, zakonodatel'noy reglamentatsii i kvalifikatsii [Fraud in the field of computer information: problems of criminalization, legislative regulation and qualification]. URL: <https://www.dissercat.com/content/moshennichestvo-v-sfere-kompyuternoi-informatsii-problemy-kriminalizatsii-zakonodatelnoi-reg?ysdid=laeakwojul871470396> (access date: 01/13/2024).

6. Yesayan A. K. (2023) Finansovoye moshennichestvo: obnaruzheniye i preduprezhdeniye [Financial fraud: detection and prevention]. Moscow: Moscow Humanitarian University. 2023. 384 p.

7. Zubkov N. A., Osipova A. M., Titkova O. V. (2023) Mezhd normal'noy kommunikatsiyei i manipulyatsiyei: granitsy i sposob ikh opredeleniya [Between normal communication and manipulation: boundaries and the way to determine them]. Context and reflection: philosophy about the world and man, 12 (9A), pp. 99–108. DOI: 10.34670/AR.2023.84.35.015.

8. Kazantsev Yu. Yu., Filatova N. G. (2020) Povedencheskiye stereotipy rossiyskikh investorov finansovykh piramid: kollaborativnyy podkhod v issledovanii [Behavioral stereotypes of Russian investors of financial pyramids: a collaborative approach to research]. Scientific yearbook of the Center for Analysis and Forecasting, 1(4), pp. 58–62.

9. Lenkov S. L., Rubtsova N. E. (2020) Deystviye v kiberprostranstve [Action in cyberspace]. World of Psychology, 2 (102), pp. 231–244.

10. Medvedeva E. I. (2022) Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty fenomena «doveryiye» [Socio-economic aspects of the “trust” phenomenon]. Social space, 8(4), pp. 9. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.9.

11. Mudrik D. G., Kovnir V. N. (2022) Ontologicheskiiy dualizm ekonomicheskoy real'nosti [Ontological dualism of economic reality]. AlterEconomics, 19(4), pp. 584–601. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.2.

12. Nikolaeva E. M., Dyukina E. A., Kotlyar P. S. (2022) Kognitivnaya deyatel'nost' v tsifrovoy srede i intellektual'nyye dobrodeteli [Cognitive activity in the digital environment and intellectual virtues]. Context and reflection: philosophy about the world and man, 11(1A), pp. 50–56. DOI: 10.34670/AR.2022.24.30.006.

13. Patrakov E. V., Lobanova T. N. (2020) Sotsial'no-psikhologicheskiye prediktory otkloneniya trudovogo povedeniya [Social and psychological predictors of deviations in labor behavior]. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 26(1), pp. 77–84. DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-1-77-84.

14. Patrakov E. V., Sabo Ch. M., Baturina L. I., de Moraes R. S. P (2023) Ekopsikhologicheskaya interpretatsiya riska kak kriteriya psikhologicheskoy gotovnosti individa k vzaimod-eystviyam s tsifrovoy sredoy (kross-kul'turnoye issledovaniye pedagogov) [Ecopsychological interpretation of risk as a criterion of an individual's psychological readiness to interact with the digital environment (cross-cultural study of teachers)]. Human psychology in education, 5(1), pp. 124–137. DOI: 10.33910/2686-9527-2023-5-1-124-137.

15. Skokov R. Yu. (2022) Povedencheskiy dizayn: ekonomicheskiye blaga i sotsial'no-politicheskoye manipulirovaniye [Behavioral design: economic benefits and socio-political manipulation]. Volgograd: Volgograd State University. 2022. 104 p.

16. Soldatova N. O., Husien Sh. R. M. (2023) Virtual'nyy kontekst real'nosti [Virtual context of reality]. Context and reflection: philosophy about the world and man, 12(9A), pp. 92–98. DOI: 10.34670/AR.2023.79.89.014.

17. Soldatova N. O., Kotlyar P. S. (2023) Metavirtual'noye: assimilyatsiya virtual'noy i aktual'noy real'nostey [Metavirtual: assimilation of virtual and actual realities]. Context and reflection: philosophy about the world and man, 12(1-1), pp. 333–339. DOI: 10.34670/AR.2023.69.30.044.

18. Toguzova L. I., Titkova O. V., Osipova A. M., Tikhonova S. V. (2023) Sub'yekt informatsionnogo deystviya: printsipy i masshtab svobody [Subject of information action: principles and scale of freedom]. Context and reflection: philosophy about the world and man, 12(1-1), pp. 182–190. DOI: 10.34670/AR.2023.92.66.015.

19. Chernenko V. A. (2019) Finansovaya bezopasnost' Rossii [Financial security of Russia]. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State Economic University. 2019. 161 p.

20. Shakun E. Yu., Fadeeva E. V. (2021) Zavisimost' ot komp'yuternykh igr: obzor rossiyskikh issledovaniy [Addiction to computer games: a review of Russian studies]. Issues of mental health of children and adolescents, 21(4), pp. 86–98.

21. Matthew J. L., Wagner W. P. (2021) Virtual, mixed, and augmented reality: a systematic review for immersive systems research. Virtual Reality, vol. 25, pp. 773–799. doi.org/10.1007/s10055-020-00492-0/

P. I. Burak,⁸ V. I. Glotov⁹, V. P. Bauer¹⁰. Financial Security of Users of Digital Metavirtual Services. Theoretical and practical attention to the financial security of users of digital metavirtual services ((hereinafter referred to as M-services)) has increased in a wide circle of scientists, entrepreneurs and IT specialists after identifying the negative impact of these services on the consciousness, psychology and thinking of users, leading to their financial costs. Thus, the issues of identifying risks to the financial security of M-service users and developing approaches to their mitigation, discussed in this article, have been updated. The significance of the article lies in the generalization of theoretical and practical material on the issues of ensuring the financial security of users of M-services from the point of view of the information-psychological approach. The results of the article may be useful for users of M-services, IT specialists when creating new types of M-services, financial intelligence professionals when developing AML/CFT tools for M-services, as well as scientists and specialists when researching the consequences of implementing software and hardware in practice means of forming metavirtual reality.

Keywords: digital economy, digital online games, digital social services, service users, information and psychological impact, personal financial security.

---

⁸ Petr I. Burak, Professor, Director of JSC «Institute for Regional Economic Strategies» (lane Sivtsev Vrazhek, 29/16, Moscow, 119002, Russia), Doctor of Economics, Professor, President of the Russian Academy of Natural Sciences, e-mail: irei@irei.ru.

⁹ Vladimir I. Glotov, Head of the Center for Inter-Olympiad Training of Schoolchildren and Students of the Physics Institute named after. P. N. Lebedev Russian Academy of Sciences (Leninsky Prospekt, 53, building 4, room. 305, Moscow, 119991, Russia), Candidate of Economic Sciences, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, e-mail: centre@lebedev.ru.

¹⁰ Vladimir P. Bauer, Chief Researcher of JSC «Institute for Regional Economic Strategies» (lane Sivtsev Vrazhek, 29/16, Moscow, 119002, Russia), Doctor of Economics, Assistant Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, e-mail: bvp09@mail.ru.

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-122-140

А. В. Верников¹, А. А. Курьшева²

ПРАВДА ЛИ, ЧТО НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ТОРМОЗЯТ РАЗВИТИЕ? (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД)

Выполнен анализ содержания научного и экспертного дискурса по одному из вечных вопросов идеологии и экономической политики – о соотношении между национальной традицией и развитием экономики и технологии. В российских статьях и книгах последних десятилетий по экономике произошла инверсия смыслов из-за социокультурного и политического контекста. Возобладало представление, что и русская православная традиция, и ценности советского периода заведомо непродуктивны, тормозят прогресс и препятствуют развитию технологий. Изучение истории вопроса показало, что ссылки на теоретические и эмпирические изыскания в доказательство ущербности русских культурных традиций в большинстве случаев оказываются фейковыми. Экономическая теория, в частности классический институционализм, не противопоставляла традиционные институты прогрессу технологий; качественные исследования этнологов, антропологов и психологов дают скорее положительную оценку традиционным институтам и институтам жителей России. Ряд авторов видят в традиционных этических нормах и обычаях конструктивный потенциал. Более взвешенное и непредвзятое отношение к национальной экономической культуре ставит под сомнение упорно навязывавшийся нам тезис о необходимости полного перекодирования ценностных установок для ускорения экономического развития.

Ключевые слова: экономическая традиция, обычай, культура, ценностные установки, научный дискурс, экспертный дискурс, институциональная экономическая теория, развитие.

УДК 304.4, 304.9, 316.42, 330.837.1

...Хорошо, кабы нас тогда [в 1812 г.] покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с.

Ф. М. Достоевский. *Братья Карамазовы*

Введение

Соотношение между национальной традицией экономического поведения и развитием технологии – тема безграничная, и дискуссии о сути русской традиции и

---

¹ Андрей Владимирович Верников, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН (117218, РФ, Москва, Нахимовский пр., 32), д-р экон. наук, e-mail: vernikov@inecon.ru

² Анна Александровна Курьшева, старший научный сотрудник лаборатории «Институциональный анализ экономики» Южного федерального университета (344006, РФ, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42), канд. экон. наук, e-mail: vesta11@list.ru

её влиянии на развитие страны идут уже не одно столетие. С другой стороны, в последние три десятилетия научно-экспертный дискурс о традиционных укладах и ценностных установках населения России был тенденциозным. Критиковать и выставить в неприглядном виде ценностные установки, исторически присущие населению страны, стало чуть ли не правилом хорошего тона среди обществоведов, особенно участвующих в международном научном обмене. Любая национальная традиция априори считалась препятствием прогрессу, чем-то безнадежно устаревшим, косным и вредным. Этот тезис иллюстрировался и доказывался в работах эмпирической (на самом деле – квазиэмпирической) направленности, с выборочным привлечением исторического и фольклорного материала и опорой на сомнительную методологию. Психологическая и пропагандистская война против русских традиций и лежащих в их основе ценностей имела целью деморализовать население, задеть его национальное достоинство, переформатировать российскую культуру для сближения (читай – подчинения) с абстрактной западной культурой.

Важно, чтобы не исчез и контрдискурс, подпитываемый интеллектуальными и этическими традициями различных научных школ, в нашем случае – исходного (классического) институционализма. Его представители – Торстейн Веблен, Джон Коммонс, Уэсли Митчелл, Джон Гэлбрейт – критиковали гедонизм, хищничество и стяжательство, справедливо отмечая их негативное влияние на культурное и экономическое развитие.

Разработка альтернативного дискурса, не противопоставляющего национальную традицию развитию экономики и технологий, представляется весьма актуальной. На страницах журнала «Экономическое возрождение России» выступали авторы, считающие, что технологическое развитие страны должно сочетаться (и опираться) с формированием традиционных духовно-нравственных ценностей. Новации в разных сферах, включая экономику и образование, предложено оценивать с точки зрения их влияния на сохранение и защиту традиционных ценностей [1, с. 123, 127]. Продолжая эту линию, мы ставим задачу теоретически обосновать непредвзятое изучение традиционных ценностей в дискурсе экономистов.

«Неправильные» нормы экономического поведения россиян

Современная российская литература по общественным наукам богата на работы, в которых упоминаются русские традиции экономического поведения. Широко применялись и межстрановые, кросс-культурные сопоставления. Под влиянием идеологической и политической доминанты последних тридцати лет типичный дискурс свёлся к высвечиванию черт русской ментальности (элементов «социокультурного кода» и т. п.), которые можно выставить в нелицеприятном свете, распространив на весь народ как некую константу. Многие экономисты приложили усилия к тому, чтобы показать: русские традиции экономического поведения не просто отличаются от традиций «передовых стран» Европы и Америки; они ниже, хуже, менее эффективны и продуктивны, мешают прогрессу и модернизации. Этот тезис доказывался самыми разными (порой весьма изощёнными и наукообразными) методами, со ссылками на «первоисточники» преимущественно иностранного происхождения, которые при ближайшем рассмотрении тоже оказывались наборами идеологем и этнологическими рассуждениями дилетантского уровня.

Известный и влиятельный российский экономист Е. Г. Ясин полагал, что «[т]радиционные русские ценности во многом привлекательны, но в целом малопр-

дуктивны» [2, с. 3]. «Нестяжательство – ценность непродуктивная, оно подрывает стимулы к труду и бережливости, к предприимчивости, ограничивает потребности. Конечно, оно ограничивает зависть и жадность, облагораживает нравы. Но процветанию не содействует» [2, с. 44–45]³. Оценка русского фольклора, равно как и православной религиозной этики, под значительным влиянием которой сформировался коллективный этос русского народа в дореволюционную (1917 г.) эпоху, по такой этической шкале давала искомым результат: преобладают непродуктивные ценности. Нестяжательство, заложенное в русском менталитете, должно пагубно сказываться на нашей способности «модернизироваться». Хотя, разумеется, «все культуры равноценны и важны, ... Но не все обладают одинаковыми способностями к развитию» [2, с. 67]. У жителей стран Восточной Азии отмечались трудолюбие, предприимчивость и тяга к образованию. В России же наши экономисты видели разве что «лень, разгильдяйство, нелюбопытство, неумение жить по законам», «неискоренимую склонность к спиртному» [2, с. 67], «неорганизованность», «небрежность, беспечность, безалаберность, неэкономность, ... бездеятельность, леность» [2, с. 43–44], которые парадоксальным образом проистекают от «жизни от земли, продуктов своего труда» [2, с. 44]. А вот «продуктивная система ценностей – преимущество Запада» [2, с. 33]. При отборе десяти наиболее значимых для экономики «традиционных российских ценностей» автор опирался, по его признанию, на «многообразные литературные источники», в числе которых работы В. В. Карачаровского, К. Касьяновой, В. О. Ключевского, И. М. Клямкина, Н. И. Лапина, Н. М. Лебедевой, Н. О. Лосского, И. П. Павлова, А. И. Солженицына, О. И. Шкаратана [2, с. 36–37]. Эпистемологической основой для их классификации и оценки стали разные методики межстрановых сопоставлений ценностей, о которых мы скажем ниже.

Возник заметный дуализм оценок: одни и те же институты квалифицируются как продуктивные применительно к одним странам и как непродуктивные – к другим. Верное следование традициям, культ предков, социальная пассивность, склонность к уравнительности, коллективизм, семейственная преемственность бизнеса, неформальные связи и подобные особенности культуры считаются важными факторами экономического и технического успеха для стран Восточной Азии, прежде всего Китая [3, с. 48–52]. При этом они же объявлялись тормозом прогресса для посткоммунистических стран, прежде всего для России. Если бы на месте России была любая другая страна, то склонность населения к следованию правилам и поддержанию традиций наверняка была бы оценена со знаком «плюс». Ведь сохранившие свои традиции, ценностное и культурное своеобразие страны добились успеха в развитии рыночной экономики [4, с. 24, 127; 5, с. 111]. Но, вероятно, «это другое». Мы уже привыкли.

Сугубо негативная тональность оценок всего русского в текстах видных экономистов и социологов шокирует и даже вызывает сочувствие («не повезло» им с местным населением, да и со страной вообще). Но сейчас речь о традициях и экономическом развитии. Поскольку «незаменимым стимулом к формированию продуктивных ценностей» [2, с. 75] была объявлена конкуренция, а в России её недостаточно, делается вывод: «система ценностей ещё не стала продуктивной» [2, с. 68]; сближению нашей страны с «развитыми странами» мешает «культурный барьер» [3, с. 108].

---

³ Раз нестяжательство ценность непродуктивная, то несложно заключить, что стяжательство – ценность продуктивная.

Аналогичная направленность отличала и ряд международных исследовательских проектов. Среди них проект «Межстрановая и внутристрановая дифференциация ценностей и взглядов», результаты которого представлены в [6]. Авторы одной из работ, частично вошедшей впоследствии в эту книгу, с сожалением констатируют, что российскому народу пока недостаёт «открытости» и до населения развитых стран он недотягивает, потому что здесь сильна противоположная ценность, которая носит название «сохранение» [7]. Согласно методике Ш. Шварца, которой следовали авторы, «открытость» обществ включает, в ряду прочих, такие параметры, как стимулирование (воодушевление, новизна, жизненные вызовы) и гедонизм (собственное удовольствие и чувственное удовлетворение). Противоположная ценность – «сохранение» – операционализируется в том числе через показатели «соответствие правилам, законам и формальным обязательствам», «избегание расстраивания или причинения вреда другим людям», «поддержание и сбережение культурных, семейных или религиозных традиций» [8, 9]. В случае России оценка этих вполне естественных ценностей была, разумеется, отрицательной.

В критике национальной идентичности россиян пригодился и фольклорный материал (пословицы), выборочно и предвзято трактуемый с целью принизить «особенности русского коммуникативного поведения» в сравнении с представителями других народов [10, с. 52–53, 61]. Оценка присущих русской экономической культуре таких черт, как «отношение к труду как единственному источнику преимущественных прав; понимание экономики как принципиально продуктивной, трудовой, а не спекулятивной; безоговорочный приоритет производительного труда, «вторичность» финансовой сферы» [4, с. 29–30], почему-то сопровождается намёком на их необычность и странность. Осуждение собственности, полученной несправедливым путём, «высокая способность к самоограничению, отсутствие экспансии потребительства» расценены как «своеобразное отношение к богатству» [4, с. 31]. Заметим, что очень похожее «своеобразие» присуще основным мировым религиям (кроме, возможно, одной). Впрочем, рассуждение о том, что больше соответствует «особенностям экономической ментальности» граждан России, сводилось к выбору между моделью «протестантского» и «конфуцианского» капитализма [11, с. 43], а православие почему-то опцией не считалось. Рост доли верующих назван барьером для модернизации России [12, с. 26], а то и просто ассоциируется с неграмотностью [13, с. 135].

Негативная оценка потенциала традиционных ценностей в позднесоветском и постсоветском научно-экспертном дискурсе подводила к простому умозаключению: раз «культурный код» (он же «социокультурный код», он же «социально-экономический генотип»⁴) русского народа несовершенный и ущербный, то нужно исправить его, скорректировать, модернизировать. Речь шла о тех элементах культуры и этики, которые мешают развитию капитализма в стране (какого именно капитализма – это тема для отдельной статьи). Значит, нужна особая культурная политика по искоренению традиционных норм и ценностей [7, 12, 17, 18]. Ведь «модернизация должна заниматься не только “железками”, но затронуть институты и культуру», и поэтому

---

⁴ У одного из авторов встречается критика понятия культурного кода за холистический и детерминистский подход, с которым оно ассоциируется [14], хотя буквально годом ранее тот же автор не имел ничего против социально-экономического генотипа [15]. Если холизм мы считаем верным методологическим принципом, то оправданность биологизма (позаимствованной из области эволюционной биологии метафоры [16]) «генотип» или «код» неочевидна.

«[х]арактерные для России институциональные и культурные препятствия переходу к инновационной стадии развития» [3, с. 107, 112] подлежат переформатированию. Задачей «механизма социокультурной модернизации» виделось «разложение традиционалистских норм и ценностей», поскольку «автоматического “одномоментного” разрушения традиционной для России системы норм» не произошло [12, с. 32–33].

По сей день продолжают рассуждения о «социокультурной отдалённости России от других стран» [19, с. 164–165], из-за чего «ожидания ряда российских исследователей увидеть коренные изменения в ценностях россиян со сменой поколения пока не оправдались, причём нет никаких оснований полагать, что это может произойти в обозримом будущем» [5, с. 110–111]. Видимо, такие ожидания существовали у тех, кто высшим благом и самоцелью для любой нации видит развитие капитализма, или включение в «глобализацию», или финансовое развитие, или рост иностранных инвестиций, или что-то подобное. Мешающие этому ценности и институты традиционного сообщества, особенно не-европейского и аграрного, объявляются (иногда со ссылкой на Торстейна Веблена!) «церемониальными», что неявно придаёт им отрицательную коннотацию. Хотя, если посмотреть на эти же самые институты с другой точки зрения, то они как раз способствуют сохранению местного хозяйственного уклада и развитию производительных сил в данном регионе, а значит, и выживанию данного сообщества. А Веблен писал о традиционных институтах другое, о чём чуть ниже.

Парадоксальным образом, объявление «идеологии», т. е. ценностных установок и этики, вне поля экономической науки не означало самоустранения экономистов от их перекраивания по лекалу оценочных подходов западных и прозападных авторов. В теоретических исследованиях тот или иной тезис просто декларировался с высокой степенью категоричности как самоочевидный, иногда со ссылкой на мнения других авторов. Содержание самих «модернизационных» процессов и специфика «инноваций» даже не всегда подвергались анализу. Нередко авторы тиражировали клише о «модернизации старых и создании новых институтов» [20, с. 61] без отсылки к фактическому материалу, не пытаясь непредвзято изучить и осмыслить традиции, влияющие на экономическое поведение.

Можно представить две версии, почему российские учёные следовали этому дискурсу и воспроизводили его: (1) личные убеждения и этическая позиция; (2) конформизм, «стадное чувство», интеллектуальная мода, отсутствие самостоятельной рефлексии, давление со стороны авторитетных учёных и учреждений высшего образования.

Для работ на стыке психологии, этнологии, антропологии характерно понимание «конъюнктурных мотив[ов] негативного отношения к России и русским» [21, с. 136], проникшего в том числе в академическую среду западных стран. Это неудивительно, поскольку оправдание институционального порядка держится на продвижении тех или иных императивов, попытке их укоренения и легитимации в общественном сознании [22, pp. 79, 111]. В нашем случае имеется в виду постсоветский период «трансформации прежней системы в свою логически и идеологически полную противоположность» [23, с. 132].

Чтобы утвердить читателя в том, что все нынешние недостатки идут из глубины веков, широко задействуется авторитетная в научных кругах концепция *path dependence* (зависимость от предыдущего пути развития, «эффект колеи»): «недостатки [русских норм и ценностей – А. В., А. К.] изживаемы, они в основном резуль-

тат складывавшихся в прошлом отношений и институтов, их архаичности»; «традиция возобладала» [2, с. 68, 70].

На наш взгляд, своеобразной колеёй стала в научной литературе сама новая традиция самобичевания и признания любых российских институций какими-то не такими. Этот стереотип навязывался с 1990-х гг., чтобы ослабить в общественном сознании отторжение наблюдаемого повсеместно грабежа, несправедливости, беззакония, нетрудового обогащения, финансовых спекуляций и аналогичных атрибутов «дикого» капитализма. В этом же русле действовало «интенсивное “прокачивание” либеральной идеологии с её постулатами о свободе индивида и необходимости полагаться на собственные силы, частной собственности как столпе общественного устройства и предпринимательстве как пути к благополучию» [24, с. 60].

Характерно, что многие работы, посвящённые заведомо проигрышному сопоставлению российских традиций с зарубежными, принадлежали перу академических экономистов и социологов, не отметившихся глубокими исследованиями в антропологии, этнологии, социальной психологии и аналогичных дисциплинах. Вместо своих эмпирических данных они обычно ссылаются на зарубежные методики и межстрановые исследования под эгидой международных организаций, имеющих специфическую миссию и политику.

Были и объективные, вполне материальные факторы, повлиявшие на распространение отрицательного отношения к собственным экономическим традициям в работах российских экономистов. На финансовую поддержку разного рода зарубежных фондов и российского государства могли рассчитывать только те исследования, которые вписывались в повестку дня, а она на протяжении долгого времени предписывала преодоление и ломку собственных национальных традиций. Даже нейтральные «позитивные» исследования вынуждены были адаптироваться и мимикрировать под господствовавшие русофобские квазитеоретические построения.

Традиция и модернизация: теория вопроса

Посмотрим, откуда взялся модернизационный дискурс в отношении традиций, отголоски которого есть в любой из процитированных выше статей. Ориентировочно в середине XX в. чрезвычайную популярность приобрела теория модернизации. Её отличали абсолютизация положительного влияния на экономический рост и развитие тех норм и ценностей, которые сопровождали интенсивное развитие торговых связей и экономический рост в западных странах. В типичном дискурсе о модернизации противопоставлялись не просто «традиционные» (преимущественно аграрные) и «современные» (промышленно развитые) общества – сама традиция оказалась синонимом отсталости и барьером для развития [25; 26, с. 26–29]. В частности, экономисты и социологи стали широко применять для межстрановых и межкультурных сопоставлений методические подходы Р. Инглхарта и К. Вельцеля, Г. Хофстеде, Ш. Шварца. Следуя ценностной шкале Инглхарта – Вельцеля, они противопоставляли традиционные ценности секулярно-рациональным, а ценность выживания – ценности самовыражения [27, pp. 552–555]. В рамках методики Г. Хофстеде индикаторы долгосрочной и краткосрочной ориентации почему-то разъяснялись как настойчивость и бережливость на одном полюсе, а «уважение к традициям, сохранение “лица” и выполнение социальных обязательств» – на втором, соответственно [28, р. 8]. Параметр снисходительности, или терпимости, означал, что в «модернизированном» обществе допускается «относительно свободное удовлетворение некоторых желаний и чувств,

особенно тех, которые связаны с досугом, развлечениями с друзьями, расходами, потреблением и сексом». В противоположность ему «сдержанность характеризует общество, которое контролирует такое удовлетворение и где люди чувствуют себя менее способными наслаждаться жизнью» [28, р. 9]. А единственной нацией и единственной страной с сильной базовой ценностью *Mastery* (то ли совершенствование в овладении мастерством в профессиональном занятии, то ли претензия на господство), по Шалому Шварцу, некоторые составляющие методики которого мы привели в предыдущем разделе, значатся еврейский народ, населяющий Израиль, и Соединённые Штаты Америки [29, р. 558].

Применяя эти концепции для обоснования необходимости «модернизации» в России, наши коллеги шли по пути инверсии смыслов, заложенных более ста лет назад рядом других учёных.

Для социологической традиции характерно понимание значимости обычая для сохранения идентичности и воспроизведения сообщества и роли языка в этом процессе [22]. В ряде случаев институции, которые принято воспринимать церемониальными, обрядовыми⁵, в действительности выполняли инструментальные функции, связанные с самим существованием сообществ [31]. Например, Эмиль Дюркгейм [32] подчёркивал, что такую функцию выполняет религия, способствуя сплочению людей в группы. Зигмунд Фрейд видел инструментальность религии в её способности ограничивать врождённые склонности насильственного и сексуального характера, приписываемые Фрейдом человеческой природе, что являлось необходимым для облегчения группового проживания и обеспечения сохранности группы [33]. Ряд традиций на самом деле не такие уж древние, а были изобретены и осознанно «опривычены» среди населения по историческим меркам относительно недавно, в том числе в социальных и политических целях – для распространения тех или иных ценностей [34].

Такие стороны экономического поведения человека, как гедонизм, хищничество и стяжательство, рассматривались как негативные для долгосрочного культурного и экономического развития самыми разными авторами [35–37]. Ниже мы сосредоточимся на значимости идей представителей институционального направления в контексте рассматриваемой проблематики.

Представители институциональной экономики (начиная с Торстейна Веблена) связывали предмет экономической науки с факторами человеческой культуры. В рамках вебленовской этики речь не шла о том, чтобы противопоставить обычай и технологию на категориальном или событийном уровне. Одни нормы поведения продуктивны (разумное использование имеющихся материалов, трудолюбие, совершенствование способа производства для целей, связанных с выживанием сообщества, бережливый расход ресурсов в интересах сыновнего поколения) и, будучи опривычены сообществами, ведут к материальному благополучию и культурному росту [38]. Подчёркивалась роль традиции, обычая для передачи технологических знаний [38, pp. 38–39]. Противоположные обычаи (расточительство, стяжательство, праздность, гедонизм, ориентация на внешнюю оценку в потреблении и тратах) непродуктивны.

Согласно институциональному подходу, «рациональность, как правило, выражается в сознательном следовании какой-либо общепринятой практике, эффективность которой подтверждена на опыте. Однако сама такая практика характеризуется

---

⁵ Можно встретить характеристику православия как магически-традиционного, ритуального и мистического [30].

как рациональная, и год от года её рациональность возрастает благодаря техническому прогрессу в промышленной и коммерческой сферах» [39, с. 97]. Никак не мешал развитию технологии свод правил целесообразного поведения или высших достижений прагматичного знания, накопленного сообществом в ходе эволюции, содержащий «поучительные призывы к бережливости, благоразумию, сдержанности, практическому управлению» [40, р. 9]. Таким образом, институциональная идея состоит в том, чтобы изучить, какие именно обычаи, отражаясь на институциональном устройстве, приводят к тому или иному результату в плане развития общества.

Оценка Вебленом институций, служащих денежной культуре, как непродуктивных, обрядовых и церемониальных связана с ориентацией на хищнические, корыстные экономические интересы, повышение доходности бизнеса в ущерб материально-вещественным показателям работы, с приоритетом сбыта и торговли в ущерб мотивации технологического совершенствования [38, 41]. Торстейн Веблен считал, что мораль денежной конкуренции противоположена христианской морали [42]. Нормы естественного права, которые постепенно стали выдавать за всеобщие универсальные законы и основу для экономической политики западных стран, соответствовали рыночным отношениям, сопровождавшим развитие технологии ремесленничества, правил мелкой торговли. В тех условиях принципы честной игры, доброкачественность производимой продукции, неприкосновенность собственности, императив распоряжения деньгами по собственному усмотрению были лучшей политикой. Всё поменялось «с тех пор, как бизнес приобрёл характер безличного, бесстрастного, чтобы не сказать безнравственного, инвестирования денег для получения прибыли» [42, с. 177–178]. Видимо, Веблен имел в виду, что прежние правила в новых условиях способствуют хищнической эксплуатации, истощению ресурсов в глобальном масштабе, потребительству, культурной деградации. Последователей Веблена беспокоила опасность корпоративного тоталитаризма, к которому может привести беспрецедентное расширение сферы влияния и власти корпоративных организаций в США [43, pp. 324–325]. В ситуации, когда религиозные, образовательные, научные, политические, правительственные и военные институты подчинены корпорациям, технологический процесс нарушается и приобретает существенно иную направленность (ориентации на защиту корпоративного капитала).

То, что впоследствии стали называть неоклассической экономической теорией, прямо характеризовалось Уэсли Митчеллом и Джоном Коммонсом как «гедонистическая теория» [39, 44, 45]. А одну из основополагающих заповедей, на которой эта теория построена, – индивидуализм, Веблен называл не чем иным, как эгоцентризмом, эгоистическим мировоззрением [42, с. 173].

В контексте данной статьи подчеркнём, что Веблен не противопоставлял традицию технологии и не давал отрицательных характеристик национальным институтам и ценностям как таковым. Это уже стало результатом произвольного толкования идей Веблена его последователями и интерпретаторами [46, 47], которые сделали акцент на «техническом прогрессе». С подачи другого видного институционалиста – Кларенса Эйрса – технологические изменения стали считаться заведомо прогрессивными, морально оправданными и полезными для общества, тогда как традиционные уклады, нормы и ценности начали восприниматься как церемониальные, т. е. отжившие и препятствующие желанным переменам [46, 48–51]. Несмотря на то, что Эйрс в этом вопросе чётко дистанцировался от Веблена [48, pp. 36–37], в научном дискурсе

(и далеко не только русском) со временем утвердилось отождествление взглядов этих довольно разных авторов [52].

Таким образом, констатация эмпирического наблюдения о том, что, как правило, технологическую модернизацию и экономический рост ряда обществ сопровождают определённые изменения в ценностных установках населения, заложила основу для тенденции определять по этим ценностям степень модернизации страны. Речь не шла о том, чтобы попытаться охарактеризовать новые нормы с точки зрения их воздействия на дальнейший прогресс и вообще на судьбу человечества. Нравственной составляющей технологической и экономической модернизации экономисты мало интересовались. В постсоветскую эпоху эта «интеллектуальная мода» проникла и стала задавать тон в России.

Конструктивный потенциал национальной традиции

Определённые поведенческие установки и ценностные ориентиры помогали русскому народу выживать и сохранять свою идентичность на протяжении веков. Обратимся к учёным, которые опираются на эмпирический материал и помещают данную проблематику в исторический, социальный и культурный контекст.

Ряд отечественных авторов находят в традициях и нравственных ориентирах конструктивный потенциал, скорее необходимый здоровому прогрессу, а не противоречащий ему. Как правило, способствуют этому соблюдение стандартов, характерных для качественного исследования, достаточный размер выборки, как можно более непредвзятый анализ текстового материала, когда исследователь не притягивает факты, подстроив их под свои априорные ценностные суждения.

Элементы русской народной экономической культуры при более детальном подходе оказываются основанными на принципах самоограничения и самообеспечения, т. е. жизни по средствам, в плане как ведения предпринимательской деятельности [53], так и личного потребления, расходования, заимствования и одалживания [54]. Можно сказать, что императив финансовой устойчивости в традиционной культуре русского предпринимателя на уровне формально закреплённого кодекса сочетался с моральными ценностями, включая честь, долг, отрицание стяжательства, финансовых махинаций, невыполнения договорных обязательств, неуплаты налогов, своекорыстия в ущерб другим и иных форм нечестного поведения [53]. Статья А. В. Горшкова подводит читателя к логическому выводу: вряд ли есть нужда переформатировать эти принципы со сменой технологических укладов [53, с. 28]. Нормативная этика середины XIX в., воплощённая в русских пословицах и поговорках, поощряла личную ответственность, умение жить по средствам, опираться на свои силы, оставаться в границах в плане потребления и трат. Осуждались и высмеивались мотовство, расточительство, чрезмерное потребление, показные траты [54]. Непонятно, почему мы должны считать эти ориентиры непродуктивными и архаичными. Они во многом созвучны продвигаемой сегодня межстрановой повестке устойчивого развития и смежным концепциям. К сожалению, по нашим расчётам, более 96 % дореволюционных пословиц, содержащих нормативные призывы к трудолюбию, добросовестной работе, развитию мастерства, рачительному ведению хозяйства, остаются сегодня незамеченными [55].

Положительная роль в раннеиндустриальном развитии России приписывается аскетизму, трудолюбию и предприимчивости старообрядцев, а также поморов и казаков-первопроходцев [56, pp. 17–18]. Трудовая этика старообрядцев не раз становилась объектом исследовательского интереса для демонстрации того, как рачительное

ведение хозяйства и успех торгового дела могут быть обеспечены одновременно с ограничением хищнических мотивов [21, 57]. Что касается православных норм, регулирующих хозяйственную деятельность, здесь также прослеживается лейтмотив самообеспечения хозяйства, а труд не просто является естественным состоянием человека: отказ от труда – это грех, который ведёт к нравственной деградации [58, с. 158]. Примеры изучения крестьянского дискурса показывают неразрывную связь обеспеченной жизни с трудом, ремесленной деятельностью [59, с. 105–106]. Встречаются работы, акцентирующие практическую значимость народных изречений, в частности, касающихся практики налогообложения: «при инвариантности поведения необходимо поступать так, как учат мудрые пословицы и поговорки. Отдельный человек может ошибаться, народная мудрость обобщает эти ошибки, оберегает от них. Иначе говоря, сомневаешься, поступи согласно пословице и поговорке, не ошибёшься» [60, с. 92]. Моральные нормы в определённом смысле могут обладать большей легитимностью, чем правовые, ведь их источником является само общество.

Утверждается, что «в обыденном, прагматическом поведении народа» заложены «рациональные элементы», которые передавались от поколения к поколению «традиционно-опытным путём» [61, с. 107]. Обоснована преемственность между современными тенденциями обращения с финансами и опытом, представленным в пословицах и поговорках XIX в., который можно грамотно использовать для укрепления института семьи [62]. Отмечается, что даже пословицы и поговорки, вышедшие из активного употребления в наши дни, «не утратили своей эпистемологической ценности»: «*Felix, qui nihil debet*» – «Счастлив тот, кто ничего не должен». Это латинское изречение особенно актуально в наше время, когда долг стал не только формой бытовой услуги в структуре межличностных отношений, но и изощённым финансовым механизмом общественной манипуляции» [63, с. 68].

Культурные традиции, включая трудовую, хозяйственную этику, рассматриваются как фундамент, на котором можно построить успешное предпринимательство народа саха, не разрушая укоренённые ценности, а культивируя их, подобно тому, как это было в азиатских странах – Корее, Японии, Сингапуре: «И на современном этапе развития Якутии становится особенно важным: во-первых, не утратить традиционные ценности народа (трудолюбие, предприимчивость), способствующие развитию предпринимательства и самозанятости в новых условиях рыночной экономики; во-вторых, способствовать их передаче следующим поколениям путём приобщения к богатой национальной культуре; в-третьих, расширять границы профессиональной деятельности якутского народа для повышения конкурентоспособности в новых реалиях и с учётом требований, выдвигаемых мировым хозяйством» [64, с. 55].

Методом интервьюирования представителей сообществ любителей фольклора выявлено, что с помощью культурных традиций можно содействовать развитию популярных принципов социальной инклюзии, т. е. социокультурной интеграции уязвимых групп населения [65].

Становится понятнее тезис о том, что новации надлежит проверять на соответствие традиционным ценностям [1], а не принимать слепо, без рефлексии и тем более не объявлять курс на их «модернизацию» без оглядки на её последствия. Ведь изменение и технологическое совершенствование средств производства и предметов потребления не должны становиться самоцелью развития и подчинять основополагающие принципы ведения хозяйственной деятельности. В равной степени абсурдна попытка измерить по лекалу «инновационности» все сферы общественной жизни. Не зря

А. И. Амосов обращает внимание на то, что «ускорение революционных преобразований и «инноваций» в семейных отношениях в конечном итоге несёт опасность деградации как семей, так и цивилизаций и в целом всего человечества» [66, с. 52]. Анализируя переход от традиционного семейного воспитания к институтам школьного и высшего образования и воспитания, автор отмечает, что человечество не только приобрело, но и «утратило нечто ценное из традиционного цивилизационного опыта подготовки к жизни новых поколений. Обнаружилось, что далеко не все нововведения, пришедшие на смену цивилизационному семейному воспитанию детей, способствуют воспитанию физически и духовно здоровых новых поколений» [66, с. 59].

Заключение

Одна из особенностей научного и экспертного дискурса последних десятилетий в России – продвижение нарратива о несостоятельности и непродуктивности русских ценностей и культурных традиций, в частности экономического поведения. Раз за разом вбрасывались идеи «исправления», «модернизации» и «перекодирования» ценностных установок в направлении «открытости» финансовому капитализму, без чего якобы нереально выйти на уровень эффективности и благосостояния промышленно развитых стран Запада. Непродуктивные в долгосрочной перспективе установки (стремление к удовольствию, пренебрежение к традиции, соревновательность в потреблении и тратах, жизнь в долг, безудержное потребительство) выдавались за продуктивные, и наоборот: консервативные ценности и институты дискредитировались как «церемониальные». Произошла инверсия смысла. Она не просто проникла в дискурс академических экономистов и социологов, а в значительной степени сформировалась внутри него. Внутри сообщества преимущественный доступ к ресурсам получили те, кому «не повезло со страной» и чья интеллектуальная и мировоззренческая позиция состояла в том, что в России всё своё никуда не годится и неперспективно в чисто экономическом плане, поэтому надо перейти на европейские и американские институты. «Совсем даже были бы другие порядки-с», по выражению одного из антигероев Достоевского.

Интеллектуальная смердяковщина многим уже изрядно надоела; реализация этих идей не вывела страну на путь устойчивого поступательного развития. Сегодня важно найти и сформировать альтернативный дискурс(ы). Например, переместить фокус на позитивные исследования российских институций и институтов, которые помогали народу выживать и сохранять свою идентичность на протяжении веков. Здесь пригодятся идеи мыслителей прошлого, призывавших не отвергать традицию и тем более не подавлять её и видевших в нравственном самосовершенствовании личности обязательное условие прогресса. Плодотворными могут оказаться этические и методологические подходы «классических» институционалистов прошлого века, например эволюционная теория Торстейна Веблена. Согласно ей, традиция может стать опорой для роста технологического мастерства, а оценивание и традиции, и технологии происходит с учётом конкретных социально-культурных условий и связывается с долгосрочным развитием общества и сохранением его идентичности. Заслуживает дальнейшей проработки вопрос: какие из наших традиций (возможно, присущих не всему этносу в целом, а отдельным субэтносам) сохраняют актуальность и конструктивный потенциал, чтобы их возрождать и развивать. В частности, это касается изменения культуры потребления и повышения финансовой устойчивости домашних хозяйств, поощрения продуктивных видов занятости и получения дохода.

Список литературы

1. Романов, Е. В. Ценностные основания стратегии экономического развития России / Е. В. Романов // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 3. – С. 119–138. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-119-138.
2. Ясин, Е. Г. Модернизация экономики и система ценностей / Е. Г. Ясин. – М.: ГУ – ВШЭ, 2003.
3. Ясин, Е. Г. Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры / Е. Г. Ясин, М. В. Снеговая⁶. – М.: Издат. дом ГУ–ВШЭ, 2009.
4. Архипов, А. Ю. Экономическая культура / А. Ю. Архипов, Т. А. Зотова, О. В. Евграфова, В. К. Королев. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2006.
5. Латова, Н. В. Социокультурные ценности российских горожан: модернизация vs традиционность / Н. В. Латова // Terra Economicus. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 99–114. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114.
6. Harrison, L., Yasin, E. (Eds.) (2015) Culture Matters in Russia and Everywhere. London: Lexington Books.
7. Магун, В., Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 г.) / В. Магун, М. Руднев // Вопросы экономики. – 2010. – № 12. – С. 107–130. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-12-107-130.
8. Davidov E., Schmidt P., Schwartz S. (2008) Bringing Values Back In: The Adequacy of the European Social Survey to Measure Values in 20 Countries. Public Opinion Quarterly, 72(3), pp. 420–445.
9. Sagiv L., Schwartz S. (2022) Personal Values Across Cultures. Annual Review of Psychology, 73(1), pp. 517–546.
10. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М.: Флинта: Наука, 2006.
11. Латова, Н. В.. Российская экономическая ментальность на мировом фоне / Н. В. Латова, Ю. В. Латов // Общественные науки и современность. – 2001. – № 4. – С. 31–43.
12. Тихонова, Н. Е. Динамика социокультурной модернизации в России / Н. Е. Тихонова // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 24–34.
13. Тихонова, Н. Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ / Н. Е. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 134–149.
14. Тамбовцев, В. Л. Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях / В. Л. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 85–106.
15. Тамбовцев, В. Л. Понятие социально-экономического генотипа и современные исследования в сфере менеджмента / В. Л. Тамбовцев // Российский журнал менеджмента. – 2014. – Т. 12, № 2. – С. 117–132.
16. Фролов, Д. П. Метафоризм институционализма: физикализм vs биологизм / Д. П. Фролов // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11, № 3. – С. 34–51. DOI: 10.24412/2410-4531-2013-3-34-51.
17. Майминас, Е. З. Социально-экономический генотип общества (1989) / Е. З. Майминас // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2016. – № 4. – С. 186–204.

⁶ Включена Минюстом России в число иноагентов.

18. *Ивашковский, С. Н.* Экономика и этика: история непростых взаимоотношений / С. Н. Ивашковский // Экономическая политика. – 2011. – № 3. – С. 114–141. EDN: NULJZL
19. *Данилов, Ю. А.* Типы капитализма / Ю. А. Данилов // Журнал НЭА. – 2023. – № 3. – С. 150–170.
20. *Игнатова, Т. В.* Институциональные концепции экономического роста и их модернизации / Т. В. Игнатова, Т. П. Черкасова // Государственное и муниципальное управление: Учёные записки СКАГС. – 2011. – № 2. – С. 57–67.
21. *Карнышев, А. Д.* Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты / А. Д. Карнышев, Е. А. Иванова, О. А. Карнышева. – М.: Институт психологии РАН, 2017.
22. *Berger, P., Luckman, T.* (1991) *The Social Construction of Reality*. London: Penguin Books.
23. *Корытцев, М. А.* Потребность в альтернативе / М. А. Корытцев // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – Т. 3, № 2. – С. 132–135.
24. *Радаев, В. В.* Уроки «финансовых пирамид», или Что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении / В. В. Радаев // Мир России. Социология. Этнология. – 2002. – Т. 11, № 2. – С. 39–69.
25. *He, Ch.* (2012) *Modernization Science: The Principles and Methods of National Advancement*. Berlin; Heidelberg: Springer.
26. *Заостровцев, А. П.* Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? / А. П. Заостровцев. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
27. *Inglehart, R., Welzel, C.* (2010) *Changing Mass Priorities: The Link Between Modernization and Democracy*. *Reflections*, 8(2), pp. 551–555.
28. *Hofstede, G., Minkov, M.* (2013) *The Values Survey Module 2013 (VSM 2013)*. Manual. URL: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf> (Access date: 16.12.2023).
29. *Schwartz, S.* (2014) Chapter 20 – National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance // V. Ginsburgh, D. Throsby (Eds.) *Handbook of the Economics of Art and Culture*. Elsevier, 2, pp. 547–586.
30. *Buss, A.* (1989) *The Economic Ethics of Russian-Orthodox Christianity: Part 1*. *International Sociology*, 3, 235–258.
31. *Powell, J.* (2023) *The Instrumentality of Ceremonial Habits of Thought*. *Journal of Economic Issues*, 57, 2, pp. 423–431.
32. *Дюркгейм, Э.* Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: антология. – М., 1998.
33. *Freud, S.* (1927) *The Future of an Illusion*. In: *The Freud Reader*, P. Gay (Ed.). New York: W. W. Norton & Company, Inc., pp. 685–722.
34. *Hobsbawm, E.* (2000) *Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914*. In: *The Invention of Tradition*, E. Hobsbawm, T. Ranger (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, pp. 263–309.
35. *Veblen, T.* (1922) *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. N.Y.: B. W. Huebsch.
36. *Galbraith, K.* (1973) *Economics and the Public Purpose*. Boston, MA: Houghton Mifflin.
37. *Tawney, R.* (2010) *The Acquisitive Society*. New York: Harcourt, Brace and Company.
38. *Veblen, T.* (1918) *The Instinct of Workmanship*. N.Y.: B. W. Huebsch.

39. *Mitchell, W.* (2010) The Rationality of Economic Activity (Continued). *Terra Economicus*, 8(1), pp. 96–108. DOI: 10.24412/2073-6606-2010-1-96-108.
40. *Veblen, T.* (1961) The Place of Science in Modern Civilisation // *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays by Thorstein Veblen*. N.Y.: Russel & Russel, pp. 1–31.
41. *Veblen, T.* (1904). *The Theory of Business Enterprise*. New York: Charles Scribner's Sons.
42. *Веблен, Т.* Христианская мораль и конкурентная система. Идеи и идеалы / Т. Веблен. – 2015. – № 7 (4.1). – С. 167–178.
43. *Waller, W.* (1987) Ceremonial Encapsulation and Corporate Cultural Hegemony. *Journal of Economic Issues*, 21(1), pp. 321–328.
44. *Митчелл, У.* Рациональность экономической деятельности / У. Митчелл // *Terra Economica*. – 2009. – Т. 7, № 4. – С. 80–88. DOI: 10.24412/2073-6606-2009-4-80-88.
45. *Коммонс, Дж.* Институциональная экономика / Дж. Коммонс // *Terra Economicus*. – 2012. – Т. 10, № 3. – С. 69–76. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-3-69-76.
46. *Latsis, J.* (2010) Veblen on the Machine Process and Technological Change. *Cambridge Journal of Economics*, 34 (4), pp. 601–615.
47. *Waller, W.* (2022) Institutions, Technology, and Instrumental Value: A Reassessment of the Veblenian Dichotomy // *Institutional Economics*, Ch. Whalen (Ed.). *Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Routledge, pp. 19–48.
48. *Ayres, C.* (1935) *The Gospel of Technology* // *American Philosophy Today and Tomorrow*, H. Kallen, S. Hook (Eds.). New York: Lee Furman, pp. 25–44.
49. *Ayres, C.* (1946) *The Divine Right of Capital*. Boston, MA, Houghton Mifflin.
50. *Ayres, C.* (2021) *The Theory of Economic Progress. A Study of the Fundamentals of Economic Development and Cultural Change*. Association for Evolutionary Economics.
51. *Mayhew, A.* (1998) On the Difficulty of Evolutionary Analysis. *Cambridge Journal of Economics*, 22, pp. 449–461.
52. *Верников, А. В.* (2024). От теории к эмпирике и обратно: недоразумение вокруг «дихотомии Веблена» / А. В. Верников, А. А. Курышева // *Russian Journal of Economics and Law* (в печати). DOI: 10.13140/RG.2.2.11522.45763/6.
53. *Горшков, А. В.* Русские пословицы и поговорки как выражение национальной экономической культуры // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2011. – № 36. – С. 28–30.
54. *Верников, А. В.* Отношение к жизни не по средствам в русских пословицах и поговорках / А. В. Верников, А. А. Курышева // *Экономическая социология*. – 2023. – Т. 24, № 3. – С. 33–57.
55. *Верников, А. В.* Русская традиционная экономическая культура с точки зрения концепции Веблена о поведенческих установках / А. В. Верников, А. А. Курышева // *Препринт ResearchGate № 373092979*. – 2023b. DOI: 10.13140/RG.2.2.20519.11683/4.
56. *Treivish, A.* (2023) Historical Experience of the Modernization of Russian Society and Space. *Regional Research of Russia*, 13(1), pp. 6–33.
57. *Расков, Д. Е.* Экономические институты старообрядчества / Д. Е. Расков. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012.
58. *Забаяев, И. В.* Мотивация хозяйственной деятельности в этике русского православия / И. В. Забаяев // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2007. – № 1. – С. 149–160.

59. *Виноградский, В. Г.* Крестьянские устные повести: опыт дискурсивного чтения / В. Г. Виноградский // *Мир России*. – 2018. – Т. 27, № 1. – С. 90–113.
60. *Махрова, М. В.* Налоги в русских пословицах и поговорках / М. В. Махрова, В. П. Кузнецов // *Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2006. – № 11. – С. 88–92.
61. *Верховин, В. И.* Модели экономического поведения и их вербализация в русском народном фольклоре / В. И. Верховин // *Мир России. Социология. Этнология*. – 2001. – Т. 10, № 1. – С. 106–124.
62. *Круглова, Е. Л.* Экономические стереотипы российских семей через призму пословиц и поговорок / Е. Л. Круглова // *Социодинамика*. – 2023. – № 7. – С. 30–41.
63. *Карачина, О. Е.* Долг в русских и английских паремиях / О. Е. Карачина // *Национальная ассоциация учёных*. – 2015. – № 6-3. – С. 67–70.
64. *Местникова, А. Б.* Этнокультурные аспекты предпринимательства и занятости населения в Республике Саха (Якутия) / А. Б. Местникова // *Экономическая социология*. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 47–69. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3/26592608.html> (accessed on November 26, 2023).
65. *Кононенко, Р. В.* Традиция как инклюзия. Ресурсы социокультурной интеграции в народной культуре / Р. В. Кононенко // *Журнал исследований социальной политики*. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 573–590.
66. *Амосов, А. И.* Россия перед вызовами истории: поиск ответов / А. И. Амосов // *Экономическая и технологическая модернизация России: уроки истории и современные вызовы*. Памяти Д. Е. Сорокина / ред. Н. Ю. Ахапкин. – М.: ИЭ РАН, 2022. – С. 51–72.

References

1. Romanov E. V. (2023) Tsennostnyye osnovaniya strategii ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Value Foundations of Russian Economic Development Strategy]. *Economic Revival of Russia*, 3, pp. 119–138. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-119-138.
2. Yasin E. G. (2003) *Modernizatsiya ekonomiki i sistema tsennostey* [Economic Modernization and the System of Values]. Moscow: HSE Publishing House.
3. Yasin E. G., Snegovaya M.V.⁷ (2009) *Tektonicheskiye sdvigi v mirovoy ekonomike: chto skazhet faktor kul'tury* [Tectonic Shifts in the Global Economy: What Will the Cultural Factor Say?]. Moscow: HSE Publishing House.
4. Arkhipov A. Y., Zotova T. A., Evgrafova O. V., Korolev V. K. (2006) *Ekonomicheskaya kul'tura* [Economic Culture]. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publishing House.
5. Latova N. V. (2022) *Sotsiokul'turnyye tsennosti rossiyskikh gorozhan: modernizatsiya vs traditsionnost'* [Socio-Cultural Values of Russian City Dwellers: Modernisation vs Traditionalism]. *Terra Economicus*, 20(4), pp. 99–114. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114.
6. Harrison L., Yasin E. (Eds.) (2015) *Culture Matters in Russia and Everywhere*. London: Lexington Books.
7. Magun V., Rudnev M. (2010) *Bazovyye tsennosti rossiyan i drugikh yevropeytssev (po materialam oprosov 2008 goda)* [Basic Human Values of Russians and Other Europeans (The Re-

---

⁷ Включена Минюстом России в число иноагентов / Included in the Registers (lists) of foreign agents maintained by the Ministry of Justice of the Russian Federation.

sults of 2008 Surveys)]. *Questions of Economics*, 12, pp. 107–130. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-12-107-130.

8. Davidov E., Schmidt P., Schwartz S. (2008) Bringing Values Back In: The Adequacy of the European Social Survey to Measure Values in 20 Countries. *Public Opinion Quarterly*, 72(3), pp. 420–445.

9. Sagiv L., Schwartz S. (2022) Personal Values Across Cultures. *Annual Review of Psychology*, 73(1), pp. 517–546.

10. Prokhorov Y. E., Sternin I. A. (2006) *Russkiye: kommunikativnoye povedeniye* [The Russians: Communicative Behavior]. Moscow: Flinta: Nauka Publ.

11. Latova N. V., Latov Y. V. (2001) *Rossiyskaya ekonomicheskaya mental'nost' na mirovom fone* [Russian Economic Mentality Against the Global Background]. *Social Sciences and Contemporary World*, 4, pp. 31–43.

12. Tikhonova N. E. (2013) *Dinamika sotsiokul'turnoy modernizatsii v Rossii* [Dynamics of Sociocultural Modernization in Russia]. *Sociological Science and Social Practice*, 1, pp. 24–34.

13. Tikhonova N. E. (2018) *Sootnosheniye interesov gosudarstva i prav cheloveka v glazakh rossiyan: empiricheskiy analiz* [Balance of State Interests and Human Rights in Perception of Russians: Empirical Analysis]. *Polis. Political Studies*, 5, pp. 134–149.

14. Tambovtsev V. L. (2015) *Mif o «kul'turnom kode» v ekonomicheskikh issledovaniyakh* [The Myth of the “Culture Code” in Economic Research]. *Questions of Economics*, 12, pp. 85–106.

15. Tambovtsev V. L. (2014) *Ponyatiye sotsial'no-ekonomicheskogo genotipa i sovremennyye issledovaniya v sfere menedzhmenta* [The Concept of Social-Economic Genotype and Contemporary Research in Management]. *Russian Management Journal*, 12(2), pp. 117–132.

16. Frolov D. P. (2013) *Metaforizm institutsionalizma: fizikalizm vs biologizm* [Metaphorism of Institutionalism: Physicalism vs Biologism]. *Terra Economicus*, 11(3), pp. 34–51. DOI: 10.24412/2410-4531-2013-3-34-51.

17. Maiminas E. Z. (2016) *Sotsial'no-ekonomicheskiiy genotip obshchestva (1989)* [Socio-economic Genotype of a Society (1989)]. *Moscow University Economics Bulletin*, 4, pp. 186–204.

18. Ivashkovsky S. N. (2011) *Ekonomika i etika: istoriya neprostrykh vzaimootnosheniy* [Economics and Ethics: A History of Difficult Relationships]. *Economic Policy*, 3, pp. 114–141.

19. Danilov Y. A. (2023) *Tipy kapitalizma* [Types of Capitalism]. *Journal of New Economic Association*, 3, pp. 150–170.

20. Ignatova T. V., Cherkasova T. P. (2011) *Institutsional'nyye kontseptsii ekonomicheskogo rosta i ikh modernizatsii* [Institutional Concepts of Economic Growth and Their Modernization]. *State and Municipal Administration Scientific Notes*, 2, pp. 57–67.

21. Karnyshev A. D., Ivanova E. A., Karnysheva O. A. (2017) *Priroda ekonomicheskogo patriotizma i grazhdanskogo sotrudnichestva: etnopsikhologicheskiye aspekty* [The Nature of Economic Patriotism and Civil Cooperation: Ethnopsychological Aspects]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.

22. Berger P., Luckman T. (1991) *The Social Construction of Reality*. London: Penguin Books.

23. Koryttsev M. A. (2005) *Potrebnost' v al'ternative* [The Need for an Alternative]. *Economic Herald of Rostov State University*, 3(2), pp. 132–135.

24. Radaev V. V. (2002) *Uroki «finansovykh piramid», ili chto mozhet skazat' ekonomicheskaya sotsiologiya o massovom finansovom povedenii* [The Lessons of “Financial Pyramids”, or What Economic Sociology Can Tell Us About the Financial Behavior of Masses]. *University of Russia*, 11(2), pp. 39–69.

25. He Ch. (2012) *Modernization Science: The Principles and Methods of National Advancement*. Berlin; Heidelberg: Springer.
26. Zaostrovtssev A. P. (2020) *Polemika o modernizatsii: obshchaya doroga ili osobyie puti? [Controversy about Modernization: Common Road or Special Paths?]* St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg.
27. Inglehart R., Welzel C. (2010) *Changing Mass Priorities: The Link Between Modernization and Democracy*. *Reflections*, 8(2), pp. 551–555.
28. Hofstede G., Minkov M. (2013) *The Values Survey Module 2013 (VSM 2013)*. Manual. URL: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf> (access date: December 16, 2023).
29. Schwartz S. (2014) Chapter 20 – National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance // V. Ginsburgh, D. Throsby (Eds.) *Handbook of the Economics of Art and Culture*. Elsevier, 2, pp. 547–586.
30. Buss A. (1989) *The Economic Ethics of Russian-Orthodox Christianity: Part 1*. *International Sociology*, 3, 235–258.
31. Powell J. (2023) *The Instrumentality of Ceremonial Habits of Thought*. *Journal of Economic Issues*, 57, 2, pp. 423–431.
32. Durkheim E. (1998) *Elementarnyye formy religioznoy zhizni [Elementary Forms of Religious Life]* // *Mysticism. Religion. Science. Classics of World Religious Studies*. Anthology. Moscow.
33. Freud S. (1927) *The Future of an Illusion* // *The Freud Reader*, P. Gay (Ed.). New York: W. W. Norton & Company, Inc., pp. 685–722.
34. Hobsbawm E. (2000) *Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914* // *The Invention of Tradition*, E. Hobsbawm, T. Ranger (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, pp. 263–309.
35. Veblen T. (1922) *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. N.Y.: B. W. Huebsch.
36. Galbraith K. (1973). *Economics and the Public Purpose*. Boston, MA: Houghton Mifflin.
37. Tawney R. (2010) *The Acquisitive Society*. New York: Harcourt, Brace and Company.
38. Veblen T. (1918) *The Instinct of Workmanship*. N.Y.: B. W. Huebsch.
39. Mitchell W. (2010) *The Rationality of Economic Activity (Continued)*. *Terra Economicus*, 8(1), pp. 96–108. DOI: 10.24412/2073-6606-2010-1-96-108.
40. Veblen T. (1961) *The Place of Science in Modern Civilisation* // *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays by Thorstein Veblen*. N.Y.: Russel & Russel, pp. 1–31.
41. Veblen T. (1904) *The Theory of Business Enterprise*. New York: Charles Scribner's Sons.
42. Veblen T. (2015) *Khristianskaya moral' i konkurentnaya sistema [Christian Morals and the Competitive System]*. *Ideas and Ideals*, 7(4.1), pp. 167–178.
43. Waller W. (1987) [Ceremonial Encapsulation and Corporate Cultural Hegemony]. *Journal of Economic Issues*, 21(1), pp. 321–328.
44. Mitchell W. (2009) *Ratsional'nost' ekonomicheskoy deyatelnosti [The Rationality of Economic Activity]*. *Terra Economicus*, 7(4), pp. 80–88. DOI: 10.24412/2073-6606-2009-4-80-88.
45. Commons J. (2012) *Institutsional'naya ekonomika [Institutional Economics]*. *Terra Economicus*, 10 (3), pp. 69–76. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-3-69-76.
46. Latsis J. (2010) *Veblen on the Machine Process and Technological Change*. *Cambridge Journal of Economics*, 34 (4), pp. 601–615.

47. Waller W. (2022) Institutions, Technology, and Instrumental Value: A Reassessment of the Veblenian Dichotomy // *Institutional Economics*, Ch. Whalen (Ed.). *Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Routledge, pp. 19–48.
48. Ayres C. (1935) *The Gospel of Technology // American Philosophy Today and Tomorrow*, H. Kallen, S. Hook (Eds.). New York: Lee Furman, pp. 25–44.
49. Ayres C. (1946) *The Divine Right of Capital*. Boston, MA, Houghton Mifflin.
50. Ayres C. (2021) *The Theory of Economic Progress. A Study of the Fundamentals of Economic Development and Cultural Change*. Association for Evolutionary Economics.
51. Mayhew A. (1998) On the Difficulty of Evolutionary Analysis. *Cambridge Journal of Economics*, 22, pp. 449–461.
52. Vernikov A. V. Kurysheva A. A. (2024) Ot teorii k empirike i obratno: nedorazumeniye vokrug «dikhotomii Veblena» [From Theory to Empirical Studies and Then Back to Theory: Clearing the Misunderstandings Around the Veblenian Dichotomy]. *Russian Journal of Economics and Law* (In Print). DOI: 10.13140/RG.2.2.11522.45763/6.
53. Gorshkov A. V. (2011) Russkiye poslovitsy i pogovorki kak vyrazheniye natsional'noy ekonomicheskoy kul'tury [Russian Proverbs and Sayings as an Expression of National Economic Culture]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 36, pp. 28–30.
54. Vernikov A. V., Kurysheva A. A. (2023a) Otnosheniye k zhizni ne po sredstvam v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [Living Beyond Means as Reflected in Old Russian Proverbs]. *Journal of Economic Sociology*, 24 (3), pp. 33–57.
55. Vernikov A.V, Kurysheva A. A. (2023b) Russkaya traditsionnaya ekonomicheskaya kul'tura s tochki zreniya kontseptsii Veblena o povedencheskikh ustanovkakh [Traditional Economic Culture of Russians Through the Lens of Thorstein Veblen]. ResearchGate Preprint No. 374947330. https://www.researchgate.net/publication/374947330_Traditional_economic_culture_of_Russians_through_the_lens_of_Thorstein_Veblen
56. Treivish A. (2023) Historical Experience of the Modernization of Russian Society and Space. *Regional Research of Russia*, 13(1), pp. 6–33.
57. Raskov D. E. (2012) *Ekonomicheskiye instituty staroobryadchestva* [Economic Institutions of the Old Believers]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University.
58. Zabaev I. V. (2007) Motivatsiya khozyaystvennoy deyatel'nosti v etike russkogo pravoslaviya [Economic Motivation and the Ethics of Russian Orthodoxy]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, pp. 149–160.
59. Vinogradsky V. G. (2018) Krest'yanskiye ustnyye povesti: opyt diskursivnogo chteniya [Peasant Oral Stories: The Experience of Discursive Reading]. *The Universe of Russia*, 27(1), pp. 90–113.
60. Makhrova M. V., Kuznetsov V. P. (2006) Nalogi v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [Taxes in Russian Proverbs and Sayings]. *Bulletin of the Orenburg State University*, 11, pp. 88–92.
61. Verkhovin V. I. (2001) Modeli ekonomicheskogo povedeniya i ikh verbalizatsiya v russkom narodnom fol'klоре [Models of Economic Behavior and Their Verbalization in Russian Folklore]. *The Universe of Russia*, 10(1), pp. 106–124.
62. Kruglova E. L. (2023) Ekonomicheskiye stereotipy rossiyskikh semey cherez prizmu poslovits i pogovorok [Economic Stereotypes of Russian Families Through the Prism of Proverbs and Sayings]. *Sociodynamics*, 7, pp. 30–41.
63. Karachina O. E. (2015). Dolg v russkikh i angliyskikh paremiyakh [Debt in Russian and English Proverbs]. *National Association of Scientists*, 6-3, pp. 67–70.

64. Mestnikova A. B. (2005) Etnokul'turnyye aspekty predprinimatel'stva i zanyatosti naseleniya v Respublike Sakha (Yakutiya) [Ethnocultural Aspects of Entrepreneurship and Employment in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Journal of Economic Sociology*, 6(3), pp. 47–69. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3/26592608.html> (Access date: 26.11.2023).

65. Kononenko R. V. (2022) Traditsiya kak inklyuziya. Resursy sotsiokul'turnoy integratsii v narodnoy kul'ture [Tradition as Inclusion. Resources of Socio-Cultural Integration in Folk Culture]. *The Journal of Social Policy Studies*, 20(4), pp. 573–590. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-4-573-590.

66. Amosov A. I. (2022) Rossiya pered vyzovami istorii: poisk otvetov [Russia Facing the Challenges of History: Searching for Answers] // *Economic and Technological Modernization of Russia: Lessons from History and Modern Challenges*, Akhapikin N. Y. (Ed.). In Memory of D. E. Sorokin. Moscow: Institute of Economics of the RAS, pp. 51–72.

A. V. Vernikov⁸, A. A. Kurysheva⁹. Is It True That National Economic Traditions Hinder Development? (Institutional Approach). We examine the Russian academic discourse on the interplay between national traditions, on the one hand, and economic development and technological innovation, on the other. Over the recent decades, Russian economists and sociologists have spread biased views on core values of Russian people. This was largely due to the sociocultural and political context. An inversion occurred, resulting in erroneous perception of any tradition as archaic, obsolete and unfavorable for economic development, whilst technology, progress and modernization appeared as socially warranted, beneficial and desired, regardless of their moral and ethical effects. Russian Orthodoxy, along with the labor practices and ethics of the Soviet period, were labeled as “unproductive”, that is, slowing down progress and hindering economic development. Intentional misrepresentation of patterns related to Russian archetypes became a kind of a ‘new mainstream’. Our study points to the weakness of certain theoretical arguments and their respective empirical ‘proofs’ aimed at discrediting the cultural traits of Russians overall. Institutional and sociologist theories did not oppose customary conduct to technological progress. There is a range of qualitative studies by ethnologists, anthropologists, psychologists and economic sociologists which provide a positive assessment of traditional institutions, ethical norms and customs of Russian people. Currently, it takes an unbiased view of the national economic culture to balance the self-defeating discourse which persisted for decades among Russian scholars who called for a complete re-programming of people’s minds in order to ensure economic change.

Keywords: economic tradition, custom, culture, basic values, academic discourse, expert discourse, institutional economics, development.

---

⁸ *Andrey V. Vernikov*, Leading Research Fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky pr., Moscow, 117218, Russia), Doctor of Economics, e-mail: vernikov@inecon.ru

⁹ *Anna A. Kurysheva*, Leading Research Fellow at the Research Laboratory for Institutional Analysis of Economics, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-on-Don, 344006, Russia), Candidate of Economic Sciences, e-mail: vesta11@list.ru

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-141-153

Е. В. Ситников¹, О. Е. Рязанова²

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ОТРАСЛИ ПО ОБРАБОТКЕ, УТИЛИЗАЦИИ И ОБЕЗВРЕЖИВАНИЮ ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИИ

Показано, что в России практически отсутствуют организационные и технологические инновации, позволяющие минимизировать количество захораниваемых отходов, максимально обеспечив при этом ресурсосбережение, повторное вовлечение в хозяйственный оборот утилизируемых компонентов отходов в качестве сырья, материалов, изделий; превращение отходов во вторичное сырьё для изготовления новой продукции и получения энергии. Также отсутствует система управления отходами, а их образование и движение остаются практически бесконтрольными. Исследование направлено на выявление экономических, финансовых, научно-технологических, организационно-правовых проблем и недостатков действующих методов, механизмов и инструментов по переработке и утилизации отходов; обоснование необходимости повышения эффективности и конкурентоспособности новой отрасли путём совершенствования организации и управления жизненным циклом отходов, внедрения инновационных технологий и развития межгосударственного сотрудничества.

Ключевые слова: циркулярная экономика, обращение с отходами, вторичные ресурсы и сырьё, организационные и технологические инновации.

УДК 338.012

---

¹ *Евгений Викторович Ситников*, доцент Российского химико-технологического университета имени Д. И. Менделеева (125047, РФ, Москва, Миусская пл., 9, стр.1), канд. экон. наук, доцент, e-mail: e.sitn@yandex.ru

² *Олеся Евгеньевна Рязанова*, профессор Московского государственного института (университета) международных отношений МИД России (119454, РФ, Москва, пр. Вернадского, 76), д-р экон. наук, профессор, e-mail: afinna2011@yandex.ru

Введение

В соответствии с государственной экологической политикой устойчивого развития и мировыми трендами в России формируется и развивается в долгосрочной перспективе отрасль по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления (далее – новая отрасль). Однако, несмотря на отдельные успехи, с помощью существующих организационно-правовых механизмов, инструментов и технологий рыночной экономики новую отрасль не удастся создать в намеченных масштабах и в заявленные сроки.

Научная новизна исследования состоит в обосновании:

– применения методов планирования и прогнозирования, организации и управления жизненным циклом отходов;

– необходимости разработки инновационных процессов, обеспечивающих экологичность, безопасность, добавленную стоимость/эффективность и конкурентоспособность продуктов, получаемых при обращении отходов;

– взаимосвязанности процессов производства, переработки и утилизации отходов с успешным развитием национальной инновационной системы³, активным участием бизнеса в этих процессах, а также с повышением платёжеспособности населения России;

– изменения бизнес-модели при резком увеличении объёма конкретного отхода и привлечении к разработке технологии его переработки не только стартапов, но и крупных научных организаций, способных быстро проводить фундаментальные и поисковые исследования по проблеме, а также использовать опыт межрегионального, межотраслевого и межгосударственного сотрудничества.

В основу методологии исследования положены диалектический метод, общенаучные и чисто экономические методы (в частности микро- и макроанализ), применялся также прагматический метод исследования. В методологии использовались системно-ситуационный анализ практики хозяйственной деятельности; сочетание динамического отраслевого развития и нормативного анализа, позволяющее оценить влияние инновационных технологий на устойчивый рост отрасли; системно-ситуационный анализ практики хозяйствования организаций.

Практическая значимость исследования – возможность применения разработанных рекомендаций в практике организационно-экономического обеспечения внедрения инновационных технологий в новую отрасль на основе развития межотраслевого, межрегионального и межгосударственного сотрудничества.

Анализ основных экономических проблем и недостатков переработки и утилизации отходов производства и потребления

По данным Минприроды РФ, ежегодно образуется около 5,4 млрд тонн всех видов отходов и около 375 млн тонн требуют особых условий промышленной переработки⁴, т. е. развитой централизованной системы раздельного сбора мусора и ква-

---

³ Федеральная региональная экономическая система, представляющая собой совокупность хозяйствующих субъектов, которые взаимодействуют в процессе производства, распространения и использования нового экономически выгодного знания, направления деятельности которого определяются государственной экономической политикой и регламентируются правовой базой.

⁴ Экологический вопрос: насколько успешен раздельный сбор мусора в странах БРИКС. <https://nkibrics.ru/posts/show/5d70dee8627269166c460000> (дата обращения: 23.02.2024).

лиффицированной вторичной переработки отходов, что является серьёзной и медленно решаемой проблемой. Анализ реализации проектов показал, что основной причиной этого является первичность поставленных экологических целей по сравнению с главной целью рыночной экономики – получением прибыли. Это объясняет отсутствие заинтересованности большинства потенциальных инвесторов в развитии новых технологий, производств переработки отходов и всего направления в целом.

При использовании существующих бизнес-моделей, технологий и выделенных ресурсов главная цель бизнеса оказывалась недостижимой, так как уровень рыночной рентабельности по чистой прибыли не превышает ставку дисконтирования. К этому приводили и увеличение отходов высокого класса опасности; затратность и трудоёмкость утилизации твёрдых коммунальных и смешанных с токсичными примесями отходов; длительные сроки реализации намеченных мероприятий, отсутствие эффективного государственно-частного партнёрства, межрегионального и межотраслевого взаимодействия; недостаточная финансовая поддержка государства для создания в России полноценной эффективной отрасли промышленности в этой сфере; слабое развитие рынка вторичного сырья; низкая платёжеспособность населения и др. [1, с. 93–103; 2, с. 1943–1962; 3, с. 457–466]. По итогам 2022 г. на утилизацию была отправлена половина твёрдых коммунальных отходов (ТКО), а в целом утилизация отходов в России достигла 11,9 %. Согласно национальному проекту «Экология», к 2030 г. объёмы захоронения ТКО необходимо сократить до 50 %, а сортировку ТКО повысить до 100 % и тем самым снизить экологическую нагрузку на население⁵.

До настоящего времени в России из-за недофинансирования, слабой организации, недостаточного законодательного обеспечения и контроля проводимых работ не сформирован отраслевой научно-технический и производственно-объектовый потенциал со всей необходимой инфраструктурой. Отмечаются неполная загрузка некоторых созданных мощностей, недостаточное межотраслевое и межрегиональное взаимодействие, отсутствие межгосударственного сотрудничества. В России утрачены советские механизмы раздельного сбора отходов. Уровень переработки отходов пластиковой тары и упаковки, по разным оценкам, составляет от 7 до 15 %, а в ЕС и США – 40...70 % [4, с. 16–23]. В составе общего потока отходов на полигонах, «серых» и нелегальных свалках присутствуют опасные и токсичные отходы. Утилизация отходов полигонов осуществляется медленно, требуется переход к современным методам переработки (анаэробное компостирование, анаэробная конверсия в биогаз + когенерация, сжигание + когенерация) и использования дорогостоящего оборудования.

Кроме капитальных затрат заметно растут операционные расходы, в меньшей степени – при предварительной сортировке «свежих» отходов, позволяющей получать дополнительную выручку от использования некоторых компонентов. Как показывает опыт ЕС, для рентабельной переработки отходов с помощью современных способов необходимы более высокие тарифы, что проблематично из-за низкой платёжеспособности населения РФ [5, с. 24–29]. Слабо ведутся работы по новым инновационным и усовершенствованным технологиям обработки и применения вторичных ресурсов, которые должны осуществляться в увязке со Стратегией научно-технологического развития РФ № 642 от 1.12.2016 г. и более поздними документами

---

⁵ Учёные оценили установку «Роснано», которая разлагает мусор на молекулы // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/01/2024/659e57229a794744a21b28cd?from=copy (дата обращения: 30.01.2024).

по этому направлению. Инновационные технологии, разрабатываемые в вузах, академических и научно-технологических центрах, нацелены (с учётом выделяемого финансирования) на формирование шестого технологического уклада и только отдельные из них занимаются разработками, позволяющими повысить экологическую безопасность и ресурсосбережение в процессах действующих производств.

Федеральный проект «Внедрение наилучших доступных технологий»⁶ направлен на реализацию одного из основных механизмов повышения экологической эффективности переработки отходов – на эколого-технологическую модернизацию производства, повышение производительности и качества утилизации отходов с использованием передовых новейших технологий. Однако дефицит бюджета, недостаток средств на счетах предпринимателей, дорогие кредиты и перенос инвестиций в оборонный комплекс осложняют ситуацию и отодвигают сроки проведения намеченных мероприятий. Вместе с тем отметим, что снижение объёмов образования отходов и возврат их во вторичное использование – основные задачи обеспечения экологической безопасности страны⁷. Следовательно, необходимы прогнозирование, планирование, организация и управление жизненным циклом отходов, а также ускорение процесса разработки новых инновационных технологий.

Прогнозирование и планирование, организация и управление жизненным циклом отходов в рамках формирования в РФ новой отрасли промышленности

Как известно, жизненный цикл товара – это время, в течение которого товар обращается на рынке: с момента его выхода на рынок до ухода с рынка. Этот подход можно использовать для понимания жизненного цикла отдельного вида отходов, который имеет свои особенности. Тогда жизненный цикл отходов – это время, в течение которого отход, обращаясь на рынке, превращается в результате переработки в товар и другой вид отхода – вплоть до его утилизации. При этом конкретные отходы в каком-либо производстве до дальнейшей переработки будут иметь паспорт отхода с определёнными характеристиками, которые зависят от сырья, используемого для его получения, оборудования и технологии. В зависимости от характеристик отходов они могут без глубокой переработки применяться в разных областях, а при использовании глубоких технологий переработки – в качестве различных товаров и новых отходов. Таким образом, инновационная технология переработки создаёт из определённого вида отхода товар и другой вид отхода, но в меньшем количестве. В этом и заключается принцип малоотходного производства.

Технологии, пришедшие им на смену, производят отходы с другими техническими характеристиками, которые требуют новых технологий обращения, вплоть до утилизации отхода или применения безотходных технологий. Так формируется комплексный системный подход к управлению не только вторичными ресурсами (материальными и энергетическими), полученными из отходов, и вторичным сырьём – посредством повы-

---

⁶ Паспорт федерального проекта «Внедрение наилучших доступных технологий» // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/files/1/0/1403501/pasport-federalnogo-proekta-vnedrenie-nailuchshih-dostupnyh-tehnologiy.pdf> (дата обращения: 30.01.2024).

⁷ Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 5.01.2024).

шения эффективности использования ресурсов на протяжении всего жизненного цикла за счёт более устойчивого (рационального) производства, обработки и использования природных и техногенных ресурсов, но и циркулярными бизнес-моделями в целом. Инновационные технологии, бизнес-модели, стратегии и актуальные концепции экологического и устойчивого предпринимательства описываются в публикациях [6].

Отходы производства после сортировки и переработки становятся важными вторичными ресурсами, поэтому для построения устойчивого будущего целесообразно применение методологий планирования (прогнозирование), организации и управления их обращением.

При разработке и внедрении инновационных проектов как части стратегии компании необходим тщательный анализ внутренней и внешней среды проекта [7]. Планирование (прогнозирование) использования отхода как сырья для последующего производства предполагает определение его качества и количества, пригодного для вовлечения в промышленный оборот. Так как системы сортировки и первичной переработки некоторых видов отходов можно считать отлаженными, а минимальное количество их поставок предприятиям – стабильным, можно прогнозировать и планировать их поставки на уровне регионов. Количество тепловой и электрической энергии можно учитывать в региональных тепловых или энергетических балансах. Это позволяет систематизировать все полученные результаты и применять их для расчёта планируемых (прогнозируемых) показателей использования вторичных ресурсов по стране, постоянно возрастающих по мере развития отрасли промышленности в условиях циркулярной экономики.

Организация переработки отходов как способ упорядочения деятельности должна предполагать разработку и внедрение инновационных технологий сортировки и переработки отходов, позволяющих максимально эффективно использовать вторичные отходы и минимизировать их воздействие на окружающую среду при утилизации. Методология управления предполагает логическую схему действий, основанную на понимании путей, средств и возможностей достижения поставленных целей, поэтому система управления отходами должна включать в себя комплекс мероприятий по сбору, транспортировке, переработке, вторичному использованию или утилизации отходов.

Планированием и прогнозированием, организацией и управлением должна заниматься формирующаяся новая отрасль промышленности, контролирующая все происходящие процессы. Создание такой системы позволит оценивать жизненный цикл отходов, а полученные данные по стране в целом – использовать для определения показателей развития отрасли и оценки её эффективности.

Основные требования к инновационным технологиям переработки и утилизации отходов

Основной предпосылкой повышения эффективности и конкурентоспособности новой отрасли является развитие «природоподобных» безопасных технологий, приводящих к увеличению выхода целевых продуктов, уменьшению отходов в отраслях и выбросов вредных веществ в воздух. Желательно, чтобы отходы были биоразлагаемыми или требовали меньших затрат на рециклинг, переработку и утилизацию. Для этого необходим переход на известные принципы малоотходных и безотходных технологий. В современных условиях выполнить указанное требование в большинстве случаев чрезвычайно трудно из-за состояния науки в РФ и недостаточного инвестирования её развития (даже с использованием грантов на создание при-

родоподобных технологий); санкций по поставке импортного оборудования и комплектующих; низкой платёжеспособности населения при повышении тарифов на переработку отходов и др. Однако при модернизации технологий, чтобы улучшить существующее положение, можно:

– использовать экологичные растворители вместо токсичных органических и хлорорганических (бензола, толуола, хлороформа), которые в конечном итоге оказываются в отходах и требуют последующей утилизации;

– отказаться от ряда токсичных катализаторов, традиционно применяющих соединения тяжёлых металлов (свинца, меди, хрома, палладия, платины, осмия), заменив их на менее токсичные или другие металлы, извлекаемые из отходов с меньшими затратами;

– разрабатывать процессы без наличия или с минимальным количеством токсичных или опасных веществ, предусмотрев технологии их извлечения из отходов и др.

В целях снижения всех видов издержек производства и получения добавленной стоимости продуктов необходимы новшества для переработки смешанных отходов и в разрезе фракций. Для сокращения организационных издержек это важно в процессе обращения технологий сортировки, технологий для полигонов, в бизнес-моделях и логистических решениях. При использовании информационно-коммуникационных технологий можно сократить издержки в системе обращения отходов. Носителями инновационных разработок должны стать стартапы – малые инновационные предприятия, осуществляющие научно-исследовательскую деятельность в области прикладных исследований и НИОКР. К сожалению, из-за ограниченных возможностей они не могут предоставить инвестору новую законченную технологию переработки отходов. В то же время действующая схема прямого взаимодействия инвесторов с крупными научно-исследовательскими институтами (НИИ) может обеспечить сотрудничество в разработке проектов инновационного промышленного объекта переработки отходов с проверенными, но морально устаревшими технологиями, что хорошо только для тиражирования таких технологий на территории РФ.

В России создано значительное количество стартапов, разработки которых могут стать платформой для внедрения морально новых технологий в строительстве профильных объектов [8, с. 155–169]. Мы предлагаем изменить организацию цикла проектирования и строительства объектов переработки: инвестор отбирает стартап, разрабатывающий инновационную технологию для профильного планируемого объекта, приобретая у него авторские права, патент, «ноу-хау» на технологию по результатам поисковых исследовательских работ. В дальнейшем инвестор по договору передаёт профильному крупному НИИ нематериальные активы, включая интеллектуальную собственность стартапа на технологию для объекта, с целью проведения опытно-конструкторских работ и разработки законченной технологии. Полученную от НИИ техническую документацию на инновационную технологию инвестор направляет проектной организации для разработки проекта и в дальнейшем – строительной организации. Одобрение руководства стартапов с оценкой его интеллектуальной собственности является ключевым вопросом такого подхода. Но при определённых условиях, включая решение вопросов собственности на законченную технологию (лицензию), возможны его варианты без продажи инвестору прав на недоработанную технологию, например, путём заключения соглашения всеми участниками. При таком подходе (с включением стартапа в инновационную технологическую цепочку) появляется возможность технологического прорыва в обращении отходов.

Реализация ключевых принципов циркулярной экономики станет возможной не только с помощью стартапов, но и успешного сотрудничества с академическими, отраслевыми институтами и научно-технологическими центрами. При этом для каждого из объектов с промышленными отходами может быть применена своя оптимальная технология вторичной переработки, и отход может быть возвращён в производственный цикл, переработан для других производств или квалифицированно утилизирован. Техничко-технологические характеристики применяемых экологических процессов должны обеспечивать высокий уровень безопасности, производительности труда и экономической эффективности на длительный период – до вывода технологии из эксплуатации или её замены.

Инновационные технологии могут изменить переработку отходов в различных отраслях промышленности, сделать её экологичной, безопасной и высокоэффективной, тогда инвесторы проявят интерес к таким технологиям. Аналогичный организационный подход при появлении крупных стартапов может быть применён к разрабатываемым технологиям шестого технологического уклада. В России существует ряд успешно реализованных проектов в области переработки отходов, вот некоторые примеры:

– после продолжительных испытаний по использованию в России и за рубежом отходов полиэтилентерефталата (ПЭТФ), полиэтилена высокой плотности (ПЭТ), полипропилена (ПП), а также принятия международных стандартов ISO серии 18600 по этим пластикам они получили вторую жизнь и практически полностью перерабатываются для изготовления ковров, искусственной шерсти, одежды и её утеплителей, сидений в салонах автомобилей, наполнителей для мягких игрушек и диванных подушек, мягких и твёрдых упаковок для продуктов питания и бытовых предметов [9, с. 32–40];

– Росатом вместе с Российским химико-технологическим университетом имени Д. И. Менделеева реализуют проект, в котором гальванические растворы и сточные воды от промышленных заводов обрабатываются химическими реагентами: из них удаляется вода, и полученный раствор превращается в безопасную соль, которая возвращается в хозяйственное производство как вторичное сырьё. Если по какому-либо компоненту на входном контроле фиксируется отклонение от допустимого уровня очистки, отходы подвергаются повторной обработке до тех пор, пока вторичное сырьё не станет безопасным⁸;

– по идеям советского и российского учёного А. И. Лейпунского и его коллег с сентября 2022 г. по настоящее время на Белоярской АЭС работает ядерный реактор БН-800 на быстрых нейронах при практически полной загрузке МОКС-топливом, состоящим из обеднённого урана и плутония, извлечённого из отработанного ядерного топлива АЭС. Инновационная технология закрытого ядерно-топливного цикла масштабируется на Красноярском горно-химическом комбинате. Эта технология позволила получить дешёвую электрическую энергию, а реактор работает на топливе, которое он сам произвёл. Всё это реализовано впервые в мире в России. Выйти на полностью замкнутый цикл предполагается к 2029 г. на новых усовершенствованных реакторах⁹.

---

⁸ URL: [//rusatom-energy.ru>media/rosatom-news/rosatom-i-...](https://rusatom-energy.ru/media/rosatom-news/rosatom-i-...) (дата обращения: 28.01.2024).

⁹ *Топорков Р.* Реактор БН-800 проработал год на топливе из отработавшего ядерного топлива // Страна РОСАТОМ. URL: <https://strana-rosatom.ru/2023/11/16/reaktor-bn-800-prorabotal-god-na-toplive> (дата обращения: 28.01.2024).

Применение искусственного интеллекта для разработки инновационных технологий в обращении с отходами

Системы искусственного интеллекта (ИИ) всё больше используются во многих сферах деятельности для решения прикладных задач. К основным преимуществам ИИ относятся:

– высокоскоростная обработка больших массивов данных, анализ их с помощью интеллектуальных алгоритмов для последующего автоматического обучения с получением в расчётах искомого результата;

– вычислительная техника и сервисы ИИ по обработке данных и поиску решения выполняют вычисления быстрее и качественнее, чем люди, что позволяет успешно решать задачи, не требующие больших затрат;

– совершенствование методов анализа расширяет круг решаемых задач и позволяет использовать интеллектуальные машины (роботы) в местах, представляющих опасность для человека.

Машины с ИИ помогут упразднить некоторые рабочие места и даже отдельные профессии, где требуются шаблонные и повторяющиеся действия, а также безошибочная и быстро выполняемая работа. Поэтому технологическое использование ИИ в формирующейся отрасли началось с роботизированной сортировки твёрдых бытовых и промышленных отходов. При этом используются свёрточные нейронные сети, имитирующие зрение как многослойную нейронную сеть, где первый слой распознаёт самые простые объекты и передаёт информацию на следующий слой, распознающий более сложные объекты. Обучение осуществляется на большой базе фотографий. Промышленный робот сначала отбирает на конвейере определённый вид отходов, затем – последующие. Так осуществляется сортировка бумаги, пластика, стекла, термоэластопластов, чёрных и цветных металлов, компьютерной и оргтехники, батареек и аккумуляторов, бытовых приборов и других отходов, запрещённых к захоронению на полигонах.

Появление Интернета вещей (IoT) способствовало созданию интеллектуальных систем управления отходами, позволяющих в режиме реального времени контролировать состояние контейнеров для сбора отходов и оптимизировать маршруты сбора и всю работу по их переработке.

Применение блокчейна даёт возможность отслеживать цепочки поставок, хранить и передавать цифровые данные, а вместе с ИИ – управлять запасами и прогнозировать спрос на отсортированные отходы [10]. Как известно, спрос на вторичное сырьё порождает предложение.

ИИ отлично оптимизирует технологические процессы обращения отходов, анализирует работу оборудования и причины его отказов, а модели, разработанные с помощью ИИ, могут прогнозировать сбои оборудования и составлять графики ремонтов, что повышает надёжность работы и снижает аварийность. При использовании в процессе пиролиза ИИ контролирует производственный процесс, даёт оценку выбросов, управляет логистикой сырья.

ИИ можно использовать при разработке инновационных технологий для обращения отходов. Чат-боты позволяют прогнозировать свойства получаемых веществ гораздо быстрее, чем дорогостоящие опыты и другие программы в исследовательской деятельности. Кроме того, при наличии соответствующего программного обеспечения можно провести их испытания. На основе анализа и классификации огромных количеств вторичного сырья со скоростью, значительно превосходящей возмож-

ности человека, могут быть определены исходные данные для разработки таких технологий, наилучшие способы переработки отходов; разработаны материальный и тепловой балансы; определён вид используемого оборудования; оптимизированы и автоматизированы технологические процессы и повышена производительность труда. С помощью ИИ проще осуществлять создание цифрового двойника, моделирование и масштабирование технологий и производств [11].

Межгосударственное сотрудничество в БРИКС+, ЕАЭС и ШОС: использование опыта и потенциала развивающихся стран в формировании модели циркулярной экономики

Всё больше стран понимают важность усилий по сохранению окружающей среды, необходимость перехода к экологически устойчивым системам, энергоэффективности, которая способствует повышению конкурентоспособности национальной экономики в создании экологически чистых технологий переработки и утилизации отходов производства и потребления для экологически устойчивого развития.

Опыт решения этих задач, характерных для модели циркулярной экономики, имеется во многих интеграционных группировках, в частности БРИКС, ЕАЭС, ШОС и СНГ. Лучшим примером решения задач циркулярной экономики является БРИКС+, в это межгосударственное объединение изъявили желание войти пять новых стран (Египет, Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ и Эфиопия). Следующий саммит БРИКС + пройдёт в 2024 г. в России. Основные преимущества БРИКС:

1 – это новая архитектура многополярного мира, выстраиваемая странами с переходной экономикой на новых принципах взаимодействия;

2 – членами этой организации являются крупнейшие развивающиеся экономики мира, с учётом развития и расширения она в ближайшее время станет наиболее влиятельной на планете;

3 – БРИКС+ – крупнейшие для России партнёры, открывающие для участников новые рынки, развивающие отношения в торговле, а также научно-технологическое и культурно-образовательное сотрудничество;

4 – это расширение возможностей успешно решать на базе двусторонних и многосторонних договоров проблемы, имеющиеся в каждой стране.

Все страны БРИКС+ сталкиваются с экологическими проблемами из-за роста промышленности и темпов урбанизации. Каждая страна по-своему подходит к решению проблемы формирования циркулярной экономики, исходя из приоритетов в политике, выделенного бюджета и осознанности этой проблемы гражданами¹⁰. В БРИКС+ имеется опыт решения этих проблем. Рассмотрим возможности его распространения и развития по сложившимся направлениям сотрудничества.

1. Прежде всего, в рамках Меморандума о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере охраны окружающей среды на период до 2030 г., подписанного 26 июля 2018 г. в Йоханнесбурге (ЮАР). Сотрудничество в области окружающей среды было инициировано российской стороной с предложением формата объединения, который в дальнейшем приобрёл регулярный характер. Это позволяет продолжить формиро-

---

¹⁰ Пруненко М. Экологический вопрос: насколько успешен отдельный сбор мусора в странах БРИКС // НКИ БРИКС, Россия. URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/5d70dee8627269166c460000> (дата обращения: 29.01.2024).

вание российской инициативы «Платформы экологически чистых технологий БРИКС», в рамках которой инициирована зонтичная программа «Чистые реки БРИКС». Китайская сторона в свою очередь предложила развивать сотрудничество в рамках партнёрства городов БРИКС в целях устойчивого развития¹¹.

2. Второе возможное направление развития может осуществляться в рамках принятого в 2015 г. Меморандума о сотрудничестве в области науки, технологий и инноваций стран БРИКС, что позволяет активизировать работу в ключевых областях и направлениях научно-технологической деятельности. При этом за каждой страной закреплена координация сотрудничества в приоритетных для неё направлениях. Созданы и функционируют Совет по научно-техническому инновационному сотрудничеству, Управляющий комитет по управлению и координации НТИ, 15 рабочих групп в областях научно-технического сотрудничества, а также несколько платформ взаимодействия. Ежегодно подготавливаются планы мероприятий, позволяющие реализовывать совместные научно-исследовательские и инвестиционные проекты, углублять сотрудничество между научно-технологическими и промышленными кластерами, развивать сеть центров трансфера технологий [12, с. 3–11]. Основной формой сотрудничества вне и внутри БРИКС являются двусторонние соглашения. Переход от двустороннего к многостороннему взаимодействию актуален для отраслей и производств шестого технологического уклада. Каждая страна, вошедшая в БРИКС, сохраняет научно-техническое сотрудничество с традиционными партнёрами, не входящими в объединение, и имеет возможность расширения научно-технических связей в разработке продуктов и технологий с последующей коммерциализацией на более справедливой основе, чем в развитых странах.

Выступая на 13-й встрече министров экономики и внешней торговли стран БРИКС, министр экономического развития Максим Решетников отметил, что по итогам прошлого года внешнеторговый оборот России с партнёрами по БРИКС увеличился на 40,5 % и достиг рекордных 230 млрд долларов. Он также презентовал российскую инициативу создания новой институциональной структуры – контактной группы БРИКС по устойчивому развитию и климату¹². В рамках создаваемой контактной группы БРИКС+ для реализации намеченных программ развития циркулярной экономики целесообразно рассмотреть следующие предложения:

- создать рабочую группу по совместной модернизации крупнотоннажных производств с обновлением оборудования и разработке природоподобных технологий, направленных на снижение воздействия на окружающую среду;
- начать формирование цифровой платформы международной научно-технологической и производственной кооперации БРИКС+ по этим вопросам;
- обсудить необходимость разработки мероприятий по типизации и унификации высшего образования и образовательных программ по научно-технологическим

---

¹¹ Страны БРИКС подписали Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере охраны окружающей среды / Министерство природных ресурсов и экологии РФ. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/strany_briks_podpisali_memorandum_o_vzaimoponimanii_po_sotrudnichestvu_v_sfere_okhrany_okruzhayushch/?special_version=Y (дата обращения: 29.01.2024).

¹² Внешнеторговый оборот России с партнерами по БРИКС увеличился на 40 % / Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/vneshnetorgovyy_oborot_rossii_s_partnerami_po_briks_uvelichilsya_na_40.html (дата обращения: 28.01.2024).

дисциплинам циркулярной экономики, а также предоставления возможностей участия в совместных исследованиях специалистам развитых стран.

Наряду с этим возможна постановка вопроса перед Евразийской экономической комиссией о переходе стран – членов БРИКС к модели циркулярной экономики.

В заключение подчеркнём, что все рассмотренные направления позволят повысить конкурентоспособность и эффективность формирующейся отрасли с реализацией принципов циркулярной экономики.

Список литературы

1. Долгушин, А. Б. Инструменты экономики замкнутого цикла в российском законодательстве / А. Б. Долгушин // *Экономическое возрождение России*. – 2023. – №3 (77). – С. 93–103.

2. Закупень, Т. В. Институциональные основы и перспективы формирования промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства в рамках концепции устойчивого развития экономики / Т. В. Закупень // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2023. – Т. 13, № 6. – С. 1943–1962.

3. Русанов, А. П. Экономический эффект от внедрения концепции обращения с отходами для коммерческих структур, государства и домохозяйств / А. П. Русанов // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 457–466.

4. Дрегуло, А. М. Международный и российский опыт в сфере обращения с отходами тары и упаковки / А. М. Дрегуло, А. М. Ходачек // *Инновации*. – 2021. – №2 (268). – С. 16–23.

5. Аверкин, П. А. Новые технологии утилизации отходов и проблема роста тарифов / П. А. Аверкин // *Инновации*. – 2021. – № 2 (268). – С. 24–29.

6. Marvin H., Bauwens T., Hekkert M., et al. (2019) A Typology of Circular Start-Ups: An Analysis of 128 Circular Business Models. *Journal of Cleaner Production*. URL: https://www.researchgate.net/publication/336078237_A_Typology_of_Circular_StartUps_An_Analysis_of_128_Circular_Business_Models.

7. Назарова, Е. В. Теоретико-методологические аспекты инновационной деятельности организации / Е. В. Назарова [и др.]. – М.: Информационно-издат. упр. МГОУ, 2016. – 311 с.

8. Кощев, В. А. Строительство промышленных объектов переработки отходов: перспективы внедрения инновационных технологий / В. А. Кощев, А. А. Алексеев, В. А. Александрова // *Экономическое возрождение России*. – 2023. – №3 (77). – С. 155–169.

9. Ратнер, С. В. Управление инновациями в области циркуляции пластика: опыт международной инициативы «New Plastic Economy» / С. В. Ратнер // *Инновации*. – 2020. – №5 (259). – С. 32–40.

10. Javeed S. A., Akram U. (2024) The Factors Behind Block-Chain Technology That Boost the Circular Economy: An Organizational Perspective. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 200.

11. Nahar S. (2024) Modeling the Effects of Artificial Intelligence (AI)-Based Innovation on Sustainable Development Goals (SDGs): Applying a System Dynamics Perspective in a Cross-Country Setting. *Technological Forecasting & Social Change*. Change 201.

12. Ситников, И. В. Научно-технологическое сотрудничество стран – членов БРИКС, подходы к расширению содружества с учётом национальных и наднациональных интересов / И. В. Ситников [и др.] // *Инновации*. – 2022. – № 3 (281). – С. 3–11.

References

1. Dolgushin A. B. (2023) Instrumenty ekonomiki zamknutogo tsikla v rossiyskom zakonodatel'stve [Instruments of Circular Economy in the Russian Legislation]. *Economic Revival of Russia*, 3, pp. 93–103.
2. Zakupen T. V. (2023) Institutsional'nyye osnovy i perspektivy formirovaniya promyshlennosti po obrabotke, utilizatsii i obezvrezhivaniyu otkhodov proizvodstva v ramkakh kontseptsii ustoychivogo razvitiya ekonomiki [Institutional Framework and Perspectives of the Industry for Processing, Recycling and Neutralization of Industrial Waste Within Sustainable Economic Development]. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 13(6), pp. 1943–1962.
3. Rusanov A. P. (2021) Ekonomicheskiy effekt ot vnedreniya kontseptsii obrashcheniya s otkhodami dlya kommercheskikh struktur, gosudarstva i domokhozyaystv [The Economic Effect of the Waste Management Concept for Commercial Structures, the State and Households]. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 11(2), pp. 458–466.
4. Dregulo A. M., Khodachek A. M. (2021) Mezhdunarodnyy i rossiyskiy opyt v sfere obrashcheniya s otkhodami tary i upakovki [International and Russian Practice in the Field of Containers and Packaging Waste Management]. *Innovations*, 2, pp. 16–23.
5. Averkin P. A. (2021) Novyye tekhnologii utilizatsii otkhodov i problema rosta tarifov [New Technologies for MSW Handling and the Problem of Tariff Growth]. *Innovations*, 2, pp. 24–29.
6. Marvin H., Bauwens T., Hekkert M., et al. (2019) A Typology of Circular Start-Ups: An Analysis of 128 Circular Business Models. *Journal of Cleaner Production*. URL: https://www.researchgate.net/publication/336078237_A_Typology_of_Circular_StartUps_An_Analysis_of_128_Circular_Business_Models.
7. Nazarova E. V. (2016) Teoretiko-metodologicheskiye aspekty innovatsionnoy deyatel'nosti organizatsii [Theoretical and Methodological Aspects of Innovative Activity of an Organization]. Nazarova E. V. (Ed.). Moscow: Information and Publishing Department of the Moscow State University of Education, 311 p.
8. Koshcheyev V. A., Alekseyev A. A., Aleksandrova V. A. (2023) Stroitel'stvo promyshlennykh ob'yektov pererabotki otkhodov: perspektiva vnedreniya innovatsionnykh tekhnologiy [Construction of Industrial Waste Processing Facilities: The Prospect of Introducing Innovative Technologies]. *Economic Revival of Russia*, 3, pp. 155–169.
9. Ratner S. V. (2020) Upravleniye innovatsiyami v oblasti tsirkulyatsii plastika: opyt mezhdunarodnoy initsiativy «New Plastic Economy» [Management of Innovations in the Field of Plastic's Circulation: Experience of the International Initiative “New Plastic Economy”]. *Innovations*, 5, pp. 32–40.
10. Javeed S. A., Akram U. (2024) The Factors Behind Block-Chain Technology That Boost the Circular Economy: An Organizational Perspective. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 200.
11. Nahar S. (2024) Modeling the Effects of Artificial Intelligence (AI)-Based Innovation on Sustainable Development Goals (SDGs): Applying a System Dynamics Perspective in a Cross-Country Setting. *Technological Forecasting & Social Change*. Change 201.
12. Sitnikov I. V., et al. (2022) Nauchno-tekhnologicheskoye sotrudnichestvo stran-chlenov BRICS, podkhody k rasshireniyu sodruzhestva s uchetom natsional'nykh i nadnatsional'nykh interesov [Scientific and Technological Cooperation of the BRICS Member Countries, Approaches to the Expansion of the Commonwealth, Taking into Account National and Supranational Interests]. *Innovations*, 3(281), pp. 3–11.

E. V. Sitnikov¹³, O. E. Ryazanova¹⁴. Innovative Development of the Industry for Processing, Recycling and Disposal of Production and Consumer Waste in Russia. One of the unsolved problems at the federal and regional levels in Russia is the virtual absence of organizational and technological innovations that would allow minimizing the amount of landfilled waste, while maximizing resource conservation, re-involving recycled waste components into economic circulation as raw materials, materials, products, converting waste into secondary raw materials for the manufacture of new products and energy production. Also, currently in Russia there is no waste management system; the generation and movement of waste remains practically uncontrolled. This confirms the relevance of the research topic, therefore its goal is to: identify economic, financial, scientific and technological, organizational and legal problems and shortcomings of existing methods, mechanisms and tools for waste processing and disposal, justify the need to increase the efficiency and competitiveness of the new industry by improving the organization and waste life cycle management, implementation of innovative technologies and development of interstate cooperation.

Keywords: circular economy, management of production and consumption waste, secondary resources and raw materials, organizational and technological innovations.

---

¹³ *Evgeny V. Sitnikov*, Associate Professor of the D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (9/1 Miusskaya pl., Moscow, 125047, Russia), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, e-mail: e.sitn@yandex.ru

¹⁴ *Olesya E. Ryazanova*, Professor of the Moscow State Institute of International Relations (76 Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: afinna2011@yandex.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-154-170

Л. В. Силакова¹, Т. А. Сайкина², М. В. Сысоенко³, Н. А. Арцытов⁴

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ЦЕНТРОВ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ ВУЗОВ⁵

Рассматриваются проблема развития технологического предпринимательства в вузах России и роль центров трансфера технологий в системе поддержки инноваций. Дается сравнительный анализ результативности деятельности центров трансфера технологий (ЦТТ) российских вузов – победителей государственного конкурса поддержки создания и развития ЦТТ при вузах за период 2014–2022 гг. Выборка для анализа состоит из 15 вузов-победителей в 2021 г. Сравниваются показатели, отражающие потенциал вуза с точки зрения создания инноваций и результативности работы ЦТТ. Сравнение проводится как по основным показателям, отражающим эффективность работы ЦТТ (динамика объема доходов вуза от РИД, количество лицензионных соглашений и МИП), так и по способности вузов коммерциализировать знания и компетенции (объемы доходов вуза от НИОКР и способность выполнять их собственными силами). Выявлены факторы, влияющие на успешность работы ЦТТ: налаженные взаимодействия с внешними и внутривузовскими стейкхолдерами и применение обеих моделей трансфера технологий («market pull» и «technology push»); наличие развитой инновационной инфраструктуры в вузе; качество управления процессами коммерциализации, включая наличие собственных подходов к оценке коммерческого потенциала разработок и управлению технологическими проектами.

Ключевые слова: трансфер технологий, центр трансфера технологий, управление инновациями, НИОКР, коммерциализация РИД, технологическое предпринимательство, инновационная экосистема вуза.

УДК 334.7, 378.4, 658

Введение

Современные университеты, которые стремятся развиваться по предпринимательскому типу, стимулируют инновационную деятельность и выстраивают систему

¹ *Любовь Владимировна Силакова*, доцент Университета ИТМО (197101, РФ, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., д. 49), канд. экон. наук, доцент, e-mail: silakoalv@itmo.ru

² *Татьяна Андреевна Сайкина*, магистрант Университета ИТМО (197101, РФ, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., д. 49), e-mail: tatiana.saikina.spb@gmail.com

³ *Мария Вячеславовна Сысоенко*, магистрант Университета ИТМО (197101, РФ, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., д. 49), e-mail: mvssysoenko@itmo.ru

⁴ *Николай Андреевич Арцытов*, магистрант Университета ИТМО (197101, РФ, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., д. 49), e-mail: nikolai.artsytov@yandex.ru

⁵ Статья подготовлена при финансовой поддержке вузовского гранта НИРМА №623081 «Исследование подходов и развитие методов к оценке технологий в целях коммерциализации вузовских инноваций в условиях формирования технологического суверенитета» (2023–2024 гг.) и вузовского гранта НИР № 623110 «Оценка вклада студенческого предпринимательства в социальное, экономическое и инновационное развитие Российской Федерации» (2023–2024 гг.).

поддержки коммерциализации научных разработок и технологических решений. Одно из центральных мест в инновационной инфраструктуре университетов отводится центрам трансфера технологий, цель которых – выстраивание связей между академической наукой и рынком и содействие переносу научных знаний в инновационные продукты и услуги через механизмы кооперации. Однако российская практика показывает разрыв между значительным инновационным потенциалом вузов и его реализацией, что выражается в скромных доходах вузов от обращения с результатами интеллектуальной деятельности и интеллектуальной собственностью. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска факторов, способных повлиять на активизацию инновационной деятельности вузов в условиях формирования технологического суверенитета страны. Именно ЦТТ при вузах способны поддерживать процесс коммерциализации, обеспечивая взаимодействие с внешним и внутренним контуром экосистемы инноваций.

Важность университетов в экономическом развитии обоснована в концепции «тройной спирали», предложенной Генри Ицковецом и Лойетом Лейдесдорфом [1, 2]. Согласно этой концепции, взаимодействие академических учреждений, бизнес-сектора и государства формирует устойчивую основу для инноваций и экономического развития. Существуют и более поздние концепции, базирующиеся на первой: «четверной спирали» (включая общественность и гражданское общество, основанные на культуре и средствах массовой информации) и «пятикратной спирали» (включая природную среду и социально-экологические взаимодействия), которые также отводят вузам одно из центральных мест в инновационном развитии [3, 4]. Таким образом, университетам отводится важнейшая роль в инновационном и экономическом развитии как месту формирования человеческого капитала, создания разработок, продвинутых технологических решений и инноваций. Задача ЦТТ заключается в трансформации разработок в коммерчески успешные продукты или услуги, что способствует развитию национальной экономики.

В американских и европейских университетах ЦТТ стали неотъемлемой частью инновационной экосистемы, играющей ключевую роль в переносе академических исследований в сферу практического применения. Например, в США ЦТТ Массачусетского института технологий сумел создать весомую экономическую ценность и за последние несколько десятилетий зарегистрировал более 10000 патентов, а также помог мировым компаниям в лицензировании свыше 3000 технологий [5–8]. Благодаря этим технологиям создано более 30000 новых рабочих мест и получена прибыль в размере более двух млрд долларов. В Великобритании ЦТТ Кембриджского университета за последние 25 лет помог создать более 200 технологических стартапов, которые привлекли инвестиции на сумму более 1 млрд фунтов стерлингов, – некоторые из них стали успешными компаниями (ARM, AstraZeneca и Raspberry Pi) [9–11]. ЦТТ Шведского королевского технологического института был основан в 2005 г. и при его содействии было создано более 300 стартапов [12–14]. Кроме того, через него были коммерциализованы более 1500 технологических проектов, что привело к созданию более 7000 новых рабочих мест.

Наряду с этим исследователи, проанализировавшие подходы к управлению в ЦТТ пяти зарубежных вузов, пришли к выводу, что у них нет единого регламента работы, а основной ориентир делается на запросы заказчика [15]. Анализ опыта и практик зарубежных ЦТТ на примере одного из наиболее успешных в Европе Левенского католического университета показывает, как при создании внутренних и внешних условий ЦТТ может принести вузу сотни миллионов долларов. При этом в функции ЦТТ помимо использования ОИС, консультаций в области защиты прав ИС, административной и юридической поддержки исследователей, выстраивания сотрудничества с компаниями входят управление проектами промышленных НИОКР, координа-

ция научно-исследовательской работы университета и управление патентным портфелем вуза, включая финансовый мониторинг и оценку созданных объектов и решений. Кроме того, данный ЦТТ выступает в качестве активного игрока рынка и соинвестора новых компаний [16].

Рассмотренные примеры подтверждают значимость и практическую ценность ЦТТ для экономики и общества и свидетельствуют о том, что они способны стимулировать инновационную активность и развитие новых технологий, создавая новые рабочие места и принося значительный экономический эффект.

Концепцию трансфера технологий и его роль в инновационном процессе рассматривали различные авторы, большинство из них отводят ЦТТ одну из ключевых ролей в инновационном процессе. В основные функции ЦТТ входит роль посредника между академическими учреждениями, промышленностью и государством – содействие переносу научных знаний и технологий из академической среды в коммерчески успешные продукты и услуги [17]. Участвуя в развитии сотрудничества между университетами, научными учреждениями и бизнес-сектором, ЦТТ способствует созданию новых технологических стартапов и развитию навыков предпринимательства среди учёных и студентов [18–20]. Авторы делают акцент на функциональном участии ЦТТ в развитии предпринимательских проектов и создании новых технологических предприятий через поддержку в разработке бизнес-планов, поиске финансирования и управлении рисками [21]. ЦТТ предоставляют экспертную поддержку в разработке бизнес-моделей и стратегий коммерциализации, помогая организациям преодолеть преграды на пути к коммерческому успеху [22]. Кроме того, деятельность ЦТТ при вузах (проведение мероприятий, обучений и мастер-классов) может способствовать развитию предпринимательских навыков у учёных и студентов [23].

Другие авторы отмечают, что ЦТТ способствуют развитию инновационных кластеров и экосистем вокруг университетов в процессе создания партнёрства с бизнес-сектором, инвесторами и государственными органами, формируя благоприятную среду для развития инноваций [24]. Более глубокие исследования подтверждают важную роль университетских ЦТТ в установлении партнёрских контактов между вузами и индустрией для целей коммерциализации разработок [25–27].

Цель и задачи исследования. Выбор темы исследования обусловлен необходимостью выявления факторов, влияющих на результативность ЦТТ и повышение доходов вузов от коммерциализации РИД. Анализ российской практики позволил выделить несколько проблем, тормозящих развитие инноваций: 1) коллективы учёных и разработчиков в российских университетах редко обладают необходимыми навыками и знаниями в области ведения предпринимательской деятельности, что ограничивает их способность создавать экономическую ценность из своих научных разработок [28, 29]; 2) неэффективное управление интеллектуальным капиталом, включая нематериальные активы, РИД, интеллектуальную собственность и другие активы, которые обеспечивают конкурентные преимущества и добавленную стоимость для организаций и экономики [30, 31]. Причиной может быть отсутствие единых подходов к оценке коммерческого потенциала РИД и интеллектуальной собственности в ЦТТ; 3) слабые связи с партнёрами и недостаточное доверие индустрии к вузам; 4) низкий интерес учёных к коммерциализации разработок [32, 33].

Цель исследования – сравнительный анализ результативности ЦТТ российских вузов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– сравнительный анализ деятельности вузов в сфере коммерциализации имеющихся знаний в период 2014–2023 гг.;

– сравнительный анализ показателей результативности выбранных ЦТТ;
– выявление с помощью интервью наиболее успешных практик в оценке технологий, сопровождении разработок и реализации стратегии коммерциализации.

Объектом исследования являются ЦТТ при российских вузах – победителях государственного конкурса грантов поддержки создания и развития ЦТТ в 2021 г., а предметом – приёмы и практики, используемые вузовскими ЦТТ для коммерциализации инновационной деятельности вуза.

Методы и материалы исследования

В работе рассмотрены 15 ЦТТ вузов, осуществляющих коммерциализацию РИД научных и образовательных организаций высшего образования⁶. В выборку исследования включены: Иннополис, Южный федеральный университет (ЮФУ), Национальный исследовательский университет ИТМО (ИТМО), Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ), Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Минздрава РФ (Сеченовский университет), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (МГУ им. Огарёва), Новосибирский государственный технический университет (НГТУ), Сибирский федеральный университет (СФУ), Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (ННГУ), Московский авиационный институт (МАИ), Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС» (МИСИС), Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ), Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет – ЛЭТИ им. В. И. Ульянова (ЛЭТИ).

Источниками информации в исследовании послужили: научные публикации, аналитические отчёты и статистические данные из открытых источников. Данные для сравнительного анализа показателей, характеризующих инновационный потенциал вуза (объём доходов вуза от НИОКР, доля доходов от НИОКР в общих доходах) и коммерческую активность вузовских ЦТТ (доходы вуза от РИД, число лицензий и МИП), собраны с электронного ресурса «Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования», официальных сайтов ЦТТ и опубликованных отчётов о самообследовании⁷. С руководителями ЦТТ МАИ, ННГУ, МИСИС, МГУ им. Огарёва были проведены интервью для определения имеющихся и применяющихся собственных регламентов, методов работы с проектами в воронке и густоты партнёрств.

---

⁶ «Протокол оценки заявок на участие в конкурсе на предоставление из федерального бюджета грантов в форме субсидий на оказание государственной поддержки создания и развития центров трансфера технологий, осуществляющих коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности научных организаций и образовательных организаций высшего образования» от 17.09.2021 № 14 пр-2021. Официальный портал Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

⁷ Характеристика системы высшего образования в РФ (2024). Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 10.03.2024).

Результаты и их обсуждение

Для анализа динамики инновационного потенциала вузов были рассмотрены следующие показатели за 2014–2022 гг.: удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации и общий объём НИОКР (рис. 1); удельный вес НИОКР, выполненных собственными силами (без привлечения соисполнителей), в общих доходах

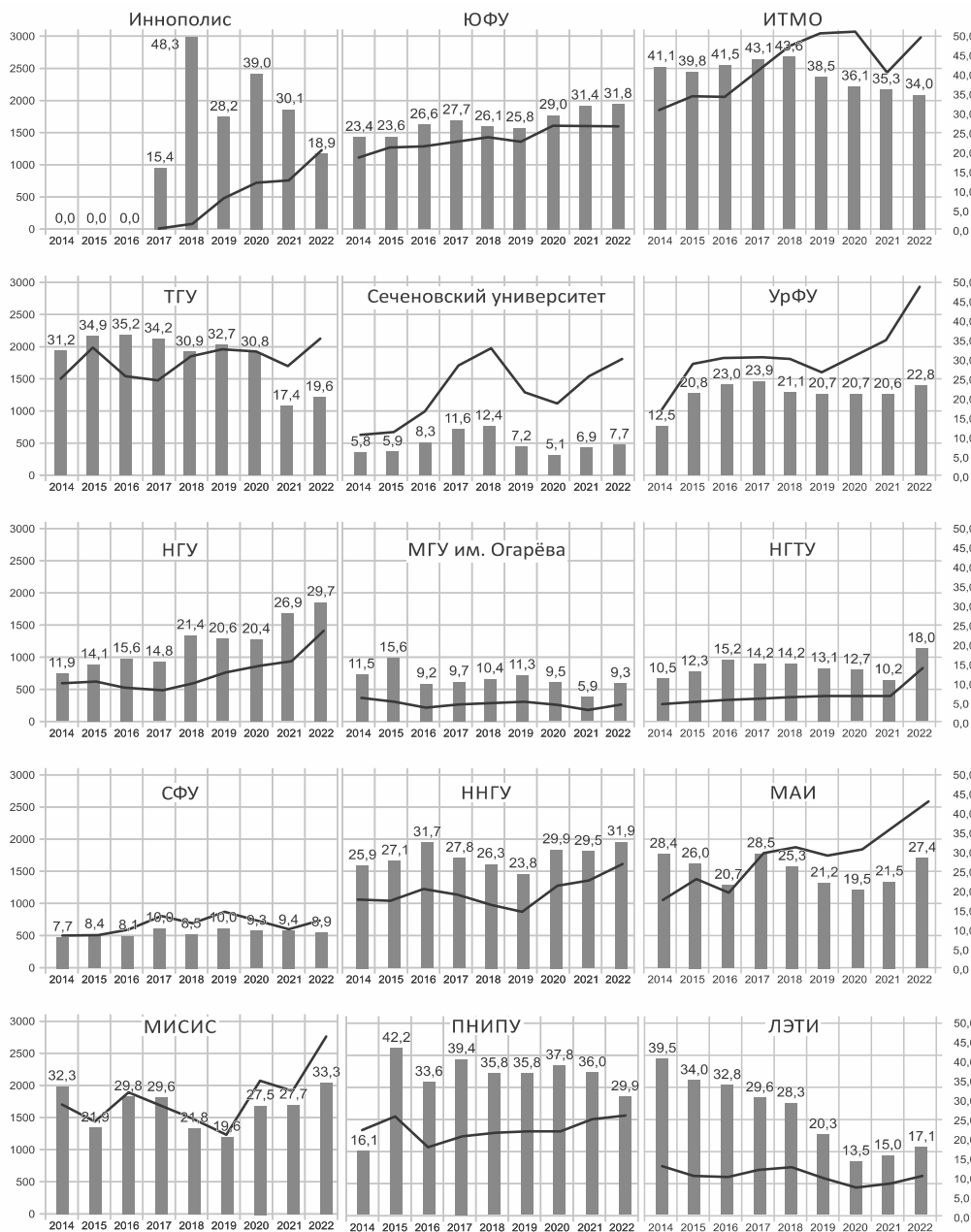

Рис. 1. Динамика удельного веса (%) доходов от НИОКР в общих доходах вуза (■) и общего объёма НИОКР (—), млн руб., в 2014–2022 гг.

образовательной организации от НИОКР. Эти показатели позволяют оценить степень использования инновационного потенциала вузов и отражают активность вуза и его автономность в области реализации научно-исследовательской работы.

За рассмотренный период у большинства вузов (за исключением двух) увеличились объёмы выполняемых НИОКР, а у 7 из 15 данный показатель вырос более чем на 50 %. Однако, основными источниками доходов у рассмотренных вузов всё ещё остаются наука и образование. Динамика удельного веса НИОКР, выполненных собственными силами (без привлечения соисполнителей), в общих доходах отражает самостоятельность большинства вузов (у 14 из 15 этот показатель превышает 81 % в 2022 и 2021 гг.).

Для оценки динамики результативности деятельности ЦТТ были рассмотрены показатели: объём коммерческого НИОКР в расчёте на одного научно-педагогического работника (НПР); число лицензионных соглашений; удельный вес доходов вуза от использования РИД в общих доходах организации и количество МИП.

Динамика доходов от коммерческого НИОКР (за исключением финансируемых из средств бюджетов бюджетной системы РФ и государственных фондов поддержки науки) характеризует привлекательность вузовской науки для рынка (рис. 2).

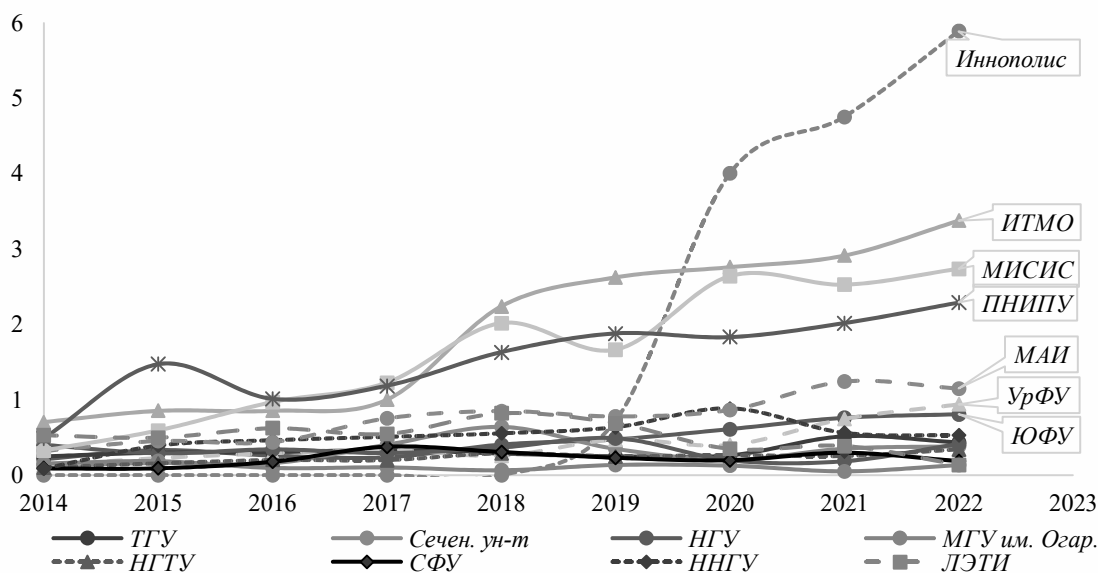

Рис. 2. Динамика доходов от коммерческого НИОКР в расчёте на одного НПР, млн руб.

На основании рис. 2 можно сделать вывод, что рост доходов от коммерческого НИОКР начинается в период 2015–2016 гг., что может быть обусловлено продлением программы «5-100» по указу Д. А. Медведева в 2015 г., в рамках которой вузы стремились к улучшению качества образования и повышению исследовательской активности. Из представленной динамики видно, что в 2014–2016 гг. между вузами не было сильного разрыва – показатель не превышал 1 млн рублей, но с 2018 г. у университетов Иннополис, ИТМО, МИСИС, ПНИПУ происходит устойчивый рост данного показателя.

Следующим важным показателем является количество лицензионных соглашений (рис. 3).

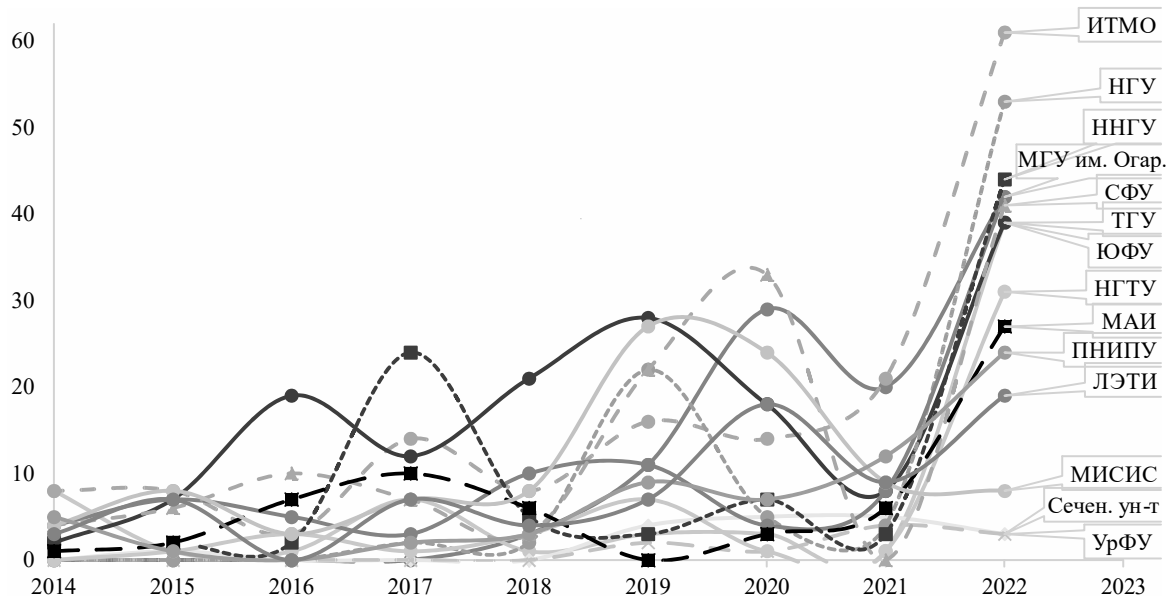

Рис. 3. Количество заключаемых лицензионных соглашений в год, ед.

Как видим, общее количество заключённых лицензионных соглашений за рассмотренный период выросло почти в 10 раз. Однако, у ряда вузов отмечается волнообразная динамика показателя. В 2021 г. наблюдается резкое падение показателя у 7 вузов (в сравнении с предыдущим годом). Подобные скачки можно объяснить: во-первых, влиянием пандемии COVID-19 на инновационную активность научных коллективов вузов России, приведшей к резкому сокращению рассмотренных экономических показателей (см. рис. 1 и 3); во-вторых, грантовым стимулированием, выделенным на развитие и создание ЦТТ в 2021 г., что помогло преодолеть кризис пандемии. В 2022 г. наблюдается резкий рост значений показателя заключённых лицензионных соглашений, в пятёрке лидеров по их количеству находятся ИТМО, НГУ, ННГУ, МГУ им. Огарёва, Иннополис.

Однако динамика объёмов доходов вузов от использования РИД отражает иную картину (см. таблицу). В течение рассмотренного периода динамика показателя претерпевала изменения. Максимальные значения достигались в 2016–2019 гг. у ЮФУ, ТГУ и УрФУ. После 2020 г. отмечается рост его медианного значения: с 0,03 % в 2019 г. до 0,07 % в 2022 г. А в 2022 г. лидерами по доле доходов от использования РИД стали ЮФУ, ЛЭТИ, НГТУ, МАИ и НГУ.

Наибольшее количество МИПов на балансе университета за весь рассмотренный период находится у ИТМО, ТГУ, СФУ и МГУ им. Огарёва (рис. 4). Можно сделать вывод, что к данному виду коммерциализации разработок интерес постепенно возрастал с 2015 по 2017 г., достигнув максимальных значений в 2020 г., а затем начал снижаться. Данный процесс обусловлен оптимизацией деятельности вузовских ЦТТ и сокращением числа МИП, не приносящих доход.

Удельный вес средств, полученных вузом от использования РИД, в общих доходах организации

Вуз	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
ЮФУ	0,00	2,02	5,50	6,58	0,06	0,09	0,08	0,10	0,43
ИТМО	0,00	0,00	0,00	0,06	0,02	0,06	0,01	0,03	0,04
ТГУ	0,00	0,00	0,00	0,17	0,88	0,80	0,01	0,04	0,06
Сеченовский ун-т	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01
УрФУ	0,00	0,10	1,34	0,08	0,45	0,92	0,05	0,07	0,09
НГУ	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,05	0,10
МГУ им. Огарёва	0,00	0,26	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,07
НГТУ	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,02	0,00	0,16
СФУ	0,00	0,02	0,01	0,01	0,02	0,03	0,03	0,04	0,06
ННГУ	0,00	0,00	0,01	0,01	0,02	0,00	0,00	0,00	0,01
МАИ	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,02	0,13
МИСИС	0,01	0,00	0,00	0,01	0,00	0,04	0,01	0,03	0,07
ПНИПУ	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,04	0,07
ЛЭТИ	0,00	0,05	0,11	0,11	0,11	0,10	0,19	0,44	0,32

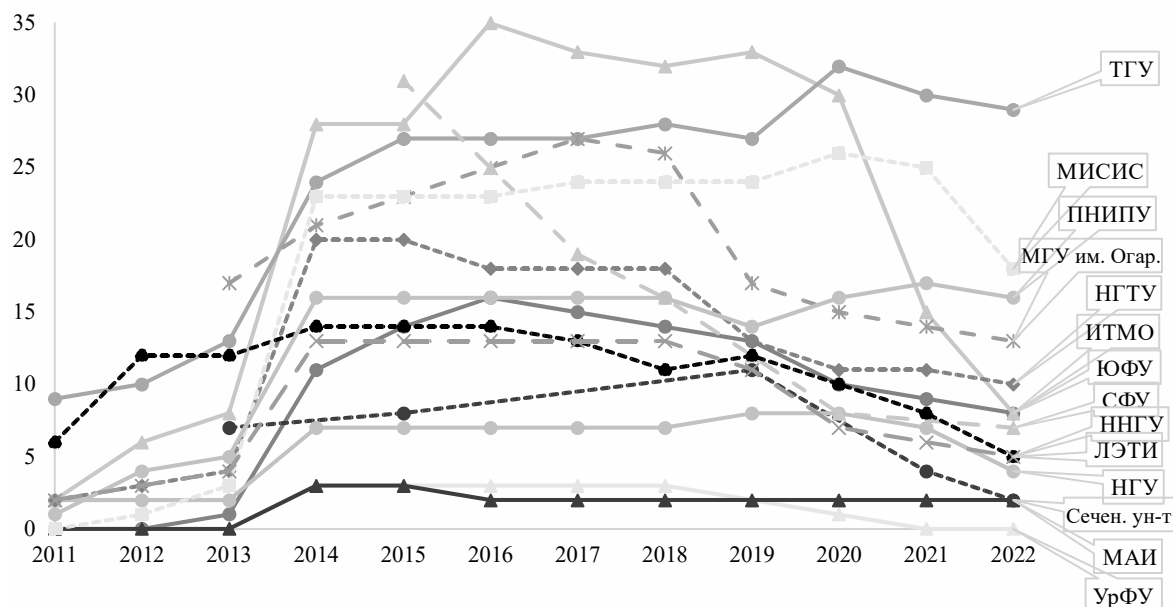

Рис. 4. Количество МИПов на балансе университета, шт.

На основании анализа практик и интервью с представителями пяти вузовских ЦТТ (МАИ, МГУ им. Огарёва, МИСИС, ННГУ, ПНИПУ) были выявлены основные проблемы коммерциализации проектов, с которыми они сталкиваются. Среди первых и наиболее популярных причин отмечаются односторонняя ориентация научной среды на научную работу, а не на внедрение разработок, а также низкая заинтересованность коллективов учёных в коммерциализации разработок. Это проявляет проблему неактуальности или низкого уровня рыночной готовности значительной части поступающих в ЦТТ проектов и разработок как следствие недостаточной заинтересованности авторов изобретений в продвижении своих идей и их обработке под запросы рынка. Третьей проблемой является нехватка ресурсов и знаний у основателей проектов, работающих без команды, которая обладала бы различными навыками и компетенциями. Это также ограничивает возможности их успешной реализации. Наряду с этим на деятельность ЦТТ влияет невозможность института коммерческого использования интеллектуальной собственности в России, а отсюда – недостаточная мотивация учёных к её созданию. Мы выделяем также нацеленность некоторых ЦТТ исключительно на юридическое сопровождение сделок, в то время как роль ЦТТ гораздо шире.

Для решения и нивелирования упомянутых проблем ЦТТ работают на внутренний и внешний контур. С одной стороны, проводятся различные мероприятия по привлечению внимания к разрабатываемым инновациям. Отмечается, что в МАИ практикуется заключение договоров с партнёрами на бесплатное тестирование продукта с их дальнейшей доработкой по комментариям. С другой стороны, внутри вуза выделяется финансирование на маркетинговые исследования и другие необходимые затраты при сопровождении проектов. Данные меры не помогают продвигать и демонстрировать ценность проектов для инвесторов и стимулируют авторов и исследователей к активному поиску потенциальных клиентов и партнёров.

Для поиска проектов ЦТТ применяют две модели инновационного процесса: *market pull* и *technology push*. Для реализации первой проводят встречи с представителями российских и зарубежных предприятий, а также мониторинг рыночных запросов через личные контакты и онлайн-платформы. Вторая модель основана на поиске внутренней инициативы, что затруднительно из-за недостаточной мотивации коллективов.

Отметим опыт поиска проектов университета МИСИС через «мэтч мэйкинг» (поиск совпадений) и проведение «инновационных сессий». В первом случае через личные связи и активное взаимодействие с потенциальными заказчиками сотрудники ЦТТ выясняют запросы индустрии, после чего ищут в вузе коллектив, готовый взять в работу «поступивший запрос». Во втором варианте проводится научно-технический семинар, на котором определяется поле запросов различных предприятий индустрии, а затем разным научным подразделениям университета даётся задание сформулировать ответные предложения в установленные сроки, чтобы передать их компаниям для возможных заказов на разработку.

В большинстве «проинтервьюированных» вузов не используются чёткие регламенты и методы для оценки рыночного потенциала проектов, так как взаимодействие между авторскими коллективами и заказчиком выстраивается в каждом случае индивидуально, когда эксперты и сотрудники ЦТТ опираются на запросы рынка и личное общение с авторами разработки и потенциальными заказчиками. Тем не менее существует практика использования шкалы уровня готовности технологий (УГТ) для оценки зрелости проектов, применяемая в ННГУ.

После диагностики проектов в ЦТТ проводится определение сценариев их коммерциализации. Во многих ЦТТ для этого разработаны собственные методики, включающие работу с запросами предприятий, выявление потенциальных партнёров и участие в конференциях и выставках.

При проведённом сравнительном анализе выявлены высокие значения показателей коммерческих НИОКР и низкие показатели удельного веса средств от коммерциализации РИД МИСИС. Руководитель ЦТТ МИСИС А. А. Кузнецов объяснил, что данное расхождение обусловлено особыми условиями оценки РИД в рамках бюджетных учреждений, к которым относится университет. Строгие требования к оценке стоимости РИД могут привести к существенным недооценкам или переоценкам. В связи с этим университетам выгоднее зарегистрировать ноу-хау, что подтверждает наличие технических компетенций у вуза, а затем проводить коммерческие НИОКР.

Для улучшения деятельности ЦТТ В. И. Ванин (ННГУ) считает необходимым переход от формального подхода к человеческому, ориентируясь на потребности бизнеса и используя гибкие методики работы, а А. А. Кузнецов подчёркивает важность честности, порядочности и выполнения обязательств для построения успешных партнёрских отношений.

Среди позитивных практик поддержки проектов и разработок в вузе отметим опыт ИТМО – функционирование сервисного проекта «IP-биржа», в рамках которого любой проект на бесплатной основе может получить консультацию экспертов Центра развития института интеллектуальной собственности при ЦТТ, провести патентный анализ и построить стратегию защиты и коммерциализации РИД.

Заключение

Проведён анализ результативности деятельности ЦТТ при 15 вузах-лидерах, победивших в конкурсе на финансирование развития ЦТТ в 2021 г. В целом, анализ показателей деятельности ЦТТ и интервью показали, что получение гранта в 2021 г. позитивно сказалось на результативности ЦТТ при вузах.

На основе анализа исследований и практик выделены общие проблемы, характерные для вузовской среды, которые препятствуют коммерциализации разработок и технологических проектов:

- односторонняя ориентация научной среды на научную работу, а не на внедрение разработок, т. е. коллективы не ориентированы на запросы конечного потребителя;
- низкая заинтересованность коллективов учёных в коммерциализации разработок;
- неактуальность или низкий уровень рыночной готовности значительной части проектов (не выше 4-5 уровней) и разработок;
- неразвитость института коммерческого использования интеллектуальной собственности;
- нехватка ресурсов и знаний у основателей проектов, работающих без команды, которая обладала бы с различными навыками и компетенциями;
- восприятие функций ЦТТ как формальных и реактивных, а не проактивных.

В то время как некоторые ЦТТ ориентированы исключительно на юридическое сопровождение сделок, мы считаем роль ЦТТ в инновационном процессе более широкой, направленной на кооперацию внешнего и внутреннего контуров инновационной системы.

Анализ лучших практик и интервью с руководителями ЦТТ позволил выделить факторы, позитивно влияющие на их результативность:

– ориентация и работа ЦТТ на внешний и внутренний контуры (сочетание подходов market pull и technology push);

– применение в работе проектного и продуктового подходов, нацеленных на удовлетворение запроса заказчика;

– активное участие в тематических конференциях и выставках; поездки на предприятия-партнёры и организация собственных мероприятий, мастер-классов и программ обучения;

– наличие собственных регламентов и инструментов в области оценки коммерческого потенциала разработок в воронке (экспресс-диагностика) со сценариями их коммерциализации и управления, а также формами сотрудничества и взаимодействия, в частности, в области распределения долей владения РИД между вузом и авторским коллективом, способного повысить мотивацию коллективов к коммерциализации разработок;

– наличие при ЦТТ собственных сервисных проектов, поддерживающих проекты и коллективы учёных экспертизой в области интеллектуальной собственности и стратегии её коммерциализации.

Полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности.

Направления дальнейших исследований

Раскрытие проблем и возможных путей улучшения процесса трансфера технологий в вузах представляет собой важную задачу, требующую глубокого анализа. В дальнейших исследованиях планируется проанализировать большее количество вузовских ЦТТ. Особое внимание будет уделено анализу вузов, включённых в программу «Приоритет 2030», с целью выявления лучших практик вузов-лидеров в области коммерциализации разработок.

Кроме того, планируется исследовать влияние деятельности ЦТТ на формирование и результативность инновационной экосистемы вуза, а также на методы и инструменты оценки и управления научно-технологическими и инновационными проектами вузов с учётом их специфики и типологии. Это позволит определить параметры, оказывающие наибольшее влияние на успешность трансфера технологий, и выявить оптимальные стратегии для улучшения этого процесса в вузах.

Список литературы

1. *Ицковиц, Г.* Модель тройной спирали / Г. Ицковиц // *Инновации*. – 2011. – №4. – С. 5–10.
2. *Leydesdorff L., Ivanova I.* “Open innovation” and “triple helix” models of innovation: can synergy in innovation systems be measured? // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity Research*. – 2016. 2(3). – P. 1–12. Doi: <https://doi.org/10.1186/s40852-016-0039-7>.
3. *Кичатинова, Е. Л.* Концепция «четверной спирали» и инновационное развитие регионов / Е. Л. Кичатинова, И. В. Олейников // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Политология. Религиоведение. – 2019. – №29. – С. 53–62.
4. *Williamsson J., Sandoff A.* Holding hands on the platform: exploring the influence of municipal open innovation platforms on sustainable business model innovation. *Cities*. – 2023. – 140. – pp. 104455. – <https://doi.org/10.1016/j.cities.2023.104455>.

5. *Теребова, С. В.* Принципы и практика функционирования зарубежных центров трансфера технологий / С. В. Теребова, Л. А. Волкова // Экономика и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – №1(13). – С. 101–107.
6. *Казаков, В. А.* Пути коммерциализации вузовских технологий / В. А. Казаков, Э. А. Андреева, А. С. Терешин // Экономика и управление. – 2009. – №2(S5). – С. 111–114.
7. *Bejarano B. P. J., Zарtha W. Ocampo-Lopez S. Jhon, Ramirez-Carmona C. Margarita* University Technology Transfer from a Knowledge-Flow Approach // Sustainability. – 2023. – 15(8). – pp. 6550. <https://doi.org/10.3390/su15086550>.
8. *Cavaggiola F., De Marco A., Montobbio F., Ughetto E.* The licensing and selling of inventions by US universities. Technological Forecasting & Social Change. 2020. – 159. – pp. 120–189. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120189>.
9. *Wynn G. Martin* Technology Transfer Projects in the UK: An Analysis of University – Industry Collaboration // International Journal of Knowledge Management. – 2018. – 14(2). – P. 52–72. – <https://doi.org/10.4018/IJKM.2018040104>.
10. *Жарова, Е. Н.* Анализ зарубежного опыта развития трансфера технологий в научно-образовательной сфере / Е. Н. Жарова, А. В. Грибовский // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2016. – № 2 (3). – С. 113–120.
11. *Катаман, Д. О.* Кембриджский кластер: история и перспективы / Д. О. Катаман // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2018. – № 1 (17). – С. 27–34. – <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.1.27-34>.
12. *Mauricio D., Lopez X.* A systematic literature review on technology transfer from university to industry. International Journal of Business and Systems Research. – 2018. – 12(2). – pp. 197–225. – <https://doi.org/10.1504/IJBSR.2018.10010090>.
13. *Agley J., Gassman R., Reho K., Roberts J., Heil S. K. R., Golzarri-Arroyo L., Eddens K.* Organizational Network Analysis of SAMHSA’s Technology Transfer Center (TTC) Network // The Journal of Behavioral Health Services & Research. – 2024. – 51(1). – pp. 123–131.
14. *Li J., Mingaleva Z., Postnikov V., Kyriakopoulos G., Lavrikova, Y., Kuzmin E., Sang Y.* The role of university technology transfer centers in the development of the «green» potential of cities // E3S web of conferences. – 2023. – 435. – 01001. – <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202343501001>.
15. *Aerts G., Cauwelier K, de Pape S., Jacobs S., Vanhondeghem S.* An inside-out perspective on stakeholder management in university technology transfer offices // Technological Forecasting & Social Change. – 2022. – 175. – 121291. – <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121291>.
16. *Ерёмченко, О. А.* Трансфер технологий в зарубежных вузах на примере Лёвенского католического университета / О. А. Ерёмченко, Н. Г. Куракова // Экономика науки. – 2022. – №8 (3–4). – С. 174–185. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2022-8-3-4-174-185>.
17. *Кирышева, В. А.* Трансфер технологий: сущность, формы, функции, инструменты / В. А. Кирышева // Альманах научных работ молодых учёных Университета ИТМО: материалы пятидесятой науч. и учеб.-метод. конф. – 2021. – №5 (1). – С. 227–231.
18. *Васильев, Н. М.* Роль трансфера технологий в развитии инновационного предпринимательства / Н. М. Васильев // Проблемы современной экономики. – 2011. – №1(37). – С. 429–430.
19. *Марахина, И. В.* Развитие инновационной инфраструктуры вуза при переходе к модели «Университет 3.0» / И. В. Марахина // Наука и инновации. – 2020. – № 12 (214). – С. 64–69. <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2020-12-64-69>.

20. Белокрылова, О. С. Место и роль вузовской науки в формировании инновационного потенциала региона / О. С. Белокрылова, И. В. Бережной // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 12 (1). – С. 111–113.

21. Николаев, А. С. Деятельность отечественных вузов в развитии инновационной экономики и рынка трансфера технологий / А. С. Николаев, Н. Н. Кириллов // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 6 (172). – С. 94–100. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.6.14>.

22. Миронова, Д. Ю. Инновационная инфраструктура вуза как элемент формирования и развития экосистемы промышленного симбиоза и стимулирования проектной деятельности / Д. Ю. Миронова // Экономика. Право. Инновации. – 2023. – № 2. – С. 38–46. <https://doi.org/10.17586/2713-1874-2023-2-38-46>.

23. Селевестров, Ю. И. Инновационная деятельность и трансфер технологий в университетах: европейский опыт / Ю. И. Селевестров // Вестник Белгородского гос. технолог. ун-та им. В. Г. Шухова. – 2017. – № 2 (11). – С. 277–282.

24. Ермоленко, В. В. Обеспечение деятельности проектного офиса инфраструктуры инновационной экосистемы / В. В. Ермоленко, Д. В. Ланская, А. Е. Яковленко // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 32 (3). – С. 125–133.

25. Rocha A., Romero F., Cruz-Cunha M. University technology transfer: Contacts and connections at the origin of licensing agreement // International Conference on Industry Sciences and Computer Sciences Innovation. – 2022. – 204. – pp. 81–90. – <https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.08.010>.

26. Fernandez-Esquinas M., Pinto H., Yruela P. Manuel, Pereira S. Tiago Tracing the flows of knowledge transfer: Latent dimensions and determinants of university–industry interactions in peripheral innovation systems // Technological Forecasting & Social Change. – 2016. – 113 – pp. 266–279. – <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2015.07.013>.

27. Nugent A., Fai Chan H. Outsourcing university research commercialization to a sophisticated technology transfer office: Evidence from Australian universities // Technovation. – 2023. – 125. – 102762. – <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2023.102762>.

28. Верховова, В. А. Проблемы коммерциализации вузовских инноваций в России / В. А. Верховова // Наука, образование, инновации: пути развития: материалы десятой национальной (всероссийской) науч.-практ. конф. – 2019. – С. 150–154.

29. Барина, Н. В. Проблемы коммерциализации инноваций в России и пути их преодоления на современном этапе развития экономики / Н. В. Барина // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2020. – №2. – С. 32–41. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-2-32-41>.

30. Оборский, А. Ю. Оценка интеллектуального капитала российских вузов и научных учреждений / А. Ю. Оборский, А. Н. Амерсланова // Учёт. Анализ. Аудит. – 2019. – № 6 (5). – С. 80–87. <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2019-6-5-80-87>.

31. Егоров, А. Проблемы измерения капитала знаний и его вклада в экономический рост / А. Егоров // Вопросы образования. – 2022. – №3. – С. 239–249. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-239-249>.

32. Shmeleva N., Gamidullaeva L, Tolstykh T., Lazarenko D. Challenges and opportunities for technology transfer networks in the context of open innovation: Russian experience // Journal of open innovation: technology, market, and complexity. – 2021. – 7(3). – pp. 197. <https://doi.org/10.3390/joitmc7030197>.

33. Ильшева, Н. Н. Проблема трансфера технологий в ведущих университетах России / Н. Н. Ильшева, А. В. Рожков // ЭКО. – 2015. – № 12 (498). – С. 118–125.

References

1. Etzkowitz H. (2011) Model' troynoy spirali [Triple Helix Model]. *Innovations*, 4, pp. 5–10.
2. Leydesdorff L., Ivanova I. (2016) “Open Innovation” and “Triple Helix” Models of Innovation: Can Synergy in Innovation Systems Be Measured? *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity Research*, 2(3), pp. 1–12. <https://doi.org/10.1186/s40852-016-0039-7>.
3. Kichatinova E. L., Oleynikov I. V. (2019) Kontseptsiya «chetvernoy spirali» i innovatsionnoye razvitiye regionov [The Concept of the “Quadruple Helix” and Innovative Development of Regions]. *The Bulletin of Irkutsk State University. “Political Science and Religion Studies” Series*, 29, pp. 53–62.
4. Williamsson J., Sandoff A. (2023) Holding Hands on the Platform: Exploring the Influence of Municipal Open Innovation Platforms on Sustainable Business Model Innovation. *Cities*, 140, Article 104455.
5. Terebova S. V., Volkova L. A. (2011) Printsipy i praktika funktsionirovaniya zarubezhnykh tsentrov transfera tekhnologiy [Principles and Practice of Functioning of Foreign Technology Transfer Centers]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 1(13), pp. 101–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-i-praktika-funktsionirovaniya-zarubezhnyh-tsentrov-transfera-tehnologiy> (Access date: 10.03.2024).
6. Kazakov V. A., Andreeva E. A., Tereshin A. S. (2009) Puti kommersializatsii vuzovskikh tekhnologiy [Ways to Commercialize University Technologies]. *Economics and Management*, 2/5(42), pp. 111–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-kommertsializatsii-vuzovskikh-tehnologiy> (Access date: 10.03.2024).
7. Bejarano B. P. J., Zartha W. Ocampo-Lopez S. Jhon, Ramirez-Carmona C. Margarita (2023) University Technology Transfer from a Knowledge-Flow Approach. *Sustainability*, 15(8), Article 6550. <https://doi.org/10.3390/su15086550>.
8. Cavigliolia F., De Marco A., Monobbiob F., Ughetto E. (2020) The Licensing and Selling of Inventions by Us Universities. *Technological Forecasting & Social Change*, 159, Article 120189. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120189>.
9. Wynn G. Martin (2018) Technology Transfer Projects in the UK: An Analysis of University – Industry Collaboration. *International Journal of Knowledge Management*, 14(2), pp. 52–72. <https://doi.org/10.4018/IJKM.2018040104>.
10. Zharova E. N., Gribovsky A. V. (2016) Analiz zarubezhnogo opyta razvitiya transfera tekhnologiy v nauchno-obrazovatel'noy sfere [Analysis of Foreign Experience in the Development of Technology Transfer in the Scientific and Educational Sphere]. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*, 2(3), pp. 113–120.
11. Kataman D. O. (2018) Kembridzhskiy klaster: istoriya i perspektivy [Cambridge Cluster: History and Prospects]. *Herald of Omsk University. “Historical Studies” Series*, 1(17), pp. 27–34. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.1.27-34>.
12. Mauricio D., Lopez X. (2018) A Systematic Literature Review on Technology Transfer from University to Industry. *International Journal of Business and Systems Research*, 12(2), pp. 197–225. <https://doi.org/10.1504/IJBSR.2018.10010090>.
13. Agle J., Gassman R., Reho K., Roberts J., Heil S. K.R., Golzarri-Arroyo L., Eddens K. (2024) Organizational Network Analysis of SAMHSA’s Technology Transfer Center (TTC) Network. *The Journal of Behavioral Health Services & Research*, 51(1), pp. 123–131.

14. Li J., Mingaleva Z., Postnikov V., Kyriakopoulos G., Lavrikova, Y., Kuzmin E., Sang Y. (2023) The Role of University Technology Transfer Centers in the Development of the «Green» Potential of Cities. *E3S Web of Conferences*. 435, Article 1001.
15. Aerts G., Cauwelier K., de Pape S., Jacobs S., Vanhondeghem S. (2022) An Inside-Out Perspective on Stakeholder Management in University Technology Transfer Offices. *Technological Forecasting & Social Change*, 175, Article 121291. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121291>.
16. Yeremchenko O. A., Kurakova N. G. (2022) Transfer tekhnologiy v zarubezhnykh vuzakh na primere Lyovenskogo katolicheskogo universiteta [Technology Transfer in Foreign Universities on the Example of the Catholic University of Leuven]. *Economics of Science*, 8 (3–4), pp. 174–185. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2022-8-3-4-174-185>.
17. Kirysheva V. A. (2021) Transfer tekhnologiy: sushchnost', formy, funktsii, instrumenty [Technology Transfer: Essence, Forms, Functions, Tools]. *Almanac of Scientific Works of Young Scientists of ITMO University: Proceedings of the 50th Scientific and Educational Conference*, 5 (1), pp. 227–231.
18. Vasiliev N. M. (2011) Rol' transfera tekhnologiy v razvitii innovatsionnogo predprinimatel'stva [The Role of Technology Transfer in the Development of Innovative Entrepreneurship]. *Problems of Modern Economics*, 1(37), pp. 429–430.
19. Marakhina I. V. (2020) Razvitiye innovatsionnoy infrastruktury vuza pri perekhode k modeli «Universitet 3.0» [Development of University Innovation Infrastructure During the Transition to the “University 3.0” Model]. *Science and Innovations*, 12 (214), 64–69. <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2020-12-64-69>.
20. Belokrylova O. S., Berezhnoy I. V. (2007) Mesto i rol' vuzovskoy nauki v formirovaniy innovatsionnogo potentsiala regiona [The Place and Role of University Science in the Formation of the Region's Innovative Potential]. *Advances in Current Natural Sciences*, 12 (1), 111–113.
21. Nikolaev A. S., Kirillov N. N. (2022) Deyatel'nost' otechestvennykh vuzov v razvitii innovatsionnoy ekonomiki i rynka transfera tekhnologiy [Activities of Domestic Universities in the Development of the Innovative Economy and the Technology Transfer Market]. *Theory and Practice of Social Development*, 6(172), pp. 94–100. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.6.14>.
22. Mironova D. Y. (2023) Innovatsionnaya infrastruktura vuza kak element formirovaniya i razvitiya ekosistemy promyshlennogo simbioza i stimulirovaniya proyektnoy deyatel'nosti [Innovative Infrastructure of a University as an Element of the Formation and Development of an Ecosystem of Industrial Symbiosis and Stimulation of Project Activities]. *Economics. Law. Innovation*, 2, pp. 38–46. <https://doi.org/10.17586/2713-1874-2023-2-38-46>.
23. Selevestrov Y. I. (2017) Innovatsionnaya deyatel'nost' i transfer tekhnologiy v universitetakh: yevropeyskiy opyt [Innovation Activities and Technology Transfer in Universities: European Experience]. *Bulletin of Belgorod State Technological University named after. V. G. Shukhov*, 2(11), pp. 277–282.
24. Ermolenko V. V., Lanskaya D. V., Yakovlenko A. E. (2019) Obespecheniye deyatel'nosti proyektного ofisa infrastruktury innovatsionnoy ekosistemy [Ensuring the Activities of the Innovation Ecosystem Infrastructure Project Office]. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 32(3), pp. 125–133.
25. Rocha A., Romero F., Cruz-Cunha M. (2022) University Technology Transfer: Contacts and Connections at the Origin of Licensing Agreement. *International Conference on Industry Sciences and Computer Sciences Innovation*, 204, pp. 81–90. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.08.010>.
26. Fernandez-Esquinas M., Pinto H., Yruela P. Manuel, Pereira S. Tiago (2016) Tracing the Flows of Knowledge Transfer: Latent Dimensions and Determinants of University–Industry Interactions

in Peripheral Innovation Systems. *Technological Forecasting & Social Change*, 113, pp. 266–279. <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2015.07.013>.

27. Nugent A., Fai Chan H. (2023) Outsourcing University Research Commercialization to a Sophisticated Technology Transfer Office: Evidence from Australian Universities. *Technovation*, 125, Article 102762. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2023.102762>.

28. Verkhovova V. A. (2019) Problemy kommersializatsii vuzovskikh innovatsiy v Rossii [Problems of Commercialization of University Innovations in Russia]. In: *Nauka, obrazovaniye, innovatsii: puti razvitiya: materialy desyatoy natsional'noy (vserossiyskoy) nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Science, Education, Innovation: Ways of Development: Proceedings of the Tenth National (All-Russian) Scientific and Practical Conference], pp. 150–154.

29. Barinova N. V. (2020) Problemy kommersializatsii innovatsiy v Rossii i puti ikh predoleniya na sovremennom etape razvitiya ekonomiki [Problems of commercialization of innovations in Russia and ways to overcome them at the present stage of economic development]. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2, pp. 32–41. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-2-32-41>.

30. Oborsky A. Y., Amerslanova A. N. (2019) Otsenka intellektual'nogo kapitala rossiyskikh vuzov i nauchnykh uchrezhdeniy [Assessment of the Intellectual Capital of Russian Universities and Scientific Institutions]. *Accounting. Analysis. Auditing*, 6(5), pp. 80–87. <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2019-6-5-80-87>.

31. Egorov A. (2022) Problemy izmereniya kapitala znaniy i yego vklada v ekonomicheskii rost [Problems of Measuring Knowledge Capital and Its Contribution to Economic Growth]. *Educational Studies*, 3, pp. 239–249. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-239-249>.

32. Shmeleva N., Gamidullaeva L, Tolstykh T., Lazarenko D. (2021) Challenges and Opportunities for Technology Transfer Networks in the Context of Open Innovation: Russian Experience. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 7(3), 197. <https://doi.org/10.3390/joitmc7030197>

33. Ilysheva N. N., Rozhkov A. V. (2015) Problema transfera tekhnologiy v vedushchikh universitetakh Rossii [The Problem of Technology Transfer in Leading Universities in Russia]. *ECO*, 12(498), pp. 118–125.

L. V. Silakova⁸, T. A. Saikina⁹, M. V. Sisoenko¹⁰, N. A. Artsytov¹¹. Comparative Performance Analysis of Technology Transfer Centers in Universities. The article examines the problem of technological entrepreneurship development in Russian universities and the role of technology transfer centers in the innovation support system. The purpose of the study is a comparative analysis of the performance of technology transfer centers (TTC) of Russian universities – winners of the state com-

⁸ *Liubov V. Silakova*, Associate Professor at ITMO University (Kronverksky ave., 49, St. Petersburg, 197101, Russia), Candidate of Economics, Associate Professor, e-mail: silakovalv@itmo.ru

⁹ *Tatiana A. Saikina*, master student at ITMO University (Kronverksky ave., 49, St. Petersburg, 197101, Russia), e-mail: tatiana.saikina.spb@gmail.com

¹⁰ *Maria V. Sysoenko*, master student at ITMO University (Kronverksky ave., 49, St. Petersburg, 197101, Russia), e-mail: mvsysoenko@itmo.ru

¹¹ *Nikolai A. Artsytov*, master student at ITMO University (Kronverksky ave., 49, St. Petersburg, 197101, Russia), e-mail: nikolai.artsytov@yandex.ru

petition to support the creation and development of TTC at universities for the period from 2014 to 2022. The sample for analysis consists of 15 universities-winners of the grant competition to support TTC in 2021. The comparison of indicators reflecting the potential of the university in terms of creating innovations and the effectiveness of the TTC is carried out. The comparison is carried out both in terms of the main indicators reflecting the effectiveness of the TTC (such as the dynamics of the university's income from intellectual activity results, the number of licensing agreements, the number of small innovative enterprises) and the ability of universities to commercialize knowledge and competencies (the volume of university income from R&D and the ability to perform R&D on their own). As a result of the analysis and interviews with several TTCs, the factors influencing the success of the TTC work were identified as: established interactions with external and intra-university stakeholders and using both approaches to technology transfer “market pull” и “technology push”; the presence of a developed innovation infrastructure at the university; the quality of commercialization process management and the availability of their own approaches to assessing the commercial potential of developments and managing technological projects.

Keywords: technology transfer, technology transfer center, innovation management, R&D, commercialization of intellectual property, technological entrepreneurship, university innovation ecosystem.

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-171-182

*В. В. Краюшкина*¹

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ НА СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

Рассмотрено влияние глобальных тенденций и вызовов на развитие машиностроения в России. Исследованы мировой опыт и глобальные тенденции в машиностроении. Россия столкнулась с серьёзными трудностями, вызванными санкциями, девальвацией рубля и проблемами в ключевых секторах (автомобилестроении, производстве бытовой техники и железнодорожном машиностроении). В 2023 г. в машиностроении произошёл «отскок» от крайне низкого показателя 2022 г., период ожидаемого восстановления может стать ключевым для перехода от отрицательных тенденций к положительной динамике в отрасли. Методология стратегирования В. Л. Квинта предписывает учёт глобальных процессов развития отрасли. В соответствии с глобальными тенденциями развитие российского машиностроения должно опираться на научно-инновационное развитие отрасли и страны в целом. В этой связи важно использовать мировой опыт внедрения инноваций и соответствовать мировым стандартам. В краткосрочной перспективе необходимо обеспечить самодостаточность машиностроения как элемента технологического суверенитета, а в долгосрочной – развивать экспорт при снижении зависимости от импорта.

Ключевые слова: развитие машиностроения, глобальные тенденции машиностроения, теория стратегирования В. Л. Квинта, машиностроение в России, санкции.

УДК 330.352

Введение

В условиях новых вызовов развитию российской экономики и нового, цифрового, этапа научно-технического прогресса машиностроительная отрасль стала ключевым элементом национальной экономической системы, от которого зависят национальная безопасность, общая модернизация страны, подготовка кадров для сферы высоких технологий. Машиностроение составляет основу «новой индустриализации» России.

Для анализа российского машиностроения рассмотрим основные глобальные тенденции, а также состояние и динамику развития отрасли в последние годы и возможное позитивное использование выявленных глобальных тенденций и вызовов для её укрепления.

---

¹ *Валерия Вячеславовна Краюшкина*, аспирант Высшей школы государственного администрирования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, 61, стр. 1), e-mail: Krayushkinavv@gmail.com

Мировой опыт и глобальные тенденции в машиностроении

Согласно методологии стратегирования В. Л. Квинта, формирование стратегий на национальном и национально-отраслевом уровне невозможно без учёта глобальных тенденций развития экономики в целом или отдельной отрасли [1]. Именно они в значительной степени определяют перспективные возможности отраслевого развития на страновом уровне.

Машиностроение как отрасль обрабатывающей промышленности играет ключевую роль в развитии экономики и технологий во всём мире. Современные тенденции в этой области сформировались под влиянием различных факторов, включая технологические инновации, глобализацию, изменения в потребительском спросе и глобальное стремление к устойчивому развитию, отражённое в целях ООН в области устойчивого развития. Обобщая накопленные в научной литературе знания, выделим ключевые глобальные тенденции в развитии машиностроения:

1. *Технологические инновации и цифровизация, в том числе развитие робототехники.* В современном машиностроении ключевую роль играют технологические инновации: искусственный интеллект, интернет вещей и цифровые технологии. Промышленные предприятия внедряют автоматизированные системы управления, чтобы повысить эффективность производства и снизить затраты. Внедрение роботов и автоматизированных систем в производственные процессы становится всё более распространённым. Это позволяет повысить точность, скорость и безопасность производства, а также снизить зависимость от человеческого фактора.

2. *Глобализация и мировые цепочки поставок,* позволяющие компаниям максимально использовать преимущества разделения производства, а также ресурсы различных регионов для создания конкурентоспособных продуктов [2].

3. *Стремление к экологической устойчивости и ответственности производств.* Компании внедряют энергоэффективные технологии и разрабатывают продукты с учётом снижения воздействия на окружающую среду.

4. *Персонализация производства продукции.* Гибкие производственные технологии и цифровые платформы позволяют выпускать продукцию, соответствующую индивидуальным потребностям клиентов [3].

5. *Подготовка кадров совместно с образовательными организациями и непрерывное образование* [4]. Требуется обеспечение рабочей силы необходимыми навыками в условиях быстрого технологического развития.

Глобальная экономическая интеграция вынуждает предприятия машиностроения активно участвовать в международных технологических исследованиях, разработках и инвестициях. Для повышения конкурентоспособности компании должны не только увеличивать объёмы исследований и разработок, но и инвестировать в продукты, соответствующие мировым стандартам.

Переход от ориентации на производителей к акцентированию на потребителях является фундаментальным сдвигом в методах производства. Эта эволюция приводит к гуманизированному и персонализированному методу производства. Гуманизированный способ производства отражает понимание того, что успешные предприятия должны находить баланс между производственными целями и социальной ответственностью. Персонализированный способ подразумевает создание товаров и услуг, соответствующих требованиям каждого потребителя. Это возможно благодаря применению цифровых систем управления производством и 3D-печати. В целом, точность и качество, автоматизация и роботизация, а также цифровизация управления –

вплоть до замены человека в больших и сложных процессах производства – являются основными перспективами применения информационных технологий в машиностроении [5].

По подсчётам А. А. Афанасьева, доля мирового машиностроения в компьютерном проектировании, компьютерном инжиниринге, технологической подготовке производства, технологиях цифровых двойников, управлении данными о продукте, управлении жизненным циклом изделия, промышленной робототехнике превышает 38 % в первом направлении и увеличивается до 89 % в последнем из перечисленных. При этом доля России на мировом рынке цифровых технологий в машиностроении – не более 0,3 % [6]. В целом, результатом реализации дорожной карты развития цифровых технологий в промышленности России должен стать рост доли отечественного программного обеспечения для автоматизации до 90 % к 2030 г. (по сравнению с 41 % в 2021 г.); в области производственных платформ на базе интернета вещей – до 76,8 % (с 41,5 %); в части платформ для управления ресурсами и процессами предприятий – до 92,3 % (с 78,5 %) ².

Внедрение цифровых технологий естественным образом ведёт к высвобождению низкоквалифицированной рабочей силы и нехватке высококвалифицированных кадров (инженеров, разработчиков, учёных) [7]. В России, стране со сложной социально-демографической ситуацией, оба явления проявляются достаточно ярко и создают серьёзные проблемы для развития экономики.

Импортозамещение в машиностроении России, его роль в обеспечении технологического суверенитета

Важным стимулом в развитии современного отечественного машиностроения является достижение технологического суверенитета. Последний не подразумевает автаркию – полную независимость от сотрудничества с внешними организациями, поставок и получения знаний извне. Подсчитано, что показатель «отношение импорта к объёму внутреннего рынка» в сфере машиностроения в нашей стране повысился с 42,6 % в 2000 г. до 54,0 % в начале 2010-х гг., а к 2021 г. снизился до 49,5 % [8]. Во многом это произошло благодаря грамотной политике в области импортозамещения в ответ на санкции «коллективного Запада».

Впрочем, сам по себе импорт не является негативным фактором. Экономическая глобализация приносит как вызовы, так и новые возможности для развития, облегчая доступ к технологиям и товарам. На 2022 г., по данным НИУ ВШЭ, зависимость промышленного комплекса России от импорта составляла 39 %. При этом данный показатель был в 1,3 раза ниже, чем в Германии, и фактически идентичен таковому для США и Индии. С 2014 г. Россия достигла в транспортном машиностроении уровня импортозамещения в 92 %, однако в станкостроении он составил всего 24 %, в производстве строительно-дорожной и аэродромной техники – 29 % ³. С началом

---

² Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Новые производственные технологии». 2019. URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/6662/?utm_referrer=https%3a%2f%2f (дата обращения: 1.01.2024).

³ Эксперты ВШЭ оценили результаты импортозамещения в России и его перспективы / НИУ ВШЭ. 15.02.2023. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/814559899.html> (дата обращения: 1.01.2024).

масштабных санкций со стороны Запада в 2022 г. отечественные поставки сориентировались прежде всего на КНР, что тревожит экспертов и промышленников, поскольку китайская продукция вытесняет отечественную успешнее, чем западная.

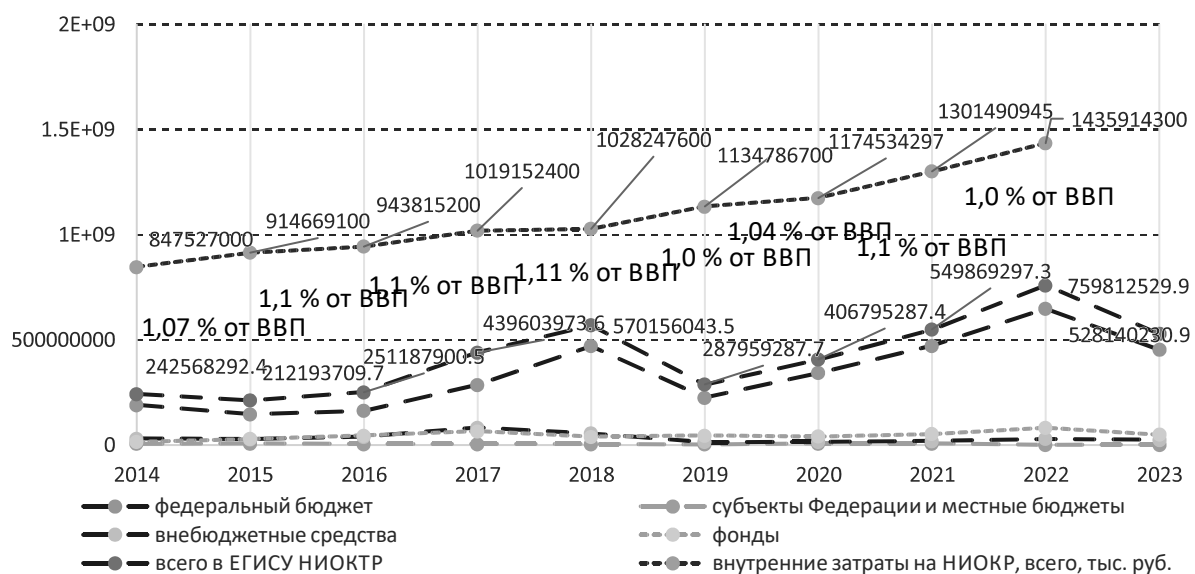
Летом 2022 г. Правительство России определило 5,2 трлн рублей для поддержки стратегических проектов в области транспортного машиностроения, автомобильной промышленности (по развитию универсальной компонентной базы), фармацевтики, судостроения, мало- и среднетоннажной химии, производства сжиженного природного газа (средне- и крупнотоннажного), радиоэлектроники. Активно задействуется «обратный инжиниринг» (разработка конструкторской документации на комплектующие изделия на основе готовых образцов). В 2022 г. выделены дополнительные средства (15 млрд рублей) на компенсацию части затрат организаций на проведение НИОКР по современным технологиям (в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 12 декабря 2019 г. № 1649). Вместе с тем 40 % данной суммы предназначено на технологии производства сжиженного природного газа, мало- и среднетоннажную химию. В 2021 г. среди расходов на инновационную деятельность 36,6 % приходилось на приобретение машин и оборудования; 5,9 % – на инжиниринг; 2,6 % – на разработку и приобретение программ для ЭВМ; 43,3 % – на исследование и разработку. Уровень инновационной активности организаций в сфере машиностроения был самым высоким среди видов экономической деятельности, но не превышал 50 %. Затраты на инновационную деятельность в общем объёме стоимости отгруженных товаров и выполненных услуг лишь в сфере производства летательных аппаратов, в том числе космической техники, превышали 10 %. Россия слабо встроена в глобальные сети инноваций – только 16,6 % организаций сферы промышленного производства в 2021 г. участвовали в совместных с зарубежными партнёрами исследованиях и разработках [9].

По данным портала Единая государственная информационная система учёта научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (ЕГИСУ НИОКТР), в 2022 г. резко выросли число зарегистрированных результатов интеллектуальной деятельности (РИД) и финансирование зарегистрированных НИОКТР (рис. 1). Из представленных на рисунке данных обращает на себя внимание стремительный рост числа РИД (на средства государства) в виде программ для ЭВМ: их годовое количество в последние три года опередило соответствующий показатель по изобретениям и полезным моделям и составляет более половины всех РИД. Вместе с тем реальный рост объёмов НИОКТР виден из представленных на рис. 1 данных Росстата, в том числе о доле расходов на исследования и разработки: он гораздо скромнее, а доля расходов на НИОКТР в ВВП России впервые за многие годы оказалась менее 1 %. Представленные расхождения легко объяснить, если учесть, что в ЕГИСУ НИОКТР размещаются сведения о работах, выполненных (хотя бы частично) на бюджетные деньги (53 % от всего объёма финансирования НИОКТР), и рост финансирования работ, сведения о которых направляются в данную информационную систему, связан, скорее всего, с увеличением государственного финансирования разработок в 2022 г.

Так или иначе, данных средств и объёмов работ недостаточно для технологического рывка и обеспечения полноценного суверенитета. В России в сфере науки занято почти 0,8 % всех работающих в народном хозяйстве и создаётся 1,4 % ВВП. И хотя Россия занимает 9-е место в мире по расходам на НИОКТР (по паритету покупательной способности), это в 12 раз меньше, чем в Китае, и в 15 раз меньше, чем в США [10].

а

б

Рис. 1. Число зарегистрированных государством РИД (а), ед. и общее финансирование зарегистрированных НИОКТР (б), тыс. руб., по годам⁴

⁴ Единая государственная информационная система учёта научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения. URL: <https://rosrid.ru/> (дата обращения: 1.01.2024); Росстат. Наука, инновации и технологии. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1> (дата обращения: 1.01.2024).

Россия не является крупным игроком на мировом рынке машинно-технической продукции как экспортёр гражданской техники и не входит даже в основных поставщиков продукции данного сегмента. За 2021 г. её доля в мировом экспорте машинно-технической продукции составила лишь 0,4 %, а в мировом производстве этот показатель не достиг даже 1 % [11]. Это свидетельствует о необходимости стратегических изменений для повышения конкурентоспособности и активного внедрения инноваций в машиностроении.

В общей структуре доля импорта машин, оборудования и транспортных средств выросла с 45,1 % (81,3 млрд долларов за январь–сентябрь 2022 г.) до 50,6 % (107,9 млрд долларов за январь–сентябрь 2023 г.) (рис. 2). Темп роста – 132,8 % [11].

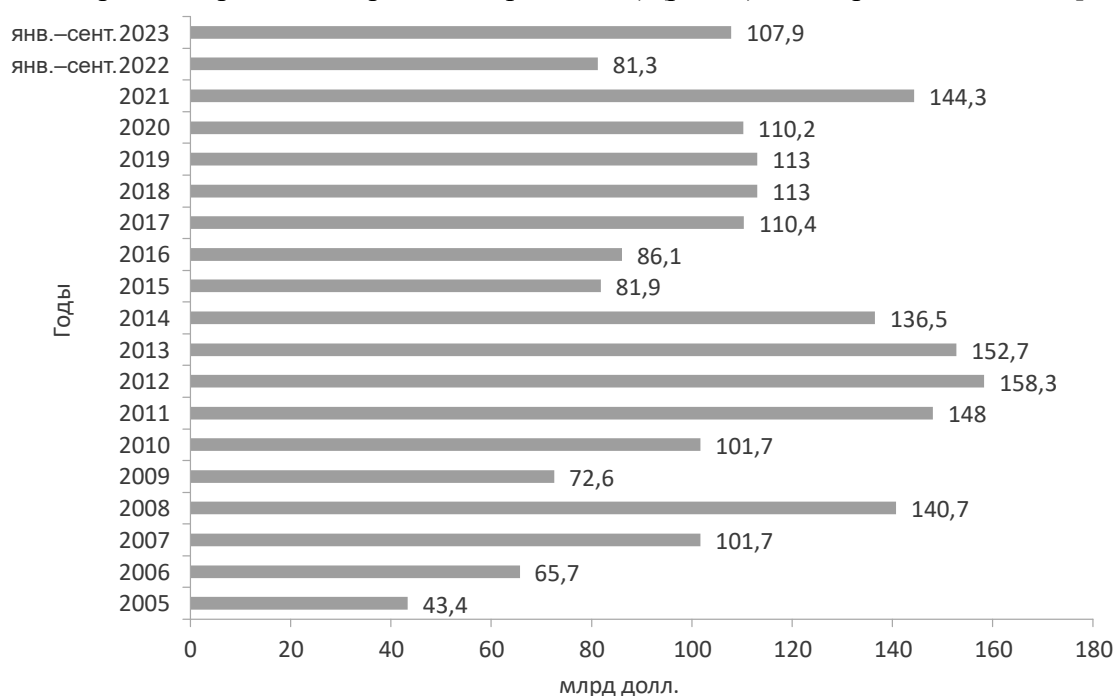

Рис. 2. Объём импорта в Россию машин, оборудования и транспортных средств, млрд долл.⁵

В 2021 г. наибольшая доля в общем объёме импорта приходилась на машины и оборудование (рис. 3) – 49,2 %, что превышает показатель за 2020 г. (47,6 %). Из товаров этой категории 52,6 % поступили из стран дальнего зарубежья (в предыдущем году – 50,8 %) и 20,7 % – из стран СНГ (в 2020 г. – 21,2 %). Общая стоимость ввоза таких товаров увеличилась на 30,8 % (по сравнению с 2020 г.), в частности, механического оборудования выросла на 25,9 %, электрического – на 21,8 %, а оптичес-

⁵ Import value of machinery, equipment, and transport means in Russia from 2000 to 2020. Published by Statista Research Department, 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1006541/russia-machinery-and-equipment-imports/> (Access date: 09.11.2023); Russia Imports: Machines, Equipment and Transportation Means. Federal customs service. 2018. URL: <https://www.ceicdata.com/en/russia/imports-by-main-products-usd-value/imports-machines-equipment-and-transportation-means> (Access date: 09.11.2023).

ских инструментов и аппаратов – на 6,9 %. Физический объём импорта легковых и грузовых автомобилей увеличился в 1,4 раза ⁶.

Рассмотрим страновую структуру импорта машин, оборудования и транспортных средств в Россию (рис. 3). Китай в 2021 г. поставил в Россию продукции на рекордные 43,83 млрд долларов, значительно увеличив (по сравнению с 2020 г.) экспорт электромеханической продукции, включая оборудование и компоненты для автоматической обработки данных (+12,9 %) и автомобилей (+104,6 %). Япония и Корея в 2021 г. являлись лидерами по доле импортной продукции в Россию в товарной группе «Автомобили легковые и прочие моторные средства, предназначенные главным образом для перевозки людей». Россия импортировала приблизительно 110 тысяч японских легковых и грузовых автомобилей.

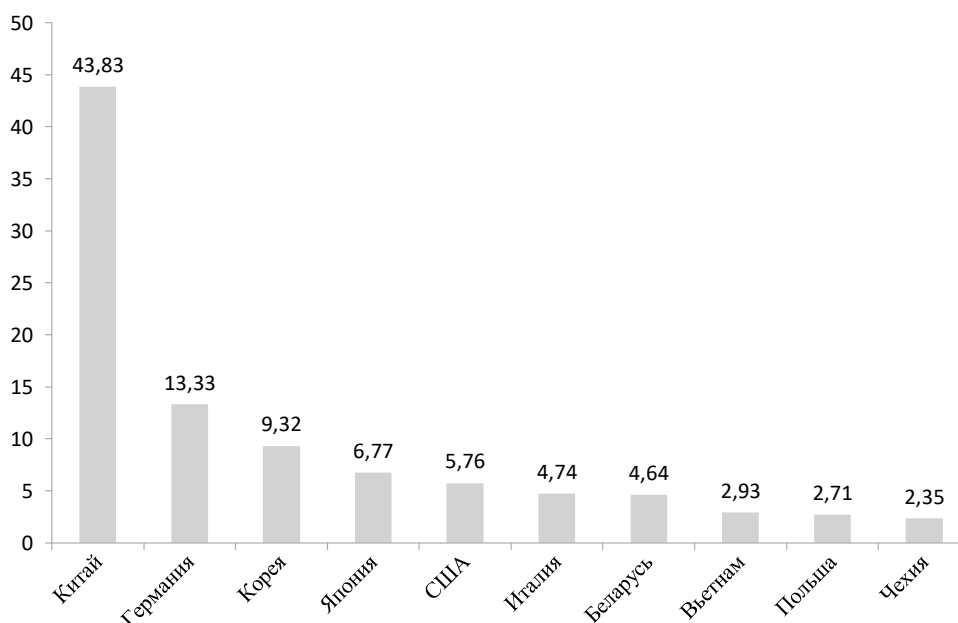

Рис. 3. Объём (млрд долл.) импорта Россией машин, оборудования и транспортных средств из 10 основных стран в 2021 г. (источник: World Integrated Trade Solution (WITS))⁷

Доля экспорта машин и оборудования в январе–декабре 2021 г. составила 6,6 % (в январе–декабре 2020 г. – 7,5 %) ⁸. Рассмотрим страновую структуру российского экспорта (рис. 4). Экспорт машин, оборудования и транспортных средства составил 26,32% (4,76 млрд долларов) от объёма экспорта России в Казахстан (в 2020 г. – 25,44 %), при-

⁶ Russia Imports: Machines, Equipment and Transportation Means. Federal customs service. 2018. URL: <https://www.ceicdata.com/en/russia/imports-by-main-products-usd-value/imports-machines-equipment-and-transportation-means> (Access date: 09.11.2023).

⁷ Russian Federation Machinery and Transport Equipment Exports by country and region, 2021. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2021/TradeFlow/Export/Partner/all/Product/Transp> (Access date: 09.11.2023).

⁸ Федеральная таможенная служба. Таможенная статистика // Экспорт и импорт Российской Федерации по товарам. URL: <https://customs.gov.ru/folder/517> (дата обращения: 15.11.2023).

том в большей степени это различное электрооборудование, а меньше – авто. В то же время Россия является крупным игроком в сфере машиностроения только для стран ближнего зарубежья. Формально эти данные ничего не говорят о критической зависимости нашей страны от внешних технологий, однако, следует быть готовыми к замещению продукции машиностроения в случае трудностей с поставками из дружественных стран.

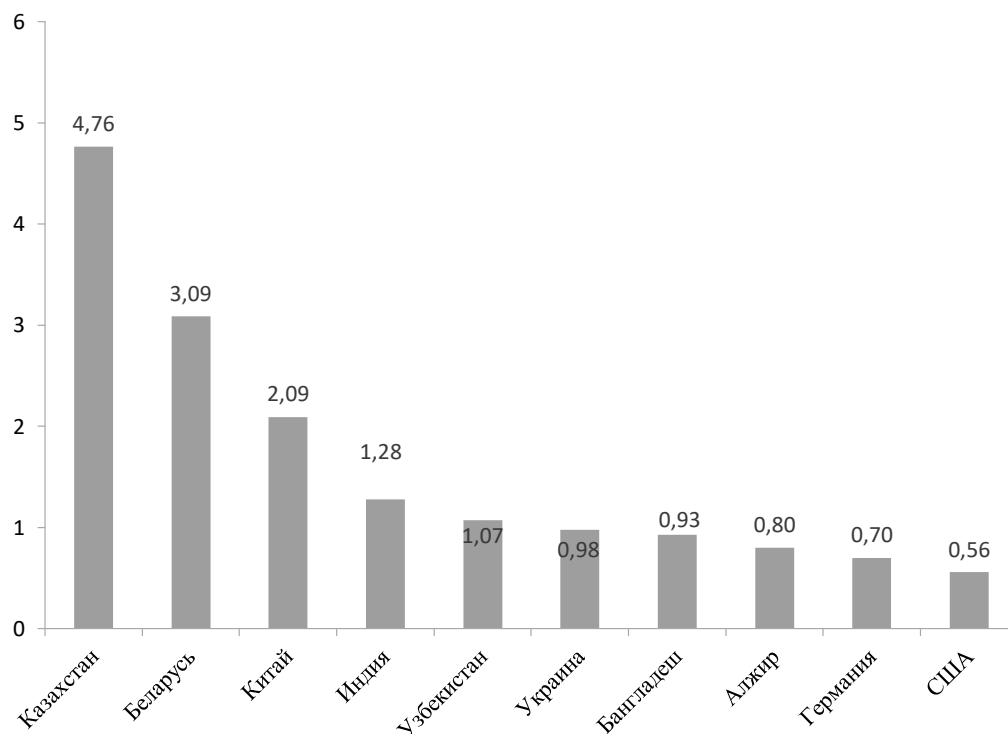

Рис. 4. Объём (млрд долл.) экспорта России (машин, транспортных средств и оборудования) в 10 основных стран в 2021 г. (источник: World Integrated Trade Solution (WITS)⁹)

В настоящее время значение международных партнёрств особенно очевидно перед лицом глобальных вызовов. Совместные усилия позволяют обмениваться «зелёными» технологиями и «устойчивыми» практиками, чтобы обеспечить соответствие машиностроительного сектора глобальным требованиям созданию экологически более чистой продукции.

Состояние и динамика развития отрасли машиностроения с учётом санкционного воздействия

В последнее десятилетие наблюдаются незначительный рост и даже стагнация машиностроительного производства в России (см. таблицу).

⁹ Russian Federation Machinery and Transport Equipment Exports by country and region, 2021. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2021/TradeFlow/Export/Partner/all/Product/Transp> (Access date: 09.11.2023).

Темпы роста производства в машиностроении (2015–2022 гг.), %

Производство	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Среднегодовой прирост
Компьютеров, электронных и оптических изделий	105,8	102,8	100,2	103	110,6	103,4	107,9	101,7	104,4
Электрического оборудования	90,7	107	102,7	105,4	101,3	99,2	106,3	96,3	101,1
Машин и оборудования, не включённых в другие группировки	98	97,9	108,3	102,4	113,5	110	113,8	101,9	105,7
Автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	77	97,9	120,1	111,5	96,3	87,8	113,8	55,3	95
Прочих транспортных средств и оборудования	97,3	110,8	115,6	107,7	99	106,6	107,9	95,8	105,1

Источник: Росстат. Российский стат. ежегодник.

В целом по итогам 2022 г. в машиностроении зафиксирован спад производства – в третий раз за последнее десятилетие (рис. 5).

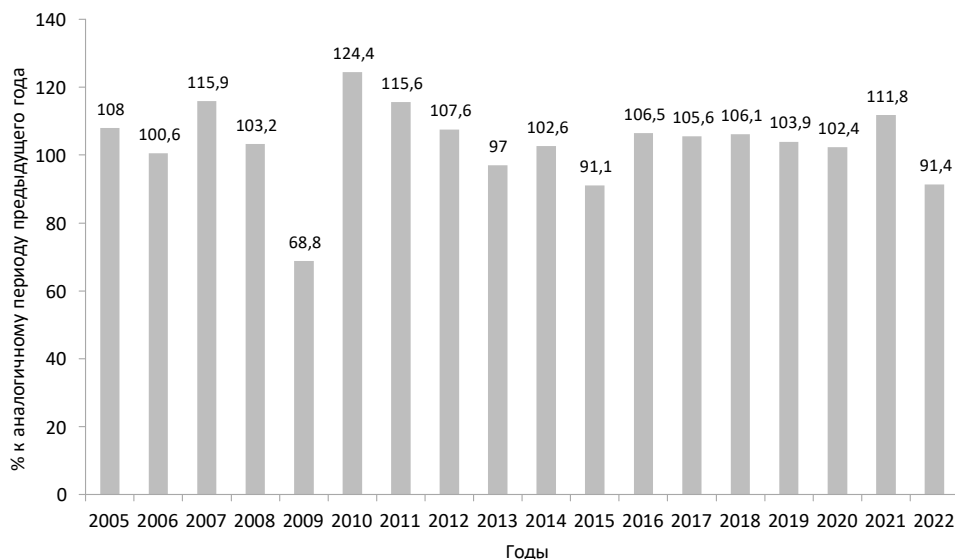

Рис. 5. Индекс производства в машиностроительном комплексе, %¹⁰

Автомобилестроение внесло наибольший вклад в отрицательную динамику, снижение – почти вдвое (рис. 6). Кроме того, значительно снизилось (по сравнению с 2000 г.) производство зерноуборочных комбайнов. Основными причинами падения производства являются: дефицит комплектующих из-за санкционных ограничений, нарушение логистических цепочек, закрытие предприятий западных компаний, девальвация рубля и снижение покупательной способности населения.

¹⁰ Аналитический бюллетень. Машиностроение: тенденции и прогнозы. Вып. № 49. Итоги 2022 г. С. 4 / РИА Рейтинг. 2022. URL: <http://vid1.rian.ru/ig/ratings/mechanicalengineering/demo.pdf> (дата обращения: 09.11.2023).

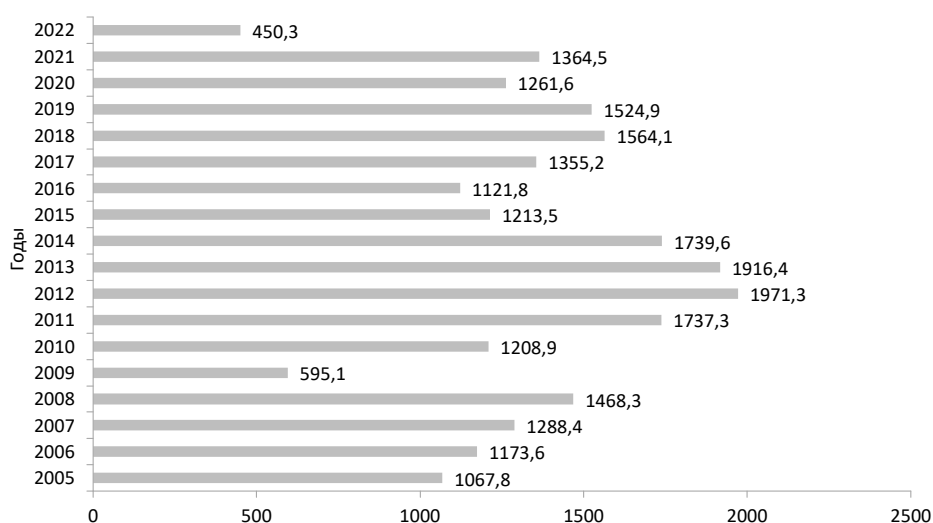

Рис. 6. Производство легковых автомобилей, тыс. шт.

Рост в других секторах невелик. Вместе с тем по итогам девяти месяцев 2023 г. восстановительный рост продукции машиностроения составил более 20 %, что стало одним из самых высоких показателей за долгие годы. Положительного результата удалось добиться не только благодаря факторам низкой базы, но и за счёт замещения машиностроительной продукции, ранее импортировавшейся из недружественных стран. Также сказался рост инвестиций и строительных работ. Все пять машиностроительных отраслей продемонстрировали положительную динамику в январе–сентябре 2023 г.

Таким образом, несмотря на серьёзное политико-экономическое размежевание с Западом в последние годы, машиностроение России испытывает на себе влияние глобальных тенденций и процессов развития отрасли – от глобализации производств и рынков до кадровых проблем. Россия столкнулась с серьёзными трудностями, вызванными санкциями, девальвацией рубля и проблемами в ключевых секторах (автомобилестроение, бытовая техника и железнодорожное машиностроение). В 2023 г. в машиностроении произошёл «отскок» от крайне низкого показателя 2022 г. Период ожидаемого восстановления может стать решающим для перехода к положительной динамике в отрасли.

Согласно методологии стратегирования В. Л. Квинта [1], в соответствии с глобальными тенденциями развитие российского машиностроения должно опираться на научно-инновационное развитие отрасли и страны в целом. В этой связи важно использовать мировой опыт внедрения инноваций и соответствовать мировым стандартам.

В краткосрочной перспективе необходимо обеспечить самодостаточность машиностроения как элемента технологического суверенитета, а в долгосрочном – развивать экспорт при снижении зависимости от импорта в машиностроении.

Список литературы

1. Квинт, В. Л. Концепция стратегирования. – Т. 1 / В. Л. Квинт. – СПб.: СЗИУ РАН-ХиГС, 2019. – 132 с.

2. Kvint, V. L. The Global Emerging Market Strategic Management and Economics / V. L. Kvint. – New York: Routledge, 2009. – 488 p. <https://doi.org/10.4324/9780203882917>.

3. Стеблюк, И. Ю. Персонализация как основа клиентского маркетинга / И. Ю. Стеблюк // Экономические системы. – 2018. – Т. 11, № 3 (42). – С. 89–92. DOI: 10.29030/2309-2076-2018-11-3-89-92.

4. Радкевич, М. М. Реализация мирового тренда "непрерывное образование" в сфере машиностроения / М. М. Радкевич // Россия в глобальном мире. – 2014. – № 5. – С. 244–248.

5. Антипина, О. Платформы как многосторонние рынки эпохи цифровизации / О. Антипина // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 3. – С. 12–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-12-19.

6. Афанасьев, А. А. Цифровая трансформация машиностроения России в контексте четвертой промышленной революции / А. А. Афанасьев // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 1. – DOI: 10.18334/vines.14.1.120242.

7. Свистунов, В. М. Влияние глобальной цифровизации на структуру мирового и национального рынков труда / В. М. Свистунов, В. В. Лобачев // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2023. – № 1 (64). – С. 81–86.

8. Корепанов, Е. Н. Импортозависимость и импортозамещение в машиностроении / Е. Н. Корепанов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – №5. – С. 66–76. – DOI: 10.52180/2073-6487_2022_5_66_76.

9. Индикаторы инновационной деятельности: 2023: стат. сб. / В. В. Власова, Л. М. Гохберг, Г. А. Грачева [и др.]. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 292 с.

10. Клепач, А. Н. Российская наука и технологии: взлёт, или прогрессирующее отставание: ч. 1 / А. Н. Клепач, Л. Б. Водоватов, Е. А. Дмитриева // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 6(195). – С. 76–93. – DOI: 10.47711/0868-6351-195-76-93.

11. Сидоров, А. А. Россия как экспортёр машин и оборудования / А. А. Сидоров // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – №6. – С. 57–69.

References

1. Kvint V. L. (2019) Kontseptsiya strategirovaniya [Concept of Strategizing]. Vol. 1. St. Petersburg: RANEPА St. Peterburg. 132 p.

2. Kvint V. L. (2009) The Global Emerging Market Strategic Management and Economics. New York: Routledge. 488 p. <https://doi.org/10.4324/9780203882917>.

3. Steblyuk I. Y. (2018) Personalizatsiya kak osnova kliyentskogo marketinga [Personalization as the Basis of Customer Marketing]. Economic Systems, 11(3), pp. 89–92. DOI: 10.29030/2309-2076-2018-11-3-89-92.

4. Radkevich M. M. (2014) Realizatsiya mirovogo trenda "nepriyvnoye obrazovaniya" v sfere mashinostroyeniya [Implementation of the Global Trend of “Continuing Education” in the Field of Mechanical Engineering]. Russia in the Global World, 5, pp. 244–248.

5. Antipina O. (2020) Platformy kak mnogostoronniye rynki epokhi tsifrovizatsii [Platforms as Multilateral Markets in the Era of Digitalization]. World Economy and International Relations, 64(3), pp. 12–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-12-19.

6. Afanasyev A. A. (2024) Tsifrovaya transformatsiya mashinostroyeniya Rossii v kontekste chetvertoy promyshlennoy revolyutsii [Digital Transformation of Mechanical Engineering in

Russia in the Context of the Fourth Industrial Revolution]. *Issues of Innovative Economics*, 14(1). DOI: 10.18334/vinec.14.1.120242.

7. Svistunov V. M., Lobachev V. V. (2023) Vliyaniye global'noy tsifrovizatsii na strukturu mirovogo i natsional'nogo rynkov truda [The influence of global digitalization on the structure of world and national labor markets]. *Personnel and Intellectual Resources Management in Russia*, 1(64), pp. 81–86.

8. Korepanov E. N. (2022) Importozavisimost' i importozameshcheniye v mashinostroyenii [Import Dependence and Import Substitution in Mechanical Engineering]. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 5, pp. 66–76. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_5_66_76.

9. Vlasova V. V., Gokhberg L. M., Gracheva G. A. (Eds) (2023) Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti: 2023: statisticheskiy sbornik [Indicators of Innovation Activity: 2023: Statistical Collection]. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 292 p.

10. Klepach A. N., Vodovatov L. B., Dmitrieva E. A. (2022) Rossiyskaya nauka i tekhnologii: vzlet, ili progressiruyushcheye otstavaniye (Chast' I) [Russian science and technology: rise, or progressive lag (Part I)]. *Problems of Forecasting*, 6(195), pp. 76–93. DOI: 10.47711/0868-6351-195-76-93.

11. Sidorov A. A. (2023) Rossiya kak eksportor mashin i oborudovaniya [Russia as an Exporter of Machinery and Equipment]. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 6, pp. 57–69.

V. V. Krayushkina¹¹. The Influence of Global Trends on the Strategic Development of Russian Mechanical Engineering Industry. The article examines the influence of key global trends and challenges on the development of mechanical engineering in Russia. World experience and global trends in mechanical engineering have been studied. Russia has faced serious difficulties caused by various factors such as sanctions, ruble devaluation and problems in key sectors such as automotive, household appliances and railway engineering. In 2023, mechanical engineering saw a “rebound” from the extremely low level of 2022. This period of expected recovery could be key to turning negative trends into positive trends in the industry, highlighting the importance of rethinking and adapting to market challenges. Methodology of strategizing by academician V. L. Kvint prescribes relying primarily on taking into account global processes of industry development. In accordance with global trends, the prospects for the development of Russian mechanical engineering should be based on the scientific and innovative development of the industry and the country as a whole. In this regard, it is also important to use global experience in introducing innovations and comply with international standards. In the short term, it is necessary to ensure the self-sufficiency of mechanical engineering as an element of technological sovereignty in the country, and in the long term, it is necessary, taking into account existing indicators, to develop exports while reducing dependence on imports in mechanical engineering.

Keywords: development of mechanical engineering, global trends in mechanical engineering, theory of strategizing by V. L. Kvint, mechanical engineering in Russia, sanctions.

---

¹¹ Valeriya V. Krayushkina, Postgraduate at the Advanced School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (61/1 Leninskiye gory, Moscow, 119991, Russia), e-mail: Krayushkinavv@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ»

Общие положения

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Полученные статьи рецензируются и при положительном заключении редактируются. Редакция не согласовывает с авторами вносимые изменения и сокращения, не затрагивающие принципиальных вопросов.

Материалы пересылаются авторами в редакцию по электронной почте. Заявка на публикацию включает:

1. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на русском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах (фамилия, имя, отчество; учёная степень; должность; организация, которую представляет автор, и её адрес (почтовый индекс, страна, город, улица, дом); контактный телефон (с указанием кода города); e-mail);

2) название статьи;

3) аннотацию (150–200 слов);

4) ключевые слова (5–8 слов);

5) текст статьи;

6) библиографический список.

2. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на английском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах;

2) название статьи;

3) аннотацию;

4) ключевые слова;

5) транслитерацию библиографического списка (references) с переводом названий источников и изданий (сборников, журналов и т. п.) на английский язык.

Требования к оформлению рукописи

Объём статьи – 25 000...45 000 знаков с пробелами на листе формата А4 с полями по 2,5 см.

Текст набирается через полтора интервала, кегль – 14, гарнитура – *Times New Roman*.

Все страницы рукописи нумеруются.

Каждая *таблица* должна иметь название, *рисунки* – подрисуночную подпись. Уравнения, рисунки и таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Требования к списку источников

Список должен включать преимущественно научные статьи из рецензируемых научных изданий, монографии, авторефераты диссертаций. **Нормативно-правовые документы, статистические материалы и работы без указания фамилий авторов в список источников не включаются** (при необходимости они упоминаются в тексте статьи или выносятся в постраничную сноску).

Список источников желательно составлять в алфавитном порядке: сначала – русскоязычные, затем – англоязычные. Ссылки делаются по мере упоминания источников в тексте статьи, при этом в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках (например, [2], [2, 3]). При описании статей из журналов или сборников обязательно указываются страницы, на которых помещена статья, например: [2, с. 312]; [3, с. 312–320]. *Имена зарубежных авторов, упоминаемых в тексте статьи, должны быть транслитерированы на русский язык.*

Для всех книжных изданий необходимо указать общее количество страниц. Неопубликованные источники в список литературы не включаются. При наличии источников, у которых есть DOI (digital object identifier), его необходимо привести в конце библиографической записи.

При описании электронных ресурсов удалённого доступа (из интернета) после электронного адреса в круглых скобках указывают дату обращения к документу (дата обращения: 01.03.2020). На все приведённые в библиографическом списке источники должны быть ссылки в статье.

References (*транслитерация списка литературы*) к статье оформляется автором *самостоятельно*. Рекомендуется использовать систему на сайте <https://translit.net/>

Требования и примеры оформления транслитерации литературы представлены на сайте журнала «Экономическое возрождение России».

**Рукописи, не соответствующие данным требованиям,
возвращаются авторам!**

Плата за публикацию статей не взимается.
Авторские гонорары редакция не выплачивает.

Приём статей: Редакция журнала «Экономическое возрождение России»
197101, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16.
Тел./факс: +7 (812) 313-82-71, e-mail: evr@inir.ru